

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

10
2013
Часть IV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 10 (57) / 2013

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Ответственный редактор: Кайнова Галина Анатольевна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

На обложке изображен Вильгельм фон Гумбольдт — немецкий филолог, философ, языковед, дипломат.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

- Мальгин В.Е.**
Изучение мотивов занятий спортом воспитанников спортивных школ 557

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Афонасьева И.В.**
Становление и особенности английского диалекта 562
- Евдокименко Е.Ю.**
Понятие информационного шума в социально-гуманитарных науках..... 564

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Николаев П.В.**
Предметный мир женских образов в живописных парсунах 567
- Редько А.М.**
Пространство репертуара..... 569

ФИЛОЛОГИЯ

- Ахмади М., Данешиан Х.**
Префикс «по-» с глаголами движения..... 574
- Бельцова И.А.**
Ценностные приоритеты и образ успешного человека в культуре и СМИ США 578
- Генкин Ю.Ю.**
Проблема понимания в деловом общении на морском транспорте как когнитивный и психолингвистический аспект обучения иностранному языку в морском вузе..... 583

- Дашкова В.Н.**
О некоторых вариантах собирательного и отдельного представления количества в пределах одной лексемы-субстантива 585

- Кочарян А.Р.**
Пословицы и поговорки в сопоставлении с фразеологизмами в удинском языке 587

- Кочарян А.Р.**
Заимствованная лексика в удинском языке.... 592

- Молчанова В.С.**
Филологический факультет Карагандинского государственного университета имени Е. А. Букетова: организация научной деятельности 597

- Погарская М.Е.**
Курс «Деловой французский» на уроках французского языка 603

- Пашнева С.А.**
Русские нормативные имена для 275 изображений действий и данные по их образности, знакомости и возрасту усвоения..... 606

- Рындина Ю.В.**
Индивидуально-дифференцированный подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей..... 610

- Серебрякова-Шибельбейн Е.М.**
Драматургия Дюрренматта в контексте европейской драмы XX века на примере произведения «Ромул Великий»..... 613

- Суровцева Е.В.**
Переписка Л. Н. Толстого и Великого Князя Николая Михайловича 617

Ханджани Л., Захраи С.Х.

Семантические особенности и средства выражения таксиса (на материале русского и персидского языков)..... 621

Шайхуллова Р.Р.

Система обозначения русского захолустья с помощью коннотативных онимов 625

ФИЛОСОФИЯ

Буряченко А.Г.

Внешняя торговля в идеальном обществе (на примере произведения Этьена Кабе «Путешествие в Икарию») 628

Гатиатуллина Э.Р., Орлов А.Н.

Влияние субкультур на становление личности в подростковом возрасте: социально-философский анализ (на примере Кабардино-Балкарской Республики). 630

Гречкосей Р.Н.

Понятие свободы в философии Э. Фромма и Ф. Ницше как проявление человеческой сущности 634

Давыдов А.Ю.

Воззрения Василия Великого относительно прекрасного 641

Отраднава О.А.

Человек в условиях изменяющейся реальности..... 647

Суховская Д.Н.

Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории..... 650

ПРОЧЕЕ

Велковска Г.Ц.

Les groupes vulnérables dans la République de Bulgarie — caractéristiques essentielles..... 653

Еркубаева А.Ю.

Условия совершения преступлений из хулиганских побуждений 655

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Изучение мотивов занятий спортом воспитанников спортивных школ

Мальгин Валерий Евгеньевич, директор
МБОУДОД ДЮСШ ЗАТО (г. Радужный, Владимирская обл.)

В статье рассматриваются подходы к изучению и классификации мотивов занятий спортом воспитанников спортивных школ.

Ключевые слова: спортивная деятельность, мотив.

Мотивация к какой-либо деятельности имеет очень высокое значение и особенно она важна при занятиях спортом, т. к. именно в тренировочном, а затем и в соревновательном процессе спортсмену необходимо добиться наилучшего результата, с минимальными затратами и в кратчайшие сроки. Главной задачей администрации и тренерско-педагогического коллектива спортивной школы является повышение эффективности спортивной деятельности школы путем влияния на мотивационную сферу воспитанников.

Современные виды спорта постепенно трансформировались из постоянного стремления человека удовлетворять потребность в движении, развивать свои физические качества. Таким образом, физические упражнения обособились в отдельный вид человеческой деятельности — в спортивную деятельность, которая отличается рядом специфических особенностей [8, с. 34]

Спортивная деятельность, как правило, связана:

1. С проявлением мышечной активности в различных формах при выполнении специальных физических упражнений.

2. С овладением высокой техникой выполнения физических упражнений в избранном виде спорта, она требует от спортсмена специальной систематической и длительной тренировки, в процессе которой он усваивает и совершенствует определенные двигательные навыки и развивает необходимые для занятий данным видом спорта физические качества (силу, выносливость, быстроту, ловкость движений) и волевые черты характера (смелость, решительность. Инициативность, волю к победе и др.);

3. Со стремлением к совершенствованию в избранном виде спорта — направлена к достижению наивысших результатов в определённом виде физических упражнений;

4. Со спортивной борьбой, которая приобретает особый острый характер во время спортивных соревнований, яв-

ляющихся, как и систематическая тренировка, обязательной составной частью спортивной деятельности, которая содействует развитию спортсмена способности к максимальным напряжениям физических сил, большой силы и глубины эмоциональных переживаний, обострённой деятельности всех психических процессов;

5. С максимальным выявлением физических и духовных сил, специальных умений и навыков развитием моторных способностей, постоянным поддержанием их на высоком уровне. В связи с этим спортивная деятельность приобрела сложную структуру и в настоящее время включает в себя не только участие в соревнованиях, но и систематические тренировочные занятия;

6. С резко выраженным сознательным характером, что объясняется чувством большой ответственности и стремлением достигнуть наиболее эффективного результата, добиться рекорда в выполнении данного действия. Спортивная деятельность предъявляет огромные требования к процессам информации, и её переработки, памяти и внимания спортсмена, к его волевым действиям и эмоциональным состояниям [10, с. 78]

Мотивация, побуждающая человека заниматься спортом, обусловлена потребностями, определяющимися удовлетворением, вызываемым самой спортивной деятельностью и успехами, достигаемыми в ней. Мотивы, побуждающие человека заниматься спортом, имеют свою структуру [4, с. 54]. Непосредственные мотивы спортивной деятельности потребность в чувстве удовлетворения от проявления мышечной активности; потребность в эстетическом наслаждении собственной красотой, силой, выносливостью, быстротой, гибкостью, ловкостью; стремление проявить себя в трудных, даже экстремальных ситуациях; стремление добиться рекордных результатов, доказать свое спортивное мастерство и добиться победы; потребность в самовыражении, самоутверждении, стремление к общественному признанию,

Таблица 1. Классификация мотивов спортивной деятельности

По направленности на процесс или результат деятельности	По степени устойчивости	По связи с целями спортивной деятельности	По месту в системе «Другие — Я»	По доминирующей установке
Процессуальные мотивы (интерес, удовольствие и др.)	Ситуативные (кратковременные, проходящие)	Смыслообразующие (напрямую связанные с целью)	Индивидуальные (мотивы личного самоутверждения)	Мотивация достижения успеха (преобладание мотивов на успех, победу, даже путем риска)
Результативные мотивы (ожидание награды, позитивные соц. Последствия победы и т. п.)	Устойчивые (долговременные, часто многолетние)	Стимулы (побуждающие к деятельности, например материальные стимулы)	Групповые (патриотизм всех уровней, мотивы честной соревновательной борьбы и др.)	Мотивация избегания неудачи

славе. Опосредованные мотивы спортивной деятельности стремление стать сильным, здоровым; стремление через спортивную деятельность подготовиться к практической жизни; чувство долга; потребность в занятиях спортом через осознание социальной важности спортивной деятельности [6, с. 65].

Мотив — побуждение к определенной активности, к удовлетворению потребности определенным способом. Если потребность является источником активности, то мотивы придают этой активности определенное направление и удерживают человека в рамках данного пути. Мотивы позволяют понять, почему именно ставятся те или иные цели, развивается неугасимое стремление к их достижению. Для спортивной деятельности характерно большое разнообразие мотивов [4, с. 68].

Следует отметить, что неудовлетворительная разработанность проблемы мотивации, отсутствие единства и четкости в определении существа этого явления привели к классификации их на основе разных критериев (табл. 1).

Как показывает анализ литературных источников, на протяжении спортивной карьеры роль конкретных мотивов в стимулировании активности спортсмена меняется, и для каждого этапа спортивной карьеры характерны свои доминирующие мотивы.

Так Е. П. Ильин отмечает, что на начальном этапе причинами прихода в спорт (независимо от вида деятельности, т. е. спорта) могут быть;

- стремление к самосовершенствованию;
- стремление к самовыражению и самоутверждению;
- социальные установки;
- удовлетворение духовных и материальных потребностей.

Каждая из перечисленных причин имеет для конкретного спортсмена большую или меньшую действенность в связи с его ценностными ориентациями [4, с. 70].

И. Г. Келишев выделяет мотив внутригрупповой симпатии как начальный мотив занятий спортом. Опросив около 900 спортсменов с большим стажем и высоким

уровнем мастерства, он выявил, что на начальном этапе спортивной карьеры этот мотив занимал у них важное место. Сущность его выражается в желании детей и подростков заниматься каким-либо видом спорта ради того, чтобы постоянно находиться в среде своих товарищей и сверстников. Их удерживает в спортивной секции не столько стремление к высоким результатам и даже не интерес к данному виду спорта, сколько симпатии друг к другу и общая для них потребность в общении [3, с. 97].

Ю. Ю. Палайма выделил две группы спортсменов, различающихся по доминирующему мотиву. В первой группе, условно названной «коллективистами», доминирующими являются общественные, моральные мотивы. Во второй группе — «индивидуалистов» — ведущую роль играют мотивы самоутверждения, самовыражения личности. Первые лучше выступают в командах, а вторые, наоборот, — в личных соревнованиях [12, с. 69].

Общественный мотив характеризуется осознанностью общественной значимости спортивной деятельности; спортсмены с доминированием этого мотива ставят перед собой высокие перспективные цели, они увлечены занятиями спортом. Мотив самоутверждения характеризуется чрезмерной ориентацией спортсменов на оценку своих спортивных результатов.

Следует отметить, что при психологическом обеспечении спортивной деятельности важно учитывать и тот и другой мотивы. Успешное воспитание спортсмена и достижение им высоких спортивных результатов возможно только при правильном соотношении общественного и индивидуального мотивов. Анализ практики показывает, что пренебрежение одним из них, игнорирование того или иного мотива одинаково приводит к негативным результатам.

Доминирование мотивов подтверждают данные исследований, полученные Е. Г. Знаменской: спортсмены со спортивно-деловой мотивацией проявляют большую увлеченность занятиями спортом; спортсмены же, у которых доминирует личностно-престижная мотивация, чрезмерно ориентированы на оценку своих спортивных

результатов, проявляя постоянную озабоченность личным самоутверждением. Это приводит к неадекватной самооценке, к эмоциональной неустойчивости в экстремальных условиях соревнований [13, с. 108].

Многие исследователи спортивной мотивации: А. Пилоян, Б. Д. Кретти, Ю. Ю. Палайма, А. Ц. Пуни и др., отмечают разную степень осознанности трех ее слагаемых (мотивы, потребности, цели). Потребности и мотивы могут быть неосознанными, полусознанными или осознанными. Цели же всегда осознаваемы и являются итогом мысленной работы, в процессе которой человек пытается в идеальной форме разрешить противоречие между требованиями спортивной деятельности, ее конкретными условиями, с одной стороны, и собственными возможностями, способностями адаптироваться к этим условиям и требованиям, с другой. Поэтому цель выступает в качестве регулятора активности, влияя на выбор конкретных средств достижения желаемого результата [1, с. 68].

Следовательно, блок мотивации выполняет в структуре спортивной деятельности школы следующие функции:

- является пусковым механизмом деятельности;
- поддерживает необходимый уровень активности в процессе тренировочной и соревновательной деятельности;
- регулирует содержание активности, использование различных средств деятельности для достижения желаемых результатов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Блок мотивации образуют: потребности, мотивы и цели спортивной деятельности.

Мотивы — это мощные, регулирующие деятельность психические силы или факторы. Регулирующая сила мотивов проявляется в их активирующем влиянии, поддерживающем и стимулирующем интеллектуальные, моральные, волевые и физические усилия человека, связанные с достижением цели [4, с. 115].

Причины, по которым подросток занимается определенным видом спорта, могут быть самыми различными, и их трудно свести к каким-то очевидным принципам. Различными бывают не только мотивы, в результате которых спортсмен подросткового возраста становится членом какой-либо команды, но и мотивы, побуждающие спортсмена выступать во время сезона или в какой-то конкретной игре или соревновании [12, с. 115].

Для описания мотивов спортивной деятельности Дж. Кретти предлагает три параметра для классификации мотивов.

1. Мотивы осознаваемые и неосознаваемые.
2. Мотивы, источником которых являются физиологические, психологические, социальные потребности.
3. Группа мотивов, формирующаяся под воздействием прошлого опыта, недавнего прошлого опыта, непосредственным опытом деятельности и общения с другими людьми [1, с. 44].

Характеристика мотивационной структуры отдельного спортсмена-подростка затрудняется не только слож-

ностью имеющейся у него системы ценностей, но также и возможностью влияния его прошлого опыта на формирование отношений к успеху, спорту, труду, авторитетам. По мере того как становится взрослым, степень воздействия на него различных мотивов также меняется.

Потребность в достижении успеха проходит, по крайней мере, три стадии развития по мере созревания ребенка. Сначала, до шести лет, он, выполняя двигательные задачи, воспринимает себя автономно. В начальной школе он начинает соревноваться с другими, и у него формируются так называемые социальные потребности в достижении успеха. Позже происходит постепенное уравнивание автономных и социальных потребностей [7, с. 68].

Тренерам спортивных школ чаще всего приходится работать с детьми, у которых уже сформированы основные потребности в достижении успеха и направленность деятельности. Например, у мальчика, родители которого (особенно отец) всегда ставили перед ним четкие и легко достижимые цели и оказывали ему при этом помощь, скорее всего, будет низкий уровень потребности в достижении успеха. У ребенка, которого никогда не хвалили и не поощряли за достигнутый успех, также будут низкие потребности в достижении. С другой стороны, если родители (или, по крайней мере, один из родителей, желательнее отец) ставили перед сыном трудные, но достижимые задачи и предоставляли ему самому добиваться успеха, а затем хвалили, то у него, скорее всего, будет сформирована высокая потребность в достижении успеха, которая положительно отразится на его отношении к занятиям спортом [14, с. 134].

Тренер, занимающийся с подростком, обладающим высоким уровнем потребности в достижении, должен вести себя иначе, чем с ребенком, у которого низкая потребность в достижении успеха. В последнем случае ребенка необходимо перевоспитывать, поощрять за успех, поддерживать эмоционально и показать ему, что высокого результата можно добиться собственными усилиями без помощи посторонних. С подростком, у которого благодаря ранним достижениям и самостоятельности сформировался целеустремленный характер, следует работать по-другому. Иногда ему надо оказать поддержку после проигрыша или помочь снять опасения и тревогу в ситуациях, когда он может потерпеть неудачу. Более того, у подростков с высоким уровнем мотивации на достижение успеха наблюдается тенденция к снижению потребности в установлении социальных связей с другими [5, с. 84].

Подростки, мотивированные на успех обычно ставят перед собой в деятельности некоторую положительную цель, достижение которой может быть однозначно расценено как успех. Они отчетливо проявляют стремление, во что бы то ни стало, добиться только успехов в своей деятельности, ищут такой деятельности, активно в нее включаются, выбирают средства и предпочитают действия, направленные на достижение поставленной цели. В их когнитивной сфере обычно имеется стойкое ожидание успеха. Такие спортсмены рассчитывают получить одо-

Таблица 2. Структура мотивации достижения высокого результата в спорте (по Р. А. Пилюн)

Побудительные основания	1) отражает принципиальную ориентированность спортсмена на удовлетворение самоактуализации, самоутверждения, самовыражения, исполнения долга. 2) отражает ориентированность спортсмена на удовлетворение материальных потребностей.
Базисные основания	1) отражает степень заинтересованности спортсмена в благоприятных условиях социально-бытовой деятельности. 2) отражает степень заинтересованности спортсмена в накоплении специальных знаний и навыков. 3) отражает степень заинтересованности спортсмена в отсутствии болевых ощущений.
Процессуальные основания	1) отражает степень заинтересованности спортсмена в накоплении сведений о своих противниках. 2) отражает степень заинтересованности спортсмена в отсутствии психогенных влияний, отрицательно сказывающихся на процессе соревновательной борьбы.

брение за действие, направленные за достижение поставленной цели, а связанная с ней работа вызывает у них положительные эмоции [10, с. 59].

При доминировании мотивации достижения успеха спортсмен подросткового возраста предпочитает задачи средней и слегка повышенной степени трудности, так как их решение, старание и способности могут проявиться наилучшим образом. При преобладании мотивации избегание неудач — задачи выбираются легкие или трудные, которые практически невыполнимы. У стремящегося к успеху привлекательность задачи, интерес к ней после неудачи в ее решении возрастает, а для ориентированного на неудачу, — падает.

Мотивированные на достижение успеха подростки в ситуации выбора между немедленным вознаграждением или большим, но отсроченным по времени, выбирают последнее. Спортсмены с низкой склонностью к достижению отличаются большей привязанностью к настоящему и меньшей способностью отсрочить удовлетворение [2, с. 71]

Стремящиеся к успеху подростки свои достижения приписывают внутриличностным факторам (способностям, стараниям и т. п.), а избегающие неудачи — внешним факторам (легкости или трудности выполняемой задачи, везению и т. п.). Спортсмены, имеющие сильно выраженный мотив избегания неудачи, склонны недооценивать свои возможности, быстро расстраиваются при неудачах, снижают самооценку, а те, кто ориентирован на успех, ведут себя противоположным образом: адекватно оценивают свои способности, мобилизуются при неудачах, идут вперед, а не расстраиваются.

Структура мотивации достижения спортсменов подросткового возраста носит индивидуальный характер и включает побудительные, базисные и процессуальные основания. Ее типичная динамика проявляются тремя тенденциями. Первая — структура мотивации практически не изменяется в течение длительного времени. Вторая — отдельные компоненты мотивации изменяются

волнообразно. И, наконец, третья — наряду со снижением значимости побудительных оснований имеют место волнообразные колебания базисных и процессуальных компонентов мотивации.

Бороться, чтобы преодолеть препятствия, подвергать себя воздействию стресса, изменять обстоятельства и добиваться успеха представляется, по-видимому, одним из мощных мотивов в спортивной деятельности. Многие подростки получают большое удовлетворение от занятий спортом и победы над соперником или при преодолении препятствий, возникающих на их пути. Психологи рекомендуют прямо рассказывать начинающим спортсменам о привлекательности победы над собой и соперниками [15, с. 24]. Мотивация к преодолению препятствия и получаемое от этого удовлетворение действительно являются мощными стимулами. Спортивный опыт является наиболее простым и ранним из стрессоров, с которыми может встретиться юноша. Достижение успеха в трудных условиях, характерных для многих видов спорта, может принести молодым людям большую пользу в дальнейшей жизни, особенно если при этом выполняются некоторые требования [9, с. 12].

1. Спортсмену на первом этапе обучения специально указывают на положительное значение преодоления стресса и мотивируют его к активным занятиям спортом.

2. Индивиду дается возможность достигнуть относительного успеха, т. е. к нему не предъявляются необоснованные требования, например, стать чемпионом. Он просто должен раскрыть все свои способности и стремиться к самосовершенствованию.

3. Физический и эмоциональный стресс, которому подвергается юноша, не должен превышать физиологических и психологических возможностей организма, еще не приспособившегося к большим нагрузкам.

Большинству подростков не нужно говорить, что успехи в спорте повышают их престиж в обществе. Уже в школе необходим определенный уровень физических способностей для достижения благоприятной атмосферы.

Многолетние и систематические наблюдения за детьми показали, что мальчики, созревающие рано, достигают успеха в спорте (приобретают статус и самоуважение). В дальнейшем они становятся более уверенными в себе и устойчивыми, в отличие от сверстников, у которых процесс созревания происходил медленнее и которым не удалось достигнуть того же статуса благодаря ранним занятиям спортом [11, с. 31].

Литература:

1. Волков И. П. Спортивная психология в трудах зарубежных специалистов. — М.: Советский спорт. 2005
2. Волков И. П. Спортивная психология в трудах отечественных специалистов. — Спб.: Питер. 2002
3. Волков Л. В. Теория и методика детского и юношеского спорта. — Киев. Олимпийская литература. 2002
4. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — М. 2004
5. Лазарева Г. Ю. Как приучить ребенка к спорту. — М.: АСТ. 2006
6. Леонтьев А. А. Психология общения. — М. 1997
7. Маслоу А. Мотивация и личность. — Спб. 1999
8. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. — Лань. 2005
9. Родионов А. В. Психофизическая тренировка. — М.: ТОО Дар. 1995
10. Серова Л. К. Психология личности спортсмена. — Советский спорт. 2007
11. Столяров В. И. Социология Физической культуры и спорта. — ФиС. 2005
12. Тарас А. Е. Психология спорта: Хрестоматия. — М. АСТ. 2007
13. Узнадзе Д. Н. Теория установки. — М. 1997
14. Федотова Е. В. Основы управления многолетней подготовкой юных спортсменов в командных и игровых видах спорта. — М.: СпортАкадемПресс. 2003
15. Юров И. А. Психологическое тестирование и психотерапия в спорте. — М.: Советский спорт. 2006

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Становление и особенности английского диалекта

Афонасьева Ирина Вячеславовна, студент

Ишимский государственный педагогический институт имени П. П. Ершова (Тюменская обл.)

Существует несколько вариантов английского языка. Наиболее широко известными являются стандартный (британский) английский и диалект кокни, расположенные в противоположных концах лингвистического континуума Лондона. Грамматика, синтаксис, морфология, сленг и лексика стандартного английского языка являются наиболее широко понятным и принятым. Главное различие между стандартными и нестандартными вариантами заключается в различном уровне социальной приемлемости, и в том факте, что нестандартные варианты интенсивно не шифруются [5, с. 6].

В XVII века Лондон стал выступать в качестве политического и коммерческого центра страны [4, с. 203–204]. Это было также время, когда речь лондонского Вэст-Энда (или высших классов, живущих там) начала все более отождествляться со стандартным английским, тогда как Ист-Энда (бедные части города) отождествлялись с кокни.

Под *кокни* в настоящее время подразумевают диалект английского языка, употребляемого в Ист-Энде в Лондоне. В область распределения примерно входят следующие районы: Олдгейт (Aldgate), Бенгал Грин (Bethnal Green), Бау (Bow), Лаймхаус (Limehouse), Майл Энд (Mile End), Олд Форд (Old Ford), Попла (Poplar), Ратклифф (Ratcliff), Шоредотч (Shoreditch), Спиталфилд (Spitalfield), Степни (Stepney), Уоппинг (Wapping). В целом они принадлежат трем районам: Сити (City), Хакни (Hackney), Тауэр Хэмплетс (Tower Hamlets). Тем не менее, согласно наиболее традиционному определению истинным кокни является любой человек, кто родился под звук колокола церкви святой Марии-ле-Бау [3, с. 194]. В 1941 г. нацистская бомба Фау-2 разнесла колокольню церкви, и только лишь в 1961 г. звон колоколов возобновился.

Этимологически слово *кокни* означает «петушиное яйцо», исходя из *сокепе* (родительный падеж от «*соск*» — старого петуха) (ст. англ. *Сосс*, *кок*). Это был средневековый термин, относящийся к маленькому, деформированному яйцу, предположительно отложенному петухом. Очень скоро этот термин стал использоваться в значении

«побаловать ребенка» или «маменькин сынок» (ср. англ. *Cosker* «баловать»).

В начале XVI века соотечественники начали применять термин к людям, которые родились и выросли в городах и поэтому считались более слабыми. В XVII века термин *кокни* стал использоваться как выражение пренебрежения и призрания, во всяком случае, позже он употребляется только в отношении к лондонцам: «*Cockney* или *cockpu*, применяемые только к тем, кто родился ... в лондонском Сити...» [2]. Укоризненная фраза «наш лондонский кокни» (1611 г.) использовалась для указания на любого человека, не проявляющего интереса к жизни за пределами английской столицы.

В следующем веке значение термина снова изменилось. Теперь *кокни* называли не только носителя диалекта, но и сам диалект. В конце века выделяется четыре основные особенности носителей этого диалекта:

- 1) *s* произносится невнятно после *st*;
- 2) произносится [w] вместо [v], и наоборот;
- 3) [h] не произносится после [w];
- 4) [h] не произносится, где он должен быть и наоборот.

В 1824 г. сэр Роберт Пиил формирует первые полицейские отряды, располагавшиеся на улице Бау в Лондоне. В то время их называли *Bow Street Runners*, *Peelers*, *Boobies*. Известно, что носителями сленга были обитатели трущоб Лондона, где царил ужасная преступность. Это был очень удачный языковой код. Ни один из полицейских никогда бы не догадался, о чем ведут речь представители лондонского Ист-Энда. Тем не менее, сленг стал широко распространенным среди рабочих слоев населения, то есть, как минимум, среди половины населения столицы. Вместо самого слова использовались фразы, рифмующиеся с ним. Таким образом, например, слово «*stairs*» становилось «*apples and pears*», вместо «*phone*» использовалось «*dog and bone*».

Также известно, что истинные кокни одевались по-особенному. Они придумали специальную одежду, и не только для «рядовых», но и для королей и королев. Мужчины-кокни носили черные костюмы, украшенные блестящей вышивкой, а женщины-кокни выделялись из

толпы яркой одеждой, броским макияжем и подчеркнута вульгарными манерами.

В начале XX века кокни распространяется за пределы традиционных границ Ист-Энда, и не только в другие части Лондона, но и даже в соседние округа. Степень распространения кокни заметна по всей Юго-Восточной Англии. Этому способствуют такие факторы, как: социальный класс, род занятий, образование, населенный пункт и т. д.

В настоящее время все большее развитие стал получать рифмованный сленг (Cockney Rhyming slang [6, с. 171]). В наше время носители языка выделяют три вида кокни:

1) classic (классический) широко используется и признается со времен Роберта Пиила;

2) modern (современный) — лексические единицы сочиняют и вводят в употребление современные носители;

3) москпеу (фальшивый кокни) — видоизмененный кокни, подражание кокни человеком из среднего или верхнего класса в Англии. Современный сленг кокни, который разрабатывается сегодня, стремится рифмовать слова с именами знаменитостей и современных людей. Примером могут быть: Al Capone — telephone; Calvin Klein — wine; Barack Obama — farmer (charmer); Brad Pitt — fit; Britney Spears — ears; Bruce Lee — key; Jackie Chan — plan (can).

Большинство лексических единиц, используемых современными кокни, не носят исторического характера, а используются в качестве языковой игры. Главной коммуникативной задачей говорящего, использующего языковую игру, является намеренное отстранение от слова. Ритмизация речи, в свою очередь, помогает достигать эффекта обыгрывания посредством фонетического сходства опорного слова и деривата [1, с. 9].

Слово на кокни — всегда рифмованная фраза из двух слов, причем большинство слов составляются прямо на

ходу: «fisherman’s daughter» и «son and daughter» могут значить одно и то же. Главное правило создания слов сленга кокни — второе слово должно звучать почти идентично зашифрованному. Типичными особенностями фонетической речи кокни в современном языке являются:

— пропуск звука [h], например, «not `alf» вместо «not half»;

— использование «ain’t» вместо «isn’t» или «am not»;

— произношение звука [] как [f], например, «faas`nd»;

— пропуск звука [t] на конце слова.

Несколько примеров рифмующегося сленга: Apples and pears = stairs; Daisy roots = boots; Adam and Eve = believe; Dog and bone = phone; Tom and Dick = sick; Frog and toad = road; Boat race = face; China plate = mate; Bees and honey = money; Bird lime = time; Butcher’s hook = look; Uncle ted = bed [7].

Итак, за 700 лет истории произошли изменения не только в значении термина *кокни*, а также в сферах его использования. Выделяют следующие этапы развития:

1) этап I (XIV в.): «деформированное, уродливое яйцо», понятие применимо к жителям Лондона;

2) этап II (конец XIV — XV вв.): избалованный, испорченный ребенок, понятие применимо к жителям бедных районов города;

3) этап III (XVI в.): любой городской житель любого города;

4) этап IV (XVII в.): лондонец, родившийся под звуки колокола;

5) этап V (XVIII в.): лондонцы и их диалект, рифмованный сленг.

Таким образом, предназначение диалекта поменялось: из тайного, кодового языка лондонский диалект кокни превратился в обычную игру слов, причем носители диалекта могут сами «придумывать» новые значения словам и вводить их в употребление.

Литература:

1. Гридина Т.А.: Языковая игра: Стереотип и творчество [Текст]: Монография / Т.А. Гридина. — Екатеринбург, 1996.
2. Гэвин Дж. Диалект Кокни [Текст] / Дж. Гэвин // Обучение за рубежом. — 2000. — № 4.
3. Ефимова О. П.: Об экзистенциальных особенностях кокни [Текст] / О.П. Ефимова // Уральский филологический вестник. — Череповец, 2012. — № 3.
4. Matthwes W. Cockney Past and Present [Text] / W. Matthwes. — London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1972.
5. Milroy J. Real English. The Grammar of English Dialects in the British Isles [Text] / J. Milroy, L. Milroy. — London: Longman, 1993.
6. The Oxford Dictionary of English Etymology [Text] / Ed. by C. T. Onions. — Oxford, 1966
7. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.study.ru
8. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.Газета.Ru

Понятие информационного шума в социально-гуманитарных науках

Евдокименко Евгения Юрьевна, аспирант
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассматривается явление информационного шума как феномена культурного пространства эпохи постмодерна, анализируется трактовка данного понятия в различных социально-гуманитарных науках. В связи с тем, что на сегодняшний день теоретическая разработанность проблематики информационного шума практически отсутствует и обнаруживается проблема терминологической неопределенности данного феномена, автор выводит классификацию явления информационного шума для социально-гуманитарных наук и определяет его влияние на восприятие индивидом объективной реальности.

Ключевые слова: информационный шум, нерелевантная информация, постмодернизм, восприятие реальности, массовая коммуникация, информационное пространство.

Активизировавшиеся в 70-х — 80-х гг. XX века информационные процессы стали оказывать глобальное влияние на культуру. Неуклонное возрастание скорости передачи различного рода сообщений, все более полное использование обратных связей, увеличение объема передаваемой информации и ускорение ее внедрения в новый информационный поток ознаменовали новый этап в развитии общества, который связан с изменением роли информации и информационных ресурсов в нем. Стало возможным говорить о становлении информационной культуры общества нового типа — постмодернистского.

Постмодернистское общество характеризуется резким возрастанием значения массовой коммуникации и знаковых систем. Увеличиваются потоки информации и потребности связи между людьми. Средства массовой коммуникации и глобальные компьютерные сети делают доступными ценности прошлого и обмен знаниями. Культура начинает рассматриваться как многослойная система текстов, которые тесно взаимодействуют друг с другом и являются самодостаточными культурными ценностями. Картина окружающей человека реальности превращается в непрерывную циркуляцию знаков о том, что произошло в мире. Ввиду перехода к пассивному получению информации, эти знаки все чаще общество получает из средств массовой информации и средств массовой коммуникации.

Информационная культура эпохи постмодерна определила такие свойства циркулирующей в обществе информации, как фрагментарность, вариативность, гипертекстуальность. Возможность свободного участия в формировании информационных потоков любого члена общества стала еще одной характерной чертой настоящей информационной культуры. При этом никуда не исчезла присущая естественному языку любого общества универсалия, заключающаяся в том, что: «все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации» [7, с. 386]

Последствием влияния всех перечисленных факторов на информационное пространство привело к тому, что в информационном потоке стало фиксироваться высокое содержание нерелевантных сообщений, связанных с избытком различных знаков. Избыток разнородной инфор-

мации, особенности формы ее подачи и формирующееся общество потребления привели к возникновению явления «информационного шума».

Впервые его существование в коммуникации было обнаружено американским исследователем К. Э. Шенноном в рамках разработанной им теории [работа «Математическая теория коммуникаций», 1949 год]. Модель, представленная ученым, объясняет процесс коммуникативного акта. В ней он представлен как линейный процесс, в котором коммуникатор определяет, какое сообщение он будет отправлять, передатчик преобразует данные в сигналы, которые идут по коммуникационным каналам, через которые сообщение достигает получателя. Модель включает пять элементов: источник информации, передатчик, канал передач, приемник и конечная цель. Наряду с этими элементами К. Э. Шеннон вводит и такую составляющую данного процесса, как «шум», указывая на то, что весь процесс транспортировки сообщения от коммуникатора к реципиенту проходит на фоне этих помех, затрудняющих передачу информации. В дальнейшем помехи Шеннона в коммуникации стали связывать с понятиями энтропия и негэнтропия. Таким образом, явление шума было разбито на две составляющие: энтропию — внешние факторы, которые искажают сообщение, нарушают его целостность и возможность восприятия реципиентом и негэнтропию — те случаи, когда искаженное сообщение все-таки доходит до реципиента, благодаря возможности последнего к распознаванию информации, однако смысл данных значительно изменяется и представляет ложные или же неполные сведения.

Одновременно явление информационного шума ученые начинают рассматривать и в рамках других социально-гуманитарных наук, таких, например, как филология, культурология, социология, философия. Однако глубокой теоретической разработанности проблема информационного шума к сегодняшнему дню так и не получила. Доказательством этого является, в частности, отсутствие терминологической определенности явления информационного шума. В различных социально-гуманитарных науках данное явление имеет вариативное определение. В культурологии «помехи» К. Э. Шеннона — это

«условно-индифферентная для индивида информация» [3, с. 24]. Случайной низкокачественной информацией [6, с. 44] информационный шум считается в социологии. Современные ученые-коммуникативисты определяют данное явление, как «процесс циркулирования большого числа информации разнообразного типа» [4] или «избыточность информации в коммуникативной среде, которая вызывает функциональное расстройство ее систем» [7, с. 387]. Из-за небольшой изученности проблематики информационного шума в социально-гуманитарных науках его общего определения так и не выведено. Несмотря на то, что все существующие ныне определения отражают одну суть явления, о которой еще в своем исследовании писал К. Э. Шеннон, что является причиной возникновения этого феномена и каковы критерии, по которым следует определять наличие данного явления в информационной среде, разные авторы рассматривают по-своему. Среди всех существующих толкований явления информационного шума есть такие, в которых акцент делается на качественные показатели информации, ее количественные характеристики, на значение транслируемых данных для человека, на ситуацию, возникающую в коммуникационной среде в связи с присутствием в ней исследуемых «помех». В связи со сложившимися обстоятельствами, на наш взгляд, чтобы дать общее определение явлению информационного шума в социально-гуманитарных науках, необходимо синтезировать совокупность суждений К. Э. Шеннона о данном явлении и их интерпретацию современными авторами, которые в своих исследованиях существенно дополнили изначальное определение, выявив новые факторы, влияющие на сущность информационного шума. Учитывая все эти особенности, можно дать общую характеристику информационного шума для социально-гуманитарных наук, определив его как внешние факторы, искажающие сообщение, нарушающие его целостность, уменьшающие его полезность и возможность восприятия реципиентом.

Существование явления информационного шума в частности определили следующие тенденции постмодернистской эпохи:

- Постмодернистская игра. Информационные сообщения все чаще приобретают игровой характер. Акцент приходится не на содержание, а на форму

- Фрагментация информации. В информационном поле постмодернистского пространства циркулируют разрозненные данные

- Существование текста как совокупности ранее установленных знаний, обобщенных и собранных воедино

- Гипертекстовость

- Свободный доступ индивида к формированию информационных потоков

- Наличие в информационном пространстве узкоспециализированных данных и текстов

- Плюрализм

- Эстетическая вторичность постмодернизма. Преобладание серийности, симуляции, цитации, пародирования

Традиционно выделяют два вида информационного шума: преднамеренный, непреднамеренный. Непреднамеренный информационный шум — это все помехи, которые влияют на восприятие картины мира аудиторией без вмешательства со стороны. Преднамеренный информационный шум занимает в современном информационном пространстве значительное место. Информационные войны, технологии черного PR — все это проявление преднамеренного информационного шума или дезинформации. Когда вокруг события преднамеренно создается ситуация, когда информации становится настолько много, что аудитория не может определить, что есть вымысел, а что есть ложь, можно говорить о присутствии преднамеренного информационного шума

Наравне с более общей классификацией явления информационного шума можно выделить и несколько классификаций более узкого характера. Так, В. П. Галкин и Ю. А. Попов предлагают классифицировать информационный шум в социально-гуманитарных науках по аналогии с акустическими шумами. Исследователи предлагают следующую его градацию: белый шум, высокочастотный шум, низкочастотный, сильный, слабый, импульсный. В представленной классификации авторы делают акцент на силу и частотность помех.

Упор на природу возникновения информационного шума в своей классификации делает А. Д. Урсул [9]. Он подразделяет шумовые элементы на возникающие в следствии информационной перегрузки реципиента нерелевантной информацией и на шумовые элементы, возникающие в результате чрезмерного накопления нужной, но повторяющейся информации.

К первому блоку информационных шумов по мнению исследователя относятся:

- Пропаганда. Прежде всего, исследователь указывает на политическую пропаганду, а также на продукты комплементарной журналистики, в которых потребителю не сообщается ничего нового и не объективно отражается действительность

- Материалы, носящие рекламный характер. Автор признает приемлемым присутствие такого рода материалов в информационном пространстве, однако указывает на тот факт, что «выделение части пространства под прямую рекламу и ссылки держателями информационных страниц — явление закономерное и обоснованное, покуда оно не переходит рамки этики и здравого смысла» [9, с. 111–112]. В противном случае, материалы рекламного характера признаются информацией, затрудняющей восприятие реальности

- Спам

Ко второй группе информационных шумов исследователь относит:

- Повторяющиеся по своей сути сообщения. Так, например, сегодня имеет место заимствование информации печатных СМИ из электронных ресурсов, так называемый рерайт. В результате читатель получает однообразные сообщения по всем информационным каналам,

приобретая, по сути, нужную, но идентичную по сути информацию

— Информацию, предназначенную для определенного круга лиц — специализированную/узкоспециализированную, но находящуюся на виду у остальных людей. Автор основывается на том факте, что большая часть информации, с которой встречается индивид при поиске требующихся ему данных, ввиду своей нерелевантности, «отбрасывается», однако некоторое ее количество остается в сознании индивида в виде «информационных напластований» [9, с. 115]. Чем массивнее эти напластования, тем больше восприятия новой, актуальной информации человеком затруднено

Явление информационного шума настолько многогранно, что нельзя выделять какую-либо из представленных классификаций. На наш взгляд, изучая информационный шум, следует принимать во внимание все представленные выше классификации, чтобы учесть все аспекты этого явления.

Мы видим, что явление информационного шума стало прямым следствием новых тенденций в подаче информационных сообщений средствами массовой информации и массовой коммуникации. Причиной сложившихся тенденций, в свою очередь, стала специфика новой информационной культуры эпохи постмодернизма.

В информационном пространстве постмодернистского общества все чаще появляются данные и сооб-

щения, мешающие восприятию картины действительности и затрудняющие усвоение, поиск, запрашиваемых данных. В результате, нерелевантная информация затрудняет получение социально значимых для человека сообщений, усложняет его ориентацию в информационном пространстве. Это, в свою очередь, приводит к затруднению ориентации человека в окружающем его мире, нарушаются социальные связи, наносится вред его здоровью, повышается уровень манипуляции аудиторией, реципиенту становится труднее осмыслить картину реального мира. Наблюдается противоречие: с одной стороны, информационная культура должна способствовать пониманию человеком самого себя, своего места и роли в окружающем мире, истории, системе мировых связей; с другой — феномен информационного шума в информационной культуре эпохи постмодерна препятствует данному процессу. Поэтому дальнейшая разработка проблематики информационного шума на сегодняшний день кажется нам одним из актуальнейших направлений в социально-гуманитарных науках и, особенно, в культурологии. Данное утверждение основывается на том факте, что помехи в восприятии человеком информации могут нанести ощутимый ущерб не только самому индивиду, но и окружающей его культурной среде, ведь информация выступает основным политическим, социальным, экономическим и культурным ресурсом.

Литература:

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Абрахам Ф. Теория Хаоса и Интернета в эпоху постмодерна // Компьютерра. 2012. № 31 (795). с. 10–13
3. Галкин В. П., Попов Ю. А. Ноосфера: информационный шум и человеческие качества // Философия культуры в начале третьего тысячелетия: сб. тр. респ. науч.-практич. конф. Чебоксары. 2001. С. 21–27
4. Ейгер В. Г. Информационный аспект речевых актов: на пути к качественной теории информации. Харьков; Хмельн. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubEiger.html> (дата обращения 10.05.2013)
5. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры / Маршал Мак-Люэн; пер. с англ. А. Юдин. Киев.: Ника Центр, 2004. 432 с.
6. Опенков М. Ю. Медиа-философия о «журналистике 2.0» // Журналистика Русского Севера: история, современность, перспективы: сб. тр. междунар. науч.-практич. конф. Архангельск. 2008. с. 37–49
7. Полудина В. П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации. [Электронный ресурс]: журнал социологии и социальной антропологии. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_5/Poludina_2011_5.pdf (дата обращения 21.04.2012). с. 386–339
8. Пронина Л. А. Информационная культура как фактор развития информационного общества. [Электронный ресурс]: Аналитика культурологии. URL: http://analculturolog.ru/component/k2/item/531-article_13.html (дата обращения 21.04.2013)
9. Урсул А. Д. Информационный шум. §5 // Социальная информатика. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2009. 281 с.
10. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962. 390 p

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Предметный мир женских образов в живописных парсунах

Николаев Павел Владимирович, аспирант
Московский педагогический государственный университет

В статье освещаются проблемы предметного мира женских образов в живописных парсунах.

Ключевые слова: парсуна, предметный мир.

Женские портретные образы составляют самую малочисленную группу произведений среди живописных парсун конца XVII века. К этой группе относятся: «Парсуна царицы Натальи Кирилловны» (ГРМ, Ж-3943), «Парсуна царицы Марфы Матвеевны» (ГРМ, Ж-3970), «Портрет Марфы Матвеевны Апраксиной» (ГРМ, Ж-3985) и «Групповой портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной с детьми Александром и Татьяной» (ГТГ, 6219). Парсунами можно назвать лишь два первых памятника из представленного списка, т. к. два последних являются переходными формами. «Портрет Марфы Матвеевны Апраксиной» выполнен иностранным мастером по всем европейским канонам, поэтому в нём мало качеств, свойственных русской парсуне. А вот «Групповой портрет с детьми» будучи парсуной, был создан уже в начале XVIII в., т. е. когда портрет уже вытеснил из официального обихода парсуну.

Для русской традиции были нехарактерны изображения женщин, поэтому и сохранилось столь малое количество произведений. На первоначальном этапе создавались только «портреты» цариц («Парсуна царицы Натальи Кирилловны» и «Парсуна царицы Марфы Матвеевны») или же очевидных претендентов на этот статус («Портрет Марфы Матвеевны Апраксиной»). Позднее, после проведения петровских реформ и ухода от традиционных канонов, заказать портрет могла любая дворянка («Групповой портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной с детьми Александром и Татьяной»). Также определённой проблемой при изучении предметного мира этой группы является то, что лишь три предмета женского костюма XVII столетия уцелели до нашего времени. Сейчас они находятся в собрании Исторического музея.

Изучение предметного мира данной группы произведений уместнее начать с наиболее раннего памятника, а именно парсуны с изображением царицы Натальи Кирилловны. Этот «портрет» и одноимённые, аналогичные

ему, портреты из Русского музея, не были предметом специального исследования. Поэтому сведения о них в литературе практически исчерпываются данными каталогов собрания живописи Русского музея и каталогов выставок, на которых они экспонировались.

Этот «портрет» создан «во успении» Михаилом Чоглоковым. В отличие от надгробного «портрета», помещённого в среду храма и выполненного в традиции иконописного образа. Как отмечает И.И. Хилимончик, живописный портрет «во успении» написанный в новой технике маслом на холсте должен был, находиться в светских хоромах для памяти потомков. Существенным в нём, на наш взгляд, была передача сходства, жизненного подобия, как раз вследствие этого в практику его создания входила работа с натуры.

Тем не менее, в отличие от изображений на смертном ложе, которые в русском искусстве возникнут лишь только в петровское время (портреты Петра кисти И. Таннауэра и И. Никитина), портретируемые «во успении», как считает И.И. Хилимончик, пишутся живыми. О.С. Евангулова поясняет этот факт культовым представлением о смерти. Вера православного человека в то, что смерть является только временным, переходным состоянием в жизнь вечную, разъясняет особенность данного круга памятников. Поэтому посмертный «образ (персона) во успении» царицы Натальи Кирилловны выглядит как прижизненный светский портрет.

Основное внимание в данном произведении привлекает передача портретного сходства. Под ровными бровями — крупные, полные глубины глаза, взгляд которых устремлён непосредственно на зрителя, большой прямой нос с горбинкой и сравнительно крупный рот. Лицо написано объёмно, с неплохим знанием законов светотеневого моделирования. Сдержанное и сосредоточенно-серьёзное выражение лица несёт жизненную убедительность. Изображение Натальи Кирилловны на этом портрете имеет фамильное родство с портретами юного

Петра. Наиболее схожим по технике письма, портретному сходству и времени создания является икона «Архидиакон Стефан» из церкви в Филях, в котором можно увидеть сходство с изображением молодого царя Петра Алексеевича.

Со значительным уровнем конкретности написан костюм, детали которого совпадают с описанием традиционного одеяния цариц. Наталья Кирилловна облачена в верхнюю распашную одежду темного цвета, отороченную мехом и скрепленную у шеи. Верхняя одежда царицы похожа на летник. Под летником — телогрея. На «портрете» из-под телогреи видны рукава верхней сорочки. При детальном изучении предметного мира памятника внимание привлекает необычный меховой головной убор царицы — каптур.

В целом композиция портрета очень тривиальна. Фигура, написанная в отличие от положения головы практически фронтально, размещена на переднем плане, на темном, нейтральном фоне, который хотя и не располагает признаками реального пространства, обладает небольшой пространственной глубиной. Художнику удалось сформировать простой и царственный образ монаршей особы. Хотя лицо написано объемно, с хорошим знанием законов светотеневого моделирования, всё же руки переданы архаично плоско.

В совершенно ином ключе исполнена «Парсуна царицы Марфы Матвеевны» (ГРМ). Если предыдущий «портрет» был написан «во успение», то данный памятник — типичная светская парсуна. Костюм Марфы яркий и торжественный. В связи с включением в облачение царицы отдельных элементов польского костюма, в котором участвуют такие ткани как шёлк, бархат, горностаевый мех, в парсуне конца XVII века отмечается спад общей орнаментальности. Однако, в женском портрете царицы Марфы Матвеевны, где есть возможность показать орнамент на платье, на кокошнике, на тонкой накидке, цветочный и геометрический узор покрывает почти всю поверхность холста. Свободно размещаясь на плоскости платья, он носит подчеркнуто живописный характер, лёгкими штрихами нанесён как прозрачная паутина на покрывало, расположен на кокошнике и в нитях жемчужного ожерелья. Отдельные мотивы цветочного орнамента разнообразны по рисунку и цвету и почти не повторяются. Складывается такое впечатление, что художник, опасаясь нарушить цветочный узор на наряде царицы, накладывает его поверх условно изображённых складок, тем самым уплощая фигуру и сковывая её позу.

Основной драгоценностью костюма царицы является декорированный множеством камней и жемчужин кокошник, который создаёт единый ансамбль с серьгами и ожерельем. Ожерелье, в конкретном случае, — нарядный воротник в древнерусской одежде из расшитого жемчугом или камнями атласа, бархата, парчи, пристёгивавшийся к кафтану, шубе. Как раз в этот временной

период, в обиход вошёл кокошник. Нехарактерным элементом женского костюма изучаемого периода является резной веер «стрелой», изображённый в правой руке царицы. Аналогичный «овальный» портрет Марфы Матвеевны, выполнен, вероятнее всего, иностранным мастером Вальтером Иоганом. Скорее всего, он является предсвадебным. Это связано с тем, как считает И. И. Хилмончик, что у царицы в руке изображена собачка, в европейской иконографии — символ супружеской верности.

Новой вехой в развитии парсунного искусства является «Групповой портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной с детьми Александром и Татьяной» — один из первых образцов светской живописи, родившейся в Петровскую эпоху. Датировка портрета представляет известные трудности. Молодая женщина изображена согласно моде, введенной Петром по западному образцу. В лице А. Л. Нарышкиной художник представил одну из женщин, которая по воле царя «вышла» из запертых теремов на петровские ассамблеи. На портрете старшая дочь Александра запечатлена ребенком лет четырех-шести, что помогает датировать произведение 1710-ми годами. Это подтверждает и головной убор матери, сделанный из голландских кружев, что было в моде очень короткий срок — в десятые годы XVIII века.

Живописец старается наделять свои модели красотой, передать их молодость и свежесть, однако он не смог придать лицам живость выражения. Что же касается детей, то в XVIII веке, как правило, изображали их «маленькими взрослыми». Художник будто не ощущает специфики детского возраста, присущих ему анатомических и мимических особенностей. О том, что перед нами дети, можно догадаться лишь по размеру фигур.

Больше всего живописца привлекает цветочный узор на платье матери, выполненный с высоким мастерством, а излюбленные цветовые сочетания — оливково-зеленый с оранжево-красным — часто встречались в русской иконописи конца XVII века. Это позволяет предположить, что автором портрета был русский художник — один из предшественников известного живописца И. Н. Никитина и написан между 1709–1715 гг.

Уникальность этой группы памятников заключается в том, что она включает одни из первых светских не царских изображений и в тоже время одну из последних парсун. Для XVII века парсуна, культивировавшаяся при царском дворе и в кругу высшей аристократии, по своей основе прогрессивна. Однако, в начале XVIII столетия с изменением вкусов придворной элиты русская портретная живопись развивается в направлении постепенного изживания парсунной концепции и укрепления стилового единства с искусством европейского типа. Парсуна (вернее её традиция) перемещаются в более низкие слои общества, начиная отвечать и соответствовать критериям и запросам нового потребителя.

Литература:

1. Бусева-Давыдова И. Л. Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен: Дис... д-ра искусствоведения: 17.00.04. М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
2. Древности Российского государства. Отд. II. М., 1851.
3. Иванова Е. Ю., Окуньков В. С. Техника живописи русских портретистов второй половины XVII века // Эпоха парсуны. Русский исторический портрет. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004.
4. Мордвинова С. Б. Парсуна, ее традиции и истоки. Дисс. на соискание степени канд. искусствоведения. М.: Институт искусствознания, 1985.
5. Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. Материалы и исследования. М., 1955.
6. Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века: [Т. 1–4]. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1910–16. Т. 4
7. Эпоха парсуны. Русский исторический портрет. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004.

Пространство репертуара

Редько Анатолий Максимович, педагог, соискатель лаборатории «Музыкальное искусство»

Пермский музыкальный колледж

Институт художественного образования Российской академии образования (г. Москва)

Статья раскрывает актуальные на сегодняшний день темы, а именно следующие тематические направления: это расширения композиторского творчества в интеграционном плане и это инновационное совершенствования хорового детского репертуара.

Ключевые слова: *хоровая лаборатория, инновационное совершенствование репертуарной основы, детский хоровой театр, художественное творчество, музыкально-театральный аспект, сюжетная миниатюра, театр, драматургическая завязка, театральная схематичность.*

Repertoire Space

Article opens subjects actual today. Namely following thematic directions: it expansions of composer creativity in the integration plan and this innovative improvement of choral children's repertoire.

Keywords: *choral laboratory, innovative improvement of a repertoire basis, children's choral theater, art creativity, musical and theatrical aspect, subject miniature, theater, dramaturgic outset, theatrical sketchiness.*

Ваше внимание хотелось бы обратить на одно мероприятие, которое проходило сравнительно недавно, а точнее несколько лет тому назад. В мае месяце 2009 года в г. Санкт-Петербурге состоялось знаковое мероприятие для регионального Союза композиторов, т. е. подведение итогов конкурса: «*Русская музыка XXI века для детей и юношества. Хоровая лаборатория*» /автор выше-названного проекта: И. Роганова/. Это значимое событие в области композиторского искусства проводилось при поддержке Фонда Преподобного Серафима Саровского. Мы хотели остановиться на нём более обстоятельно тем более для решения накопившихся проблем в хоровом детском репертуаре на сегодняшний день.

Просматривая автором данной статьи информационные материалы, /см.: газету «Музыкальное обозрение». 2009. № 7–8. — с. 30/, сразу нас навели рассуждения об условии конкурса-лаборатории. С этими размышлениями я и хотел поделиться.

Прежде всего, обращаем на то место в положении

конкурса, а именно где говорится, что «произведения участников, /здесь мы имеем в виду начинающих композиторов/, были ограничены в жёсткие жанровые категории» [1, с. 30]. Этому соответствует данное пояснение: «1. Духовная хоровая музыка, которые должны быть написаны в традиции православного богослужения. 2. Произведения, которые должны быть написаны в фольклорном направлении; 3. Хоровые произведения о природе, которые должны быть написаны с использованием стихов отечественных классиков и современных поэтов» [1, с. 30].

Нам непонятно и очень странно, что начинающих композиторов, тем более на этом конкурсе загоняют в определённые в жанровом плане рамки композиторского творчества. Это, безусловно, сковывает конкурсантов ведь одно из названий конкурса хоровая лаборатория, а раз это название, то, безусловно, конкурс, прежде всего, должен отвечать данному его статусу. Хоровую лабораторию мы позиционируем как большая свобода начинающих компо-

зителей, дающее право экспериментировать в интеграционном жанре, так например, в «Детском Хоровом Театре» /ДХТ/¹ и тем более поддерживать тех ярких экспериментаторов, которые инновационными средствами исполнительства создавали театральные хоровые спектакли. Учитывается здесь, безусловно, что яркая драматургия в соединении с актёрским управлением вокальным голосом и с декламационным его владением в хоре даёт креативные возможности для репертуарного процесса. Процесс самого репертуарного пространства «есть процесс деятельности, который порождает нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее; создает нечто новое, ценное и, главное, постулирует процесс создания субъективных ценностей»². Этим самым композиторы, используя новые веяния, могут создавать не просто вокальные произведения для возрастных хоровых коллективов, а и в инновационном направлении сочинять, например, в видах жанра «Хорового Детского Театра». Это может быть хоровое произведение-действие или хоровой концерт-действие, либо хоровой спектакль. Захватывающая драматургическая идея вокруг, которой строится обычно представление, креативно объединяя сольные, хоровые, инструментальные номера общей драматургией. Придумать визуальное оформление, оригинальные костюмы, всё это, безусловно, заинтересовывает слушателей. Просто обладать хорошим вокалом на сегодняшний день недостаточно. Позиционируя хор — это не статичный организм как это было в эпоху «больших» русских хоров. Здесь каждый артист детского самодеятельного коллектива — исполнительская единица и поэтому не обойтись не только без хорового композитора, но и конечно без хорового режиссёра, а уж о необходимости артистических навыков и говорить не приходится.

Автор этой статьи останавливается на художественном творчестве, а если быть более четким в определениях, то на интеграции следующих жанровых направлений: вокально-хорового, театрального, инструментального, а именно на «Детском хоровом театре». В современной России этот интегрирующий жанр, с одной стороны, имеет глубокие исторические корни, а с — другой, именно в силу многих объективно-субъективных причин, не имеет широкого распространения в практике современного сочинительства.

В позапрошлом периоде хоровой литературе и хоровой литературе нашего периода, тем не менее, если хорошо поискать, можно найти и положительные примеры, подтверждающие, что хоровой детский театр постепенно завоевывал и завоевывает репертуарное пространство. Если перечислять список композиторов /О. Ди Лассо, Г.Ф. Гендель, В.А. Моцарт, Ф.П. Шуберт, П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов, М.И. Глинка, Г.В. Свиридов, О.С. Чижко, Ю.М. Чичков, В.Н. Рубин, С.М. Слонимский, Е.И. Подгайц/ фактом остаётся то что, к сожалению,

немногочисленная часть композиторов обращавшихся и обращающихся в своём творчестве к злободневному на сегодня и в будущем этим видам жанра.

Здесь, прежде всего нам видится некий креативный союз хорового композитора и хорового режиссёра. Функция первого. В удобной для детского самодеятельного хора вокальной технике, что составляет соответственный уровень мастерства коллектива, хоровой композитор сочиняет вокальное произведение. Функция второго. На основе хоровой зарисовки, а вокальное произведение можно трактовать, как хоровую зарисовку, хоровой режиссёр драматургически сконструирует, выстраивает мизансцену — основу например хорового произведения-действия, что, безусловно, в дальнейшем самодеятельный детский хор будет позиционировать слушателям уже совместный продукт художественного творчества.

Общий анализ вокально-хоровых произведений /»Эхо»; «Аллилуйя»; «Репетиция к концерту»; «Баркарола»; «Соловушка»; «Весенние воды»; «Жаворонок»; «Попутная песня»; «Балаганчик»; «Сюита-фантазия»; «Ложжари»; «Веснянка»; «Хоровые игры»; «Повелитель мух»; «Крыса»/ у вышеперечисленных композиторов в музыкально-театральном аспекте конкретно показывает:

1. Сюжетную миниатюру.

Задушевно, искренне воплощены прекрасные человеческие чувства и переживания: любовь и благодарность к друзьям, грусть расставания и радость будущего возвращения в родную страну.

О красотах лесной природы о раздающемся явлении: ЭХО, часто слышащее в лесу, а диалоге, переключке с теми, кто забрёл в лесистую местность. Разговор путников зашедших в лес с этим явлением по душам.

Выйти на берег, т.е. подойти ближе к воде (отнюдь не выйти на берег из лодки после, например, катания в ней); мы слышим, как тополь к себе нас зовет, и мы можем внимать шуму ветвей — тоже, надо полагать, на берегу, а не на воде. Сцена — не столько в лодке, сколько на берегу реки или озера — закончилась, влюбленные (нет сомнений, что это именно они) удалились, остался один пейзаж. Символ твёрдости духа и гимн единению людей в общей радости. Отчаявшиеся обретут надежду, слабые получают опору. Слава всевышнему, напоминающая о первичном назначении поддерживать людей.

Таким образом, данные примеры придают некую миниатюрную содержательную сюжетность. «Три минуты театра для всех» — так называют «chanson», что в переводе с французского — песня сами французы. И эта действительно песня, прочтённая как «сюжет для небольшого рассказа».

2. Театр.

Являясь прекрасными примерами звукоизобразительности в вокально-хоровой музыке поражают слушателей

¹ Авторская аббревиатура.

² Авторская интерпретация понятия «Репертуарное пространство».

своей оригинальностью придающее и некую театральность.

Самым интересным на наш взгляд представляется постижение пространства поэтических миров, дающее возможность с лирическим героем собеседования со всем сущим тем самым подчёркивает возможность осознания, обнаружения своего родства с природой с историей и культурой. Размышление в музыкально-поэтических образах о вечных проблемах современной жизни, о философских аспектах в искусстве, ибо пространство поэтических миров — пространство души современного человека, чувствующего свою кровную причастность к проблемам всего мира, ответственность за его судьбы. С графической точностью, словно пунктиром в происходящих на сцене передвижениях переходах «действующих лиц» — хора, индивидуальных солистов и артистов из хора прорисовываются содержание событий, судьбы героев, характеры.

Исполнительское ощущение времени связано с событийностью музыкальной драматургии. Образ воспринимается как переживание (проживание) и знание. Интерпретация художественного материала обусловлено проникновением в образный строй, вживанием в атмосферу сочинения собственного «Я» и субъективного воссоздания в индивидуальном воплощении. Исполнение вокально-хоровой музыки в виде театрального выступления, проникновение в образный мир обусловлено неограниченными возможностями музыкального языка и богатством специфических средств художественной выразительности. В связи с этим ёмкость музыкального содержания предусматривает осознанное восприятие материала и осмысленное воплощение в театральной сценографии.

3. Драматургическую завязку.

Вокал, взятый в динамическом действе, является источником и моделью организации звуковой материи. Отсюда следует возможность полагать, что в нём (вокале) заложены базисные элементы — ритм, дыхание, движение. Однако звучание только хорового исполнения может трансформироваться в художественную структуру и способно воспроизвести сюжетную линию.

Сюжетные линии связаны с еженедельным репетиционным процессом в оркестровом коллективе (хоровой

детский коллектив исполняет роль всего симфонического оркестра, солисты из хора — роль отдельных музыкальных инструментов играющих «соло» в оркестре). Безусловно, в процессе репетиционной работы возникают и некие рабочие конфликты дирижера, (основную роль исполняет индивидуальный солист, который одновременно и поёт и дирижирует) с музыкальным коллективом происходящее из-за нестройности, из-за не выверенности каждой оркестровой группы. Симфонический оркестр — это очень сложный творческий коллектив и конечно здесь большую роль играет дирижер, который объединяет разных инструменталистов в концертный организм единомышленников, отчего сам репетиционный процесс делается более энергичным и азартным. Все вместе заняты любимым делом, и процесс креативности помогает довести до исполнительского совершенства сам продукт — инструментальное произведение.

Проблема добра и зла становится уже в фабульном противопоставлении в мизансценах. В процессе развития происходит взаимопроникновение двух сфер: положительного и отрицательного: критическое сближение двух миров приводит к ситуации как бы типа «вселенского разрушения».

4. Фольклорность.

На фоне изменения условий бытования хоровой музыки на концертной эстраде, при котором заметно сблизились фольклор и академическое хоровое искусство, всё явственнее становится противоречивость их отношений со статичной исполнительской формой. Исполнительскими средствами начинающие композиторы способны более раздвинуть пространство художественных возможностей в рамках традиционного вокального репертуара.

5. Театральную схематичность.

Мы видим, что совмещаются линии сценического представления и реакции слушателей. В центре внимания — эмоциональная реакция слушательской аудитории, поэтому ролевая наполненность поручается партии солистов, а хор выступает в сценическом амплуа повествователя сюжетной фабулы. Театральная диада: актёры /хор/ слушатели /солисты/ разветвляются по бинарному принципу (см.: рис. 1):

Рис. 1. Театральная диада: актёры/хор/ слушатели /солисты/ разветвляются по бинарному принципу

Рис. 2. Первый тип диалогизма

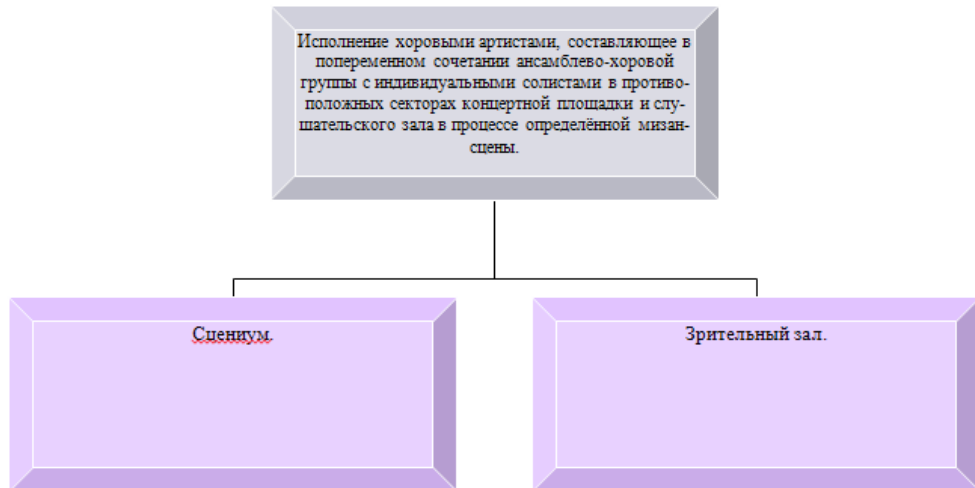

Рис. 3. Второй тип диалогизма

Определённая линия выстраивается и в составах исполнителей: детский хор, но и индивидуальные солисты играют не последнюю роль, выступая, то в качестве единовластного хозяина, то в совокупности с другими участниками исполнения. Поясним:

- представление всего хора, а затем и его хоровых групп;
- развитие его составляющих, /т.е. индивидуальные солисты-вокалисты, солисты из хора, вокально-хоровые ансамбли, появляющихся на фоне общего хорового звучания самодеятельного коллектива/.

Детский хор образует несущий каркас — основу композиционного построения. Вокальный голос детского хора и общезначим и субъективен, кроме того живой и гибкий организм, чутко реагирующий и раскрывающий сюжетно-драматургическую канву мизансцен.

Обращаясь к диагональной стереофонической координате пространственно-временного аспекта хоро-

вого действия, мы обратили внимание на то, что диалогизм проходит в мизансценических построениях (см.: рис. 2, 3.):

Сценическое пространство можно слегка расширить за счет территории перед слушателями. Соответственно, многие эпизоды можно играть прямо перед слушателями, что вполне в здешних традициях (не говоря уже о традиционных проходах через пространство слушательского зала). Другие, напротив — в глубине сцены. Чисто режиссёрски это до конца можно продумать и перемещать артистов по логичности драматургического содержания.

Диалог естественен символизирующий проявление собственно концертирования в контексте противопоставления хоровой и инструментальной групп.

Концертное состязание индивидуального солиста, солистов из хора и самого хора осложняется не менее интенсивной борьбой внутри художественного коллектива, что

сказывается на выдвигании на основной план хорových партий естественным путём.

Ещё один уровень разъединения артистов хора может существовать и внутри хоровой группы. Тонко чувствуется индивидуальность каждой вокальной партии и в совместном групповом ансамбле подчас неожиданно нарушается иерархия, путём рельефного выдвигания на первый план красивого в тембральном отношении вокального голоса.

Образнее ярче передать сюжетный поворот, в этом случае в хоровой практике используется следующий приём: художественному исполнению хором противопоставлен «голос из хора».

Напомним и о таком существующем приеме, безусловно, эффектным в исполнительском плане как хоровое скандирование.

Также используется полифонический приём в хоре. Эмоциональное воздействие этого приёма котируется. Здесь чётко прослеживаются отдельные вокальные голоса, ведущие определённые темы в хоровых группах. Эти вокальные партии образуют хоровую полифонию — кульминация, которой и есть многоголосное звучание всего хора.

Выводы:

Музыка, сама музыка, переходит в действие и каждая из отдельных (музыкальных номеров, песен) является эпи-

зодом композиционного действия, но не случайным, а тесно взаимосвязанным с другим эпизодом. Композиционность выстроена с художественным расчётом. Соотношения и образные связи музыкальных номеров удивительны своей свободой, гибкостью, многозначностью. Характер «цепной» развития «звеньями», от образа к образу сочетается после достижения эмоциональных вершин с временным «снятием» только что достигнутого и переводом мысли как бы в другой план, что, однако не означает разрыва со всем предыдущим. Наиболее типичным является лирико-пейзажное содержание, выявленное через личное восприятие образов природы. События — это сюжет о природе, о любви. Изображение природы в контексте развития (обновления) противопоставляется пассивному герою. Проникновение принципов театральности в музыкальную драматургию даёт возможность показать всю картину образов: от контраста и противостояния до взаимодействия и синтеза. Воздействие театральной конкретики и изобразительности проявляется в остроте драматических коллизий. Музыкальным образам свойственны черты, а именно тонкость эмоциональных оттенков, сложность и противоречивость чувств этим самым рождающие драматургические контрасты. Инструментальное сопровождение становится фоном драматургического действия это тот эмоциональный камертон, который настраивает слушательское восприятие на нужную чувственную волну и помогает достичь необходимого сценического воздействия.

Литература:

1. Роганова И. Условия конкурса-лаборатории. [Текст]/И. Роганова.//Газета «Музыкальное обозрение». 2009. № 7–8. — с. 30.

Вручение Редько А. М., хормейстеру концертного хора «Мелодия» МУ ДОД ГДД(Ю)Т г. Пермь, специального приза за яркое воплощение репертуара в детском самодеятельном коллективе. IV Советско-Болгарская детская хоровая ассамблея «Дружба». Колонный зал Дома Союзов. г. Москва, 1991 г.

ФИЛОЛОГИЯ

Префикс «по-» с глаголами движения

Ахмади Мирейла, доцент;
Данешиан Хоссейн, магистр филологических наук
Университет Тарбиат Модарес (Иран)

Битехтина и Юдина (1985, 111) пишут: «Приставка *по-* может сочетаться с любым глаголом однонаправленного движения, при этом сохраняется значение однонаправленности движения и вносится значение начинательности». Эти глаголы принадлежат к числу одновидовых глаголов совершенного вида. [Битехтина Г.А. и Юдина Л.П. 1985: 110–111]

Основное значение префикса, в том числе и префикса *по-*, довольно четко описаны как в Русской грамматике, так и в современных словарях русского языка.

Относительно семантики можно распределить глаголы движения с префиксом *по-* следующим образом:

1. Глаголы движения, указывающие на перемещение субъекта в пространстве или вообще фиксирующие изменение его местонахождение. Например: *понабежать, поналететь, поуезжать, попереסקакивать* и т. д.

2. Другие глаголы акции, фиксирующие активную деятельность субъекта, направленную на конкретный объект, или же на самого субъекта, обозначающий ряд моментов, наступающих друг за другом на протяжении некоторого количества времени. Например: *поразбросать, поувольняться, потусоваться* и т. д.

3. Глаголы процесса, как и глаголы акции, указывающие на протекание процесса во времени, однако сочетающиеся с ними субъект пассивен. Процесс в данном случае приписывается субъекту, но без непосредственного его участия, субъект не в состоянии как-либо проконтролировать совершающийся процесс. Например: *повымираться, поумереть, поистощаться, позакрыться* и т. д.

4. Глаголы звучания, обозначающие звучание человеческого голоса, голоса животных и птиц, или другие природные или механические звуки. Например: *похрюкать, попищать, пострекатать, порыгивать* и т. д.

Таким образом, семантическая парадигма сочетаемости данной приставки весьма широка, так как с ее помощью образуется большое количество новых глаголов.

С точки зрения *морфологической деривации* всю массу глаголов с приставкой *по-* можно разделить на две группы:

1. Глаголы совершенного вида образованные от глаголов несовершенного вида. Их называют глаголами первичной перфективности. Например: *выбирать — повибирать; участвовать — поучаствовать*,

2. Глаголы совершенного вида образованные путем префиксации от глаголов совершенного вида. Их называют глаголами вторичной перфективности. Например: *вырвать — повырвать; новорочать — поноворочать*,

Глагольная приставка в русском языке может нести сложную семантику, выражаемую иногда несколькими словообразовательными компонентами. В каждом конкретном случае присоединения приставки эти компоненты могут реализовываться по отдельности или в разных комбинациях. Это значит, что между приставкой и производящим глаголом, а также между компонентами словообразовательных значений одной и той же приставки могут быть разные отношения.

З.А. Потиха отмечает, что среди глаголов с приставкой *по-* — выделяются 6 значений (Потиха, 1970:):

1) начать действие: *побежать, полюбить*;

2) действие, совершаемое в неполной мере, краткосрочно: *побегать, попрыгать, почитать*;

3) довести действие до результата: *посеять, побелить, погубить*;

4) действие, совершаемое многократно (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*): *поглядывать, покрикивать*;

5) действие, относящееся ко многим лицам, предметам: *померзнуть, побросать, покусать*;

6) действие, доведенное до какого-либо качества, свойства: *покраснеть, повзрослеть, постареть*.

Известно, что основное значение глагольных приставок — это указание на особенности протекания действий в пространстве, на их направленность во внутрь или наружу, вверх или вниз и т. п.

Глаголы движения с приставкой *по-* используются в следующих ситуациях:

1. Когда мы хотим сказать о желании, намерении или возможности идти или ехать, мы используем конструкцию «хотеть, мочь + пойти / поехать»:

«Я хочу **пойти** в кино»; «Я могу **поехать** в Петербург через неделю»; «Вы хотите **пойти** на концерт завтра?»; «Ты можешь **поехать** на метро?».

2. Приставка **«по»** — обозначает начало движения, поэтому глаголы **«пойти»** / **«поехать»** используются для обозначения начала движения в каком-либо направлении:

«Вчера я сначала **пошла** в магазин, потом **пошла** в кино, потом **пошла** в парк, потом **поехала** к подруге»; «— Какие у тебя планы на завтра? — Утром я **поеду** на рынок, потом **поеду** в магазин, потом **пойду** в бассейн, а вечером **пойду** с другом в ресторан».

Глагол в персидском языке

В персидском языке предложение состоит из двух частей: подлежащее и сказуемое. Сказуемое может состоять из одного слова или больше. П. Нател-Ханлари следующим образом показывает значимость глагола в предложении: «Глагол — важнейшая часть сказуемого и если предложение состоит лишь из одного слова, то в этом случае данное слово обязательно будет глагол. Предложение не реализуется без глагола». [Нател-Ханлари, 1359: 13–14]

Многие лингвисты проводили исследования и писали книги о глаголе в персидском языке, из числа которых можно назвать П. Нател-Ханлари, Х. Анвари, Х. Ахмади Гиви, Ш. Махутиан, О. Табизаде и т. д. Все они называют глагол главным членом предложения. По мнению Х. Анвари, глагол обычно стоит в конце предложения и в отличие от других слов в персидском языке спрягается, т. е. имеет разные формы [28].

По мнению А. Гольфама, на основе языковедческих критериев лексику можно разделить на следующие общие категории: имя существительное, имя прилагательное, глагол, предлог, наречие, союз, слово-предложение (или нечленимое предложение). По сути дела, каждое слово, спрягаемое в связи со временем и лицом, принадлежит категории глагола. Одним из общих характеров натуральных языков является то, что спрягаемые процессы, касающиеся времени, лица и числа, воплощаются в форме слов, названных глаголом [29].

По мнению Ю. А. Рубинчика глагол — часть речи, в основе семантики которой лежит обозначение процесса. Обобщенное понятие процесса конкретизируется лексической семантикой глагола: процесс может обозначать действия лиц, предметов, явлений (پدر روزنامه میخواند) «Отец **читает** газету»; «Поезд **трогается**», их состояние (دختر خواب است) «**Девочка спит**»), связь или отношение между ними (بخار از آب به وجود می آید) «**Пар образуется из воды**»). Значение процесса свойственно и некоторым существительным, но в отличие от них в глаголе понятие процесса выражается грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога.

В персидском языке глагол занимает важное место среди других частей речи и выделяется не только богат-

ством и разнообразием значений, но и обилием форм. Присущие глаголу различные грамматические формы выражают характер протекания действия во времени, отношение действия к субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, утверждаемый или отрицаемый. [Рубинчик, 2001: 197]

Х. Фаршидвард так определяет глагол: «Глагол — это слово, которое само по себе или при помощи каких-либо присоединенных к нему частей выражает протекание одного факта в одно из трех времен. Глагол представляет собой факт, приписывающийся другому факту». Например, в предложениях «فریدون رفت» (*Ферейдун ушел*) и «هوشنگ زیرک است» (*Хушанг ловкий*), слово «رفت» приписывается «فریدون», а «است» с помощью «زیرک» приписывается «هوشنگ».

Глагол с точки зрения семантики выражает:

- 1) خوردن, درو کردن, رفتن, نوشتن: «действие» (کار (عمل))
- 2) ترسیدن, خوابیدن, خوشحال شدن, شگفتی: «состояние» (حالت)
- 3) شدن, گردانیدن, گردیدن, گشتن: «стать» (شدن)
- 4) بودن: «быть» (بودن)
- 4) بایستن, خواستن, داشتن: «прочие значения» (به معنای دیگر)
- 6) بدون معنی خاص و صرفاً برای ایجاد ارتباط و просто как связка: «او زیرک است» (Он ловкий) [30].

П. Нател-Ханлари так описывает разные характеры персидского глагола: «Слово, которое выражает действие, явление или состояние в прошедшее, настоящее или будущее время называется глаголом». [П. Нател-Ханлари, 1359: 13–14 и 39–42]

И. К. Овчинникова считает, что хотя русские и персидские языки не родственные, но в употреблении и грамматических функциях глаголов между этими языками есть много сходств и различий. Русские глаголы спрягаются, т. е. выступают в форме трех лиц единственного и множественного числа настоящего, будущего или прошедшего времени изъявительного наклонения, либо в форме повелительного и сослагательного (условного) наклонения; формам единственного числа прошедшего времени и единственного числа сослагательного наклонения свойственны изменения по родам.

Значение процесса свойственно и некоторым существительным, но в отличие от них в глаголе понятие процессов выражается грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога» [Рубинчик, 2001: 197].

По словам Ю. А. Рубинчика, персидский глагол характеризуется грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога и имеет богатую систему форм. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на синтетические (простые) и аналитические (описательные) формы. Простые формы образуются от глагольных основ при помощи личных окончаний и приставок **«ب»** и **«م»**, или без них. Аналитические формы глагола обычно состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда — вспомогательный глагол. Все глаголы имеют один тип спряжения [31].

времени: Перед тем, как он сыграл в футбол, он походил по парку полчаса. قبل از اینکه فوتبال بازی کند، نیم ساعتی در پارک قدم زده بود. (زد).

Можно сказать, что при переводе на персидский глаголов движения с данной приставкой в сложных предложениях значение «прошедшее конкретное» и «прежде-прошедшее» очень близки, но нельзя заменить их друг с другом.

2.2.3. Перевод в форме «прошедше-настоящего» времени:

Перед тем, как пошёл град, поводили по двору лошадей, поэтому они голодные.

قبل از اینکه تگرگ شروع شود، اسبها را در حیاط کمی راه برده اند، به همین خاطر آنها گرسنه اند.

Без второго придаточного предложения: Перед тем, как град пошёл, поводили по двору лошадей.

Из вышеприведённых примеров можно подвести итог, что при переводе «прошедше-настоящего», личные окончания (ам ام, и ای, аст است, им ایم, иддای، اند اند) в сложных предложениях, как правило, отбрасываются. Это происходит тогда, когда включено второе придаточное предложение.

2.2.4. Перевод в форме «прошедшее предположительное»: форма «прошедшее предположительное» обычно выражается в условных предложениях или в предложениях, в которых предполагается, что какое-то дело выполнилось: Если дядя покатал детей на машине, то обязательно придет к нам.

اگر دایی (عمو) بچه ها را در شهر کمی گردانده باشد، حتما نزد ما خواهد آمد.

2.2.5. Перевод данной приставки с непространственным значением в форме будущего времени на персидский. Как правило, при их переводе на персидский язык

употребляется вспомогательный глагол «خواستن خواستن» в форме будущего времени и обстоятельство степени: Они побродят по лесу.

آنها در جنگل کمی قدم خواهند زد.

2.2.6. Исходя из настоящей работы у нас сложилось мнение, что для перевода глаголов движения с приставкой «по-» на персидский, со стороны направления, в персидском языке употребляются, как правило, соответствующие русскому языку предлоги, но в некоторых случаях предлоги не совпадают (если движение будет вертикальным):

Местные повели туристов в горы. محلی ها گردشگران را به کوه بردند.

شخص ناشناس از درخت بالا رفت. Незнакомец полез на дерево.

دزد وارد باغ شد. (دزد به باغ وارد شد). Вор полез в сад.

Таким образом можно сказать, что приставка «по-» в обоих значениях, пространственном и непространственном, существует в персидском языке, но способы их выражения отличаются от русского. Пространственное значение «по-» в персидском языке переводится не при помощи приставки, а при помощи дополнительного слова (шору شروع), и непространственное значение «по-» в персидском языке переводится при помощи обстоятельства степени.

Следует отметить, что глаголы движения с непространственным значением, как было выше указано, и в русском и в персидском языках употребляются в разных видах предложений (вопросительных, повествовательных, восклицательных и т. д.), но для того, чтобы избежать повторения содержания этой части, кроме вопросительных предложений, были затронуты только повествовательные предложения.

Литература:

1. Битехтина Г. А., Юдина Л. П., Система работы по теме «Глаголы движения». — М.: Русский язык, 1985.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Современный русский язык. — М.: Логос, 2002.
3. Ванюгина М. С. Сочетаемость глаголов движения в современном русском языке: корпусное и экспериментальное изучение: Автореферат дисс...: к-та филологических наук. — СПб, 2010.
4. Варакин Л. А. «Семантическая организация префиксального глагольного словообразовательного ряда» // Проблемы функционирования языковых единиц: Сб. науч. тр. — Тюмень, 1993.
5. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М.: Просвещение, 1984.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972.
7. Волохина Е. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. — Воронеж, 1993.
8. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. — М., 1967.
9. Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка В 4 т. — М.: Астрель. АСТ, 2001.
10. Конова А. И. «К вопросу о значении глагольных приставок в русском литературном языке». // Вопросы современного русского языка и методики преподавания его в школе. — Свердловск, 1961.
11. Кузнецов С. А. «Способы глагольного действия как объект лексикографического описания» // Советская лексикография. — М., 1988.
12. Натэги А. Р. «Изучение русских глаголов движения с приставками при- и у- и способы их выражения в персидском языке» // Магистерская диссертация — Тегеран: Университет «Тарбият Модарес», 1391.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1986.
14. Попова Т. В. «Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов» // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. — Екатеринбург: ЕГУ, 1997.

15. Потиха З.А. Современное русское словообразование: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1970.
16. Реформатский А.А., Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2004.
17. Рубинчик Ю.А., Грамматика современного персидского литературного языка. — М.: Восточная литература РАН, 2001.
18. Русская грамматика: в 2-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; редок.: Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980. — Т. 1: Фонетика. Фонология, Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова. — 1980.
19. Система повторения и дальнейшего изучения глаголов движения: метод. указания и задания для иностранных студентов I—II курсов/ сост. В.Я. Иванова; СПб: СПб АСУ, 2010.
20. Ярема Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: Автореферат дисс. канд. филолог. наук. — Майкоп, 2008.
21. . 1373. انوری، حسن؛ احمدی گیوی، حسن، دستور زبان فارسی 2، قم: انتشارات فاطمی،
22. . 1386. باطنی محمد رضا، توصیف ساختمان دستوری زبان فارسی، تهران: انتشارات امیرکبیر،
23. . 1372. عماد افشار حسین، دستور و ساختمان زبان فارسی، تهران: انتشارات دانشگاه علامه طباطبایی،
24. . 1384. فرشیدورد خسرو، دستور مفصل امروز، تهران: انتشارات سخن،
25. . 1387. ماهوتیان شهرزاد، دستور زبان فارسی، تهران: نشر مرکز،
26. . 1359. ناقل خانلری پرویز، دستور زبان فارسی، تهران: انتشارات توس،
27. . 1377. وسکانیان گ. آ.، فرهنگ روسی فارسی، تهران: نشر پارس،
28. Анвари: 1373: 10
29. Гольфам, 1385: 30, 36
30. Фаршидвард, 1384: 376—377
31. Рубинчик, 2001: 827

Ценностные приоритеты и образ успешного человека в культуре и СМИ США

Бельцова Инна Александровна, соискатель
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Татарстан)

В XXI веке понятие успеха настолько прочно вошло в лексику, что стало частью семантической картины мира современного человека. Сегодня социальная трактовка успешности или неуспешности какого-либо субъекта общества кажется само собой разумеющейся. Однако, обратившись к исследованию исторических предпосылок возникновения феномена успеха, обнаружится, что данная смысловая категория стала частью языковой картины мира сравнительно недавно, а ее социокультурное происхождение имеет вполне конкретные истоки, которые в первую очередь, могут быть отнесены к зарождению Американской культуры. Соединенные Штаты Америки, будучи лидером Западного мира, представляют собой успехо-центрированное общество, в системе ценностей которого это понятие занимает главенствующее место [1]. Поэтому в исследовании феномена успеха нам представляется необходимым обращение к изучению его становления именно в американской культуре, а также к анализу особенностей освещения темы успешности в СМИ Соединенных Штатов Америки.

Форма подачи любой темы в СМИ определяется ожиданиями ее потенциальной аудитории. Эти ожидания, в свою очередь обуславливаются ценностными приоритетами, сложившимися в культуре того или иного общества. Доминирующая система ценностей каждой

страны складывается под влиянием таких факторов как исторические предпосылки, культурно-религиозные традиции. Для того, чтобы выяснить особенности ожидания американской аудитории от подачи темы успешности в средствах массовой информации, целесообразно провести анализ системы ценностей на основе которой базируется это понятие. В данной статье будут рассматриваться следующие аспекты: исторические предпосылки возникновения понятия успеха, его основные элементы в аксиологическом разрезе, анализ газетных и журнальных публикаций, посвященных успешности пожилых людей.

В одном из первых фундаментальных трудов, посвященных проблеме успеха *The American Myth of Success* (1969) данное понятие рассматривается как некий миф, система ценностей и установок, через призму которых человек воспринимает окружающий мир и вырабатывает собственные мировоззренческие позиции. Несмотря на то, что понятие успеха как феномена Американской цивилизации, выкристаллизовалось во второй трети XIX века, предпосылки к его зарождению возникли во времена раннего американского Пуританизма [2]. Это религиозное течение выступило идеологической основой для формирования национального характера и системы ценностей американского народа и определило вектор для развития

страны на многие столетия. Пуританизм оставался доминирующим религиозным ориентиром вплоть до конца XVIII века [3].

Оказывая огромное влияние на все сферы жизни Новоанглийского общества, Пуританизм детерминировал развитие таких ценностей, ставших основой феномена успеха, как индивидуализм, эгалитаризм, стремление к материальному благосостоянию, высокая значимость образования.

Корни *индивидуализма*, как абсолютной ценности американской культуры, могут быть обнаружены в базовых постулатах раннего Пуританизма:

1. Отрицание авторитета Папы породило осознание того, что каждый человек может напрямую обращаться к Богу. Здесь наблюдается антропоцентристская тенденция: человек самодостаточен, свободен и независим, он может выступать священником для самого себя.

2. Ликвидировав систему иерархической церковной власти, пуритане создали собственную церковь как свободную организацию для христиан, где спасение души — личное дело каждого.

3. Они верили в то, что спасение может быть достигнуто самодисциплиной, самосовершенствованием и упорным трудом [4].

Об индивидуализме, являющемся характерной чертой для обществ с пуританским прошлым М. Вебер писал следующее: «...поразительно часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу. Даже кроткий Бакстер призывает к глубокому недоверию по отношению к самому близкому другу, а Бейли прямо советует никому не доверять и никому не сообщать ничего компрометирующего о себе: доверять следует одному Богу» [5, с. 144].

Индивидуализм, зародившийся в канонах раннего Пуританизма, в дальнейшем лег в смысловую основу концепта «*self-made man*» («человек, сделавший себя сам»), ставшего ключевым звеном в американском понимании феномена успеха.

Формулировка этого концепта была отчеканена Ф. Дугласом в 1872 году. В своей лекции, посвященной понятию «*self-made man*» он синонимизирует его с понятием «успешный человек». По определению Ф. Дугласа такая личность достигает успеха *не благодаря* сторонней помощи или содействию, а *вопреки* всем жизненным трудностям и препятствиям. «*Self-made man*» это человек, который, будучи выходцем из низших, беднейших слоев общества, упорным трудом и силой воли достигает успеха и общественного признания. Он не имеет никакой поддержки в лице родителей или наставников, кои, чаще всего отсутствуют в его жизни. Ф. Дуглас также отвергает «теорию везения», согласно которой успех — следствие удачи и благоприятно сложившихся обстоятельств. «*Self-made man*» это человек труда, основными принципами для которого являются честность, увлеченность делом и целостность [6].

Данный концепт по-прежнему занимает важное место в понимании успешности в США. Он употребляется в средствах массовой информации, в тех случаях, когда журналист стремится создать положительный образ главного героя и вызвать доверие аудитории к нему. Ярким примером является статья под названием «*Fog a New Political Age, a Self-Made Man*» («К новому политическому возрасту, человек сделавший себя сам») в газете *The New York Times*. В данном материале этот термин применяется относительно Барака Обамы, который описывается в ключе классического концепта «*self-made man*», с учетом всех характеристик, перечисленных выше. В материале упоминается как семья Обамы могла прокормиться только благодаря продовольственным талонам, а сам будущий президент вынужден был подрабатывать организатором в беднейших кварталах Чикаго. В статье рассказывается о том, что Обама смог достичь успеха только благодаря труду и самодисциплине [7].

Понятие «*self-made man*» отражает смысл утверждения о том, что Америка — страна *равных возможностей*. Там, где достижения человека важнее, чем дворянский титул, каждый может добиться успеха при условии готовности трудиться. Идеал «человека, сделавшего себя самого» имеет две следующие исторические функции: способствовать стремлению народа к материальному благосостоянию и внушать мысль о том, что «спасение» может быть достигнуто не только в следующей жизни, но и в этой. Этот образ породил культ постоянной активной деятельности и поиска новых возможностей для самоактуализации и продвижению в более высокие социальные слои [8]. Именно поэтому в Америку изначально стремились люди определенного личностного склада, наиболее уместный термин для определения этой категории населения, на наш взгляд, пассионарии (предложен Л. Н. Гумилевым).

Результаты многих социологических исследований указывают на то, что в США наблюдается следующая устойчивая социальная установка: упорным трудом и силой собственного характера можно достичь абсолютно любых жизненных целей [9]. В корне этого подхода лежит индивидуализм, как черта национального характера. Именно он определил формирование следующей особенности: все причины успеха или не успеха американцы объясняют внутренними причинами. То есть для массового сознания американского общества характерен интернальный локус контроля (термин введен Д. Роттером: свойство личности приписывать свои успехи или не успехи внутренним, либо внешним факторам).

Стремление к материальному благосостоянию — еще одна черта национального характера, заложенная Пуританизмом. В рамках данного религиозного направления достижение богатства — способ служения Богу на земле. После изгнания Адама из рая, люди были обязаны добывать себе пищу упорным трудом в поте лица. Труд, таким образом, трактуется как проклятие, наложенное на грешный род человеческий, и приобретает ре-

лигиозную ценность, становится христианским долгом. Чем больше человек работает, тем он больше богатеет. Следовательно, материальный достаток — индикатор трудолюбия пуританина [10].

Касательно выбора профессии, в Пуританизме в качестве главного критерия ее угодности Богу служит «доходность». Если Бог предоставляет возможность приумножить собственное материальное благосостояние, то верующий христианин обязан воспользоваться этим шансом. «Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть». ... В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано» [11].

Историк И.Г. Вилли, исследуя американский культ успеха, приходит к выводу, что этот феномен может принимать разные формы, в то время как его основной компонент всегда остается неизменным: богатство [12]. То есть в США основной критерий, по которому оценивается успешность — количество денег и материальных ценностей, которыми обладает человек. В то же время И.Г. Вилли замечает, что понятие успеха в американском понимании нельзя полностью редуцировать к богатству, так как последнее зачастую рассматривается не как конечная цель, а как инструмент [13].

В современных средствах массовой информации, в публикациях, рассказывающих о том, как правильно готовиться к выходу на пенсию, в большинстве случаев, речь идет о финансовой стороне вопроса. Часто подобного рода статьи построены в форме тезисного перечисления советов: что надо делать, чтобы в пенсионном возрасте быть успешным. Первым пунктом всегда идет разумное планирование финансов. В качестве примеров можно привести две следующие статьи: «8 habits of highly effective retirees» («8 привычек высокоэффективных людей пенсионного возраста») и «Retirement advice from active retirees» (Советы по выходу на пенсию от активных представителей геронтогруппы) из газеты The Wall Street Journal [14, 15]. Заметим, что успешность людей позднего возраста в данных публикациях представлена авторами через слова «активный», «высокоэффективный». То есть, наряду с разумным финансовым планированием для того, чтобы быть успешным, представитель геронтогруппы должен сохранять активную жизненную позицию и активность.

Образование как ценность, заложенная Пуританизмом, основывалась на идее всеобщего просвещения: каждый должен был уметь самостоятельно читать Би-

блию. Первая школа была создана в 1635 году и получила название Roxbury Latin School. Через год после ее открытия, в 1636 году был основан Гарвардский колледж. Основной целью образования пуритане считали христианское воспитание, поэтому центральным объектом изучения в первых школах была Библия. Образование последующего поколения также было необходимо для дальнейшего «очищения» церкви и совершенствования уклада социальной жизни [16, с. 148–151]. Стремление к всеобщему просвещению в американском обществе, таким образом, определило еще один критерий успеха: образованность, обладание знаниями.

С протестантской трудовой этикой связывают появление понятия американской мечты. Этот термин был отмечен в 1931 году Д.Т. Адамсом в книге «Эпос Америки» [17]. Центральной идеей понятия американской мечты является идеал свободы и эгалитаризма. Американская система представляет собой скелет американской политики, в то время как американская мечта олицетворяет ее душу [18, с. 17]. Важнейший компонент этого концепта выражается во фразе «rags to riches» («из грязи в князи»). Это понятие самым тесным образом связано с концептом «self-made man», рассмотренным выше. Концепт «американская мечта» всегда ассоциируется с понятием успеха, который является его центральным элементом: каждый человек, обладающий определенным талантом и готовый к упорному труду, обязательно достигнет его [19].

Исторические предпосылки культа успеха в США обнаруживаются в идее *американской исключительности*, сформулированной в трудах А. де Токвиля и Д. Уинтропа. Суть этого подхода заключается в утверждении о богоизбранности американского народа. Именно ему было предназначено основать «город на холме», новую страну, свободную от папизма и грехопадения. Америка предстает в роли миссионера, призванного распространять богоугодные ценности по всему миру [20]. «Американский вариант мифа о высшей расе сопровождал нас с первых дней основания колонии Массачусетского залива. Убеждение в том, что мы являемся избранным богом народом и обладаем божественным мандатом распространить наши благородные демократические институты по всему остальному погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека... Мы, американцы, продолжаем верить, что являемся могущественной нацией не потому прежде всего, что нас наделили чудесными природными ресурсами, а потому, что в наших генах было нечто врожденное, которое дало нам возможность стать великими» [21, с. 156]. Ориентация на успех, обусловленная историческими событиями, органично встраивается в систему идентификационных установок нации. Статус американца автоматически означает, что человек уже избран Богом, он соответствует важнейшему критерию успешности. Как отмечает М.А. Рыхтик, для жителей США в целом характерна уверенность в привлекательности американской модели успеха для других

народов [22]. Соответственно, американцы верят в то, что они находятся в позиции превосходства над другими странами, они более успешны по причине принадлежности к своему народу.

В процессе изучения литературы, нами была отмечена следующая особенность социальной перцепции явлений окружающего мира, заложенная Пуританизмом: радикальность суждений. В понимании пуритан отсутствовали полутона в социальной реальности: либо ты трудишься в поте лица и достигаешь богатства, либо ты не занимаешься богоугодным делом — трудом, и соответственно, беден; в ином мире ты либо будешь спасен, либо проклят. Мир, таким образом, делится на черное и белое, победителей и проигравших. В американском понимании успех — абсолютная ценность, желанная для *каждого* человека. Американцам представляется естественным утверждение, что все люди стремятся к успеху. Следовательно, если личность не достигает успеха, она автоматически причисляется к категории проигравших, неудачников.

Отличительной чертой американского варианта трактовки понятия успех является также такой критерий как известность. Для того, что успех был оценен социумом как таковой, необходимо, чтобы он был общественно признан. В частности, в словаре *The Cambridge Thesaurus of American English* приводятся следующие синонимы словосочетания «успешный человек»: *celebrity, star, VIP, somebody, winnig* (знаменитость, звезда, «очень важная персона», кое-кто, победитель) [23, с. 447]. Доминирующее значение здесь — известная личность. В средствах массовой коммуникации в качестве успешных людей также преимущественно представляются знаменитые бизнесмены, политики, актеры. Например, журнал «*Success*» («Успех») позиционируется как издание, в котором публикуются советы «экспертов по достижению успеха». Последние понимаются как актеры, бизнесмены (в каждом номере печатается интервью с известным человеком, фотография которого выносится на обложку) топ-менеджеры, предприниматели и другие лидеры, достигшие выдающихся результатов в своей сфере.

Перечисленные особенности социального восприятия феномена успеха в американской культуре, берущие начало в канонах пуританизма, не претерпели глобальных изменений и обнаруживаются и в XXI веке. Они прослеживаются и в современных средствах массовой информации. Понятие об успешности в американском обществе по-прежнему базируется на таких характеристиках как индивидуализм, эгалитаризм, стремление к материальному благосостоянию, придание особой значимости образованию. К критериям успешности, предъявляемым к личности в американском обществе, относят следующие: способность к упорному труду, наличие определенного таланта и, как результат, обретение богатства и общественного признания. Денежный успех является фундаментальной основой в оценке успешности. В качестве подтверждения этому могут выступать исследования

лингвистов, изучающих особенности дефиниций понятия успеха в современных словарях и текстах художественной литературы и СМИ. Константность американской модели успеха, в частности, рассматривается в работе Н.Д. Паршиной [24]. Лингвистический анализ семантического поля концепта «успех» обнаруживает признаки достижительской культуры, к которым принадлежат США, и в которых успех — центральное понятие [25].

Изучение литературы, посвященной вопросу успеха, позволяет нам сделать следующее наблюдение: американская модель успеха имеет достаточно постоянные фиксированные рамки и критерии. Эту мысль, в частности, подтверждают следующие терминалы понятия успеха, выделенные лингвистом О.В. Рябухой: соответствие стандартам, успех благодаря разумному планированию. В США, развитой стране со стабильной экономикой и общественными устоями, паттерны развития жизненного сценария человека носят постоянный характер. Здесь целесообразно вновь обратиться к идее американской мечты, атрибуты которой представляют собой фиксированный список ценностей, которыми обладает средний класс. О.В. Рябуха отмечает, что в американском варианте английского языка для дефиниции понятия успех чаще всего используются глаголы. Это указывает на то, что для американцев успех — результат активных действий, труда [26, с. 267]. На этот же аспект указывают С.А. Хахалова и С.В. Туманова, отмечая, что в построении фраз со словом «успех» в английском всегда участвует конкретный исполнитель: «*I succeed*» («Я преуспеваю») [27]. Польский лингвист А. Вежбицкая указывает на эту особенность, выделяя агентивный и пациентивный типы: «... существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что стучится со мной», следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации. Агентивный подход является частным случаем каузативного (ср. Bally 1920) и означает акцентированное внимание к действию и к акту воли («я делаю», «я хочу»). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на «бессилии» и пациентивности («я ничего не могу <с>делать», «разные вещи случаются со мной»)» [28, с. 55]. А. Вежбицкая отмечает, что если для русского языка особенно характерна пациентивная ориентация, то для английского: агентивная. Это еще раз подтверждает идею, рассмотренную выше о том, что для американцев в достижении успеха не свойственно надеется на везение или удачу.

Таким образом, обозначив проблемное поле концепта «успех», мы выяснили, что в американском обществе оно имеет достаточно фиксированные смысловые рамки. Заметим, что одну из ключевых позиций в данном понятии занимает идея об упорном труде, который ассоциируется, в первую очередь с профессиональной деятельностью.

Следовательно, исследуя феномен успеха в геронтологическом дискурсе, мы считаем целесообразной постановку следующего вопроса: тождественны ли критерии успешности к представителям геронтогруппы и других возрастных когорт? С наступлением пенсионного возраста многие люди старшего возраста прекращают работать, поэтому, возможно, общество предъявляет к ним иные критерии успешности.

Изучая литературу по данному вопросу, мы пришли к гипотезе о существовании двух параллельных линий: успех как богатство и общественное признание (макроуровень) и успех как ежедневные победы конкретного индивида в рамках его собственной жизни (микроуровень). Под первым вариантом успешности представителей геронтогруппы подразумевается социальный слой людей, к которому относятся знаменитые личности, обладающие славой и богатством. Эта линия социальной оценки успеха представителей позднего возраста является абсолютно доминантной. В США множество научных и публицистических статей и книг раскрывают тему успешных знаменитых личностей. Их центральные идеи можно отразить следующими тезисами: возраст это всего лишь цифра, начать новое дело никогда не поздно, можно преуспеть в любом возрасте и т. п. В подобных публикациях, как правило, приводится список известных людей, достигших успеха в старом или старческом возрасте, и описывается сценарий развития их жизненного пути. Практически всегда успех этих людей связывается с определенной профессиональной деятельностью, будь то сфера бизнеса или искусства. В качестве примера таких публикаций можно привести книги Э. Ш. Холмса [29], К. Холтон [30] и др.

Второй вариант социальной оценки успешности представителей геронтогруппы связан с жизнью обычных людей. Не обладая большим богатством или влиянием

в обществе, они стремятся сделать социальную действительность вокруг себя лучше. В качестве примера микроуровня можно привести статью С. Д. Ватсона (имеющего две докторские степени в области психологии развития и педагогики): «Success in old age» («Успех в старшем возрасте»). В публикации ученый перечисляет людей, достигших успеха в возрасте 80–90 лет и старше. К ряду таких имен как П. Пикассо, Б. Франклин он причисляет и бабушку своей жены, которая, старательно приготовив вкусный праздничный ужин для всей семьи, мирно умирает той же ночью. С. Ватсон говорит о том, что успех в старшем возрасте — удел не только знаменитостей, он возможен и в жизни обычного человека. Жить честно, почитать Бога и добросовестно выполнять обязанности по передаче опыта и знаний последующим поколениям — это и есть успех, по мнению ученого [31].

Согласно нашим наблюдениям, успех представителей геронтогруппы на микроуровне чаще всего обозначается через их волонтерскую деятельность. В качестве примера можно привести статью из журнала «Success»: «Mel Robbins: It's never too late to make a difference», в которой рассказывается о 70-летней женщине, которая все свободное время посвящает безвозмездной помощи нуждающимся людям [32]. Заметим, однако, что в указанном издании подобные публикации достаточно редки, основная масса статей посвящается известным людям.

Особенности подачи темы успешности в СМИ, как отмечалось ранее, зависят от ожиданий потенциальной аудитории, которые детерминируются сложившейся аксиологической системой. В результате проведенного анализа мы выявили основные ценности, являющиеся базой концепта «успех» в социальном восприятии американской аудитории. К ним относятся стремление к материальному благосостоянию, эгалитаризм, индивидуализм, образование и труд.

Литература:

1. Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства? // Международные процессы. 2004. Том 2. № 2 (5). URL: <http://www.intertrends.ru/five/002.htm> (дата обращения 30.11.2012)
2. Weiss. R. The American myth of success: from Horatio Alger to Norman Vincent Peale. New York: Basic Books, 1969. 276 p.
3. Покровский Н. Е. Ранняя Американская философия. М.: Высшая школа, 1989. 246 с.
4. Kang N. Puritanism and its impact upon American values. ... P. 148–150.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.
6. Douglass F. Self-Made Men. Address before the students of the Indian Industrial School at Carlisle, Pa // The Library of Congress. URL: <http://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=mfd&fileName=29/29002/29002page.db&recNum=0&itemLink=/ammem/doughtml/dougFolder5.html&linkText=7> (reference date 27.10.2012).
7. Kantor J. For a New Political Age, a Self-Made Man // The New York Times. 2008, August 27.
8. Wyllie I. G. The self-made man in America: the myth of rags to riches. New York: The Free Press, 1954.
9. Huntington S. P. Who are we? The challenges to America's national identity. New York: Simon and Shuster, 2004.
10. Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party Before the Civil War. New York: Oxford University Press, 1970.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. С 190–191.

12. Wyllie I. G. The self-made man in America: the myth of rags to riches.... 1954.
13. Там же.
14. Hearn J. 8 habits of highly effective retirees // The Wall Street Journal. 2013, May 15.
15. Coughlin J. Retirement advice from active retirees // The Wall Street Journal. 2013, August 1.
16. Kang N. Puritanism and its impact upon American values. ... P. 148–151.
17. Adams, James Truslow. The epic of America. Simon Publications, 2001.
18. Safire W. Safire's political dictionary. New York: Oxford University Press, Inc, 2008.
19. Cullen J. The American dream: a short history of an idea that shaped a nation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 221 p.
20. Питин А. В. Пурианизм и формирование идеологических предпосылок войны за независимость в США // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2008. № 14. С. 17–21.
21. Цит. по: Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М.: Мысль, 1981.
22. Рыхтик М. И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 203–219.
23. The Cambridge Thesaurus of American English / Compiled by William D. Lutz. Rutgers University: Cambridge University Press, 1994.
24. Паршина Н. Д. Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка: дис.... канд. филол. наук. Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007. 194 с.
25. Согомонов А. Ю. Успех и социальная макротерия или о том, какие подходы возможны в изучении культуры достижений // Российская модель успеха. Ведомости. Вып. 6 / Под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. С. 62–84.
26. Рябуха О. В. О вербализации концепта «успех» в англоязычной публицистической прозе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 55.
27. Хахалова С. А., Туманова С. В. Семиметрия ценности в сравнительном лингвокультурологическом аспекте анализа // Этносемиметрия ценностных смыслов (коллективная монография). Иркутск, 2008. С. 492–522.
28. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.
29. Holmes E. S. Creative mind and success / Compiled and edited by Richard A., Catalina Jr., Esq. Princeton: Princeton Cambridge Publishing Group, 1919. 125 p.
30. Houghton K. And THEN I'll be happy!: stop sabotaging your happiness and put your own life first. Guilford: Globe Pequot Press, 2009. 259 p.
31. Watson S. J. Success in old age. URL: <http://www.videcomp.com/watson/watson18.html> (reference date 29.11.2012).
32. Robbins M. Mel Robbins: It's Never Too Late to Make a Difference // Success. 2010, January. URL: <http://www.success.com/articles/1149-mel-robbins-it-s-never-too-late-to-make-a-difference> (reference date 28.11.2012).

Проблема понимания в деловом общении на морском транспорте как когнитивный и психолингвистический аспект обучения иностранному языку в морском вузе

Генкин Юлиана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Морская государственная академия им. адмирала Ф. Ф. Ушакова (г. Новороссийск)

Исследование когнитивных процессов памяти, восприятия, внимания, мышления и так далее, тесно связано в современной науке с исследованием языка. С нашей точки зрения, основной задачей при обучении деловым переговорам на морском транспорте является задача, как заставить собеседника выслушать и понять то, в чем мы его убеждаем, заставить его перейти на рельсы конструктивного решения общей проблемы [2, с. 257].

Неоспорима мысль, что согласию предшествует понимание. С нашей точки зрения, основной задачей на пере-

говорах является задача как заставить собеседника выслушать и понять то, в чем мы его убеждаем, заставить его перейти на рельсы конструктивного решения общей проблемы. Проблема понимания — это выделение опорных вех в построении теории, формировании определенных исходных принципов и постулатов. Среди важнейших отметим следующие: знаковый характер переработки информации в естественных и искусственных информационных системах; деятельностный подход к процессу понимания, что означает «...рассмотрение понимания как

компонента более сложных процессов текстовой и предметной деятельности и помещение субъекта понимания как социализированной личности в центр научной парадигмы»...; осознание диалектической связи сознания, языка и действительности; разработка проблемы контекста, как «...фактора снятия неоднозначности сообщения и, следовательно, фактора обеспечения эффективности понимания» [1, с. 34].

В этой связи необходимо обратиться к проблеме понимания в ее когнитивном и социальном аспектах. В когнитивной лингвистике процесс понимания сообщения реципиентом представляет собой положительный результат его осмысления. Автор, пытаясь донести нечто до реципиента, заставляет его узнавать свои намерения. Как только реципиент узнает намерение автора сообщения, цель достигнута. Иными словами, задачей говорящего при порождении высказывания является выбор той пропозиции и той коммуникативной цели, которые отвечают предпосылкам реципиента, его интеракциональной цели. Следовательно, для реципиента задача заключается в распознавании пропозиции и цели продуцента.

Понимание представляет собой активное, логическое и полное завершение восприятия. Реципиент, воспринимая и понимая языковое значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней, дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т. п.; и эта ответная позиция реципиента формируется на протяжении всего процесса восприятия и понимания с самого его начала. С позиции теории речевых актов нельзя говорить о понимании предложения только в его буквальном значении: необходимо установить цель речевого акта. Понимание и интерпретация, переданной в результате речевого акта информации, является основой иллюкутивного воздействия. Успешная иллюкуция обеспечивает выполнение желаемых действий. Акты понимания, как следствие успешной иллюкуции, рассматриваются учеными как действия, изменяющие мыследеятельный материал, ориентирующиеся на социально значимую нормативность и протекающие в соответствии с потребностью в пробуждении рефлексии. [3, с. 178]

Рассматривая проблему понимания, необходимо подробнее остановиться на функциях и задачах понимания. Пониманию свойственны три основные функции: когнитивная, или собственно познавательная, регуляторная и идеологическая. Выступая в роли сообщателя, мы

одновременно анализируем социальную ситуацию, социальный статус и роли персон, включенных в дискурс, выстраиваем стратегию и подбираем тактические ходы, после чего вербализуем свою мысль, подбирая наиболее подходящие, по нашему разумению, для этого языковые средства. При восприятии сказанного, процесс понимания начинается с восприятия чисто языкового материала, далее мы пытаемся распознать тактику и стратегическое построение мысли говорящего, детерминируя все это через социальную ситуацию данного конкретного коммуникативного процесса.

Учеными выделяются следующие задачи понимания: использование знаний языка; построение и проверка гипотез о значении речи собеседника, понимание параллельно развертыванию речи во времени; освоение сказанного; установление замысла говорящего; осознание различий между внутренним и модельным мирами; соотнесение модельного мира с запасом знаний слушающего. К непониманию может привести нарушение одного из этих правил.

Проблема понимания при ведении деловых переговоров также встает тем острее, чем острее и глубже оказываются культурные различия между сторонами — участниками переговоров. Зачастую в контакт вступают культуры, которые ранее были обособлены и вследствие этого обладают различными смысловыми структурами.

Культура включает в себя распространенные убеждения, модели поведения, ценностные ориентации и нормы, принятые в данном социуме. Она состоит из правил, концепций, категорий и установок, которые используются в данном социуме для объяснения в своей среде, при взаимодействии с другими людьми общества. Американцы или русские, например, обсуждающие сделку, приносят с собой за стол переговоров убеждения, ценности и элементы культуры, присущие своей нации, которыми они подсознательно пользуются при интерпретации заявлений и взаимных действий.

Нельзя забывать, что культурные различия отделяют друг от друга представителей разных стран. Культура представляет собой особый некий барьер на пути заключения международных сделок. Она влияет на общение партнеров по сделке, их поведение, структуру сделки и ее реализацию.

Таким образом, проблема понимания признается одной из фундаментальных в когнитивной науке и одним из важнейших психолингвистических аспектов обучения иностранному языку в морском вузе.

Литература:

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского университета. 1993. — 182 с.
2. Филонова Ю. Ю. Проблемы речевого воздействия при ведении деловых переговоров. Сборник научных трудов Кубанского государственного университета № 17. Краснодар, Кубанский государственный университет, 1998. С. 257
3. Генкин Ю. Ю. Коммуникативные неудачи деловых переговоров и их когнитивная природа. Материалы Восьмой Научно-технической конференции. Новороссийск, РИО «МГА имени адмирала Ф. Ф. Ушакова», 2009. С. 178

О некоторых вариантах собирательного и раздельного представления количества в пределах одной лексемы-субstantива

Дашкова Вера Николаевна, аспирант

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В современной лингвистике традиционному лексико-грамматическому подходу к явлению субstantивной собирательности противопоставлен, главным образом, грамматический подход, согласно которому значение собирательности не формирует самостоятельных лексем, а реализуется в рамках числовой парадигмы существительного [1], [2], [3,4]. Данный подход обусловлен рядом причин, главной из которых можно считать то, что собирательные образования типа *листва*, *студенчество* в сравнении с формами мн.ч. *листья*, *студенты* не несут принципиально новой лексической информации, а выражают особый взгляд на представление количества — собирательный [3, с. 142–143].

При таком подходе и то, что традиционно именуется конкретностью, будет являться не чем иным, как способом представления количества, противопоставленным собирательности. Конкретность предполагает индивидуальную обособленность и значимость объектов, даже если они находятся во множестве. Лучший способ выразить эту обособленность, уделить внимание каждому объекту — это присвоить ему индивидуальный номер, т.е. посчитать их. Поэтому конкретность соотносится нами со счётным, или раздельным восприятием количества. Собирательность же, напротив, игнорирует реальное количество объектов, выдвигая на первый план их качество, что влечёт за собой не только невозможность счёта, но и невозможность выделения счётной единицы или единиц. В результате один и тот же денотат в одних случаях бывает представлен раздельно, а в других — собирательно.

Таким образом, и раздельность, и собирательность представляют собой особый взгляд на количество, а количественные отношения в системе субstantива обслуживаются посредством категории числа. Последняя представляет собой привативную оппозицию форм единственного и множественного числа, с маркированным членом в форме мн.ч. и немаркированным в форме ед.ч. и отмеченную слабой асимметрией [5], [6]. При раздельном восприятии количества единица обозначается посредством формы ед.ч., а множество — формы мн.ч., и их замена друг на друга невозможна, так как они противопоставлены и замена повлечёт изменение смысла высказывания. Это означает, что при раздельном восприятии количества формы числа существительного находятся в сильной позиции, обозначая сами себя, ср.:

Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под бортом метрах в десяти чудовищная рыба величиной со слона. (В. Аксёнов, «Мой дедушка — памятник»).

Юрка <...> увидел внизу несколько круглых и плоских рыб. Он нырнул, поднял ружье и выстрелил в самую крупную. Рыбы трепыхнулись и исчезли. (В. Аксёнов, «Звёздный билет»).

Количество рыбы может быть представлено и собирательно — при условии нейтрализации числа в одной из форм, т.е. попадании её в слабую позицию, где на первый план выдвигается качество, а не количество. Для лексемы *рыба* эта нейтрализация происходит в форме ед.ч.: именно форма ед.ч. оказывается немаркированной и чаще отмечается в слабой позиции:

Да и чего им было тужить? Ведь море по-прежнему было прозрачным, и рыба в нём не перевелась... (В. Аксёнов, «Мой дедушка — памятник»).

— *Как тут насчёт рыбы?* — спросил я, отвлекая разговор.

— *Нету рыбы,* — сказал Пашка и махнул рукой. — *А вот щуки много.*

— *А щука — не рыба?*

— *Ты что, парень? Какая же щука рыба? Щука — это щука. А вот окунь, подъязок, ляпок — это рыба. А щука — не рыба. Она-то всю рыбу здесь и поела, а теперь щуку Папашка жрёт.* (Ю. Коваль, «Самая лёгкая лодка в мире»).

По причине большой задействованности формы *рыба* в собирательном значении возникает потребность в формах, которые бы более однозначно передавали представление о раздельном количестве. Для того, чтобы отличить раздельное представление количества от собирательного, а сильную позицию от слабой, формируется новая, «параллельная» прежней оппозиция — оппозиция сингулятивов *рыбина* — *рыбины*. Ср.:

Я уже хотел было уйти, как вдруг вижу, там, где я перегородил выход, из воды высовывается огромная рыбина. Шевелится. (Ф. Искандер, «Сандро из Чегема»).

В данном примере формы *рыба* — *рыбы* сохраняют противопоставление, но автором избирается всё-таки *рыбина*, по-видимому, по причине её большей точности. А вот уже в следующем контексте употребление формы *рыба* на месте формы *рыбина* могло бы внести неясность и двусмысленность, так как рядом форма *рыба*, находящаяся в слабой позиции:

Нет-нет, — замечает географ, — *мне ни разу не удавалось поймать ни одной рыбины, у нас в Лете рыба просто не водится, это клевали тритоны.* (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Ср. также употребление формы *рыбины*:

Ему казалось — как только местные рыбины увидят московского червяка, тут уж сразу с криком

«московский!» навалются на наши удочки. (Ю. Коваль, «Самая лёгкая лодка в мире»).

То, что оппозиция *рыбина* — *рыбины* формируется специально для выражения раздельного количества, подтверждается и тем, что её формы избираются авторами, когда речь заходит о точном количестве единиц, которое можно посчитать:

*Я знаю, где можно купить за доллар две огромные свежие **рыбины**, а где можно купить такие же **рыбины**, но три за доллар.* (Э. Лимонов, «Это я — Эдичка»).

*Старик надолго задумался. Малыш схрунул три **рыбины** и сказал:*

— *Соли нет...* (К. Булычёв, «Любимец»).

Итак, слово *рыба* обнаруживает в речи следующее числовое поведение: оппозицию *рыба* — *рыбы*, нейтрализуемую, главным образом, в форме *рыба*, и оппозицию *рыбина* — *рыбины*, нейтрализуемую также в форме *рыба*. Следовательно, раздельное представление количества внутри лексемы *рыба* может обслуживаться «параллельными» оппозициями форм числа *рыба* — *рыбы*, *рыбина* — *рыбины*. Собирательное же представление количества выражается посредством формы нейтрализации числа *рыба*.

Несколько иначе представляются количественные отношения внутри лексемы *ворона*. В оппозиции *ворона* — *вороны* немаркированной следует признать форму мн.ч. *вороны*. Мы судим об этом хотя бы по тому, что при определении количества не числительными, а иными единицами (при измерении количества) предпочтительнее употребить именно эту форму, ср.: *много **рыбы**, стая **рыбы***, но *много **ворон**, стая **ворон***. При древнейшем показателе собирательности — местоимении *весь* — также употребляется форма *вороны*: *всю **рыбу** распугали — всех **ворон** распугали*. Ср. также:

*Давайте ещё пугало сделаем, чтоб **вороны** огород не клевали.* (Н. Носов, «Огородники»).

Последняя позиция могла бы быть истолкована как сильная — в том случае, если бы по сюжету герои Н.Н. Носова действительно увидели несколько ворон на своём участке и решили таким образом обезопасить урожай. Формой *вороны* тогда были бы обозначены *эти, конкретно взятые вороны*. И на месте формы *вороны* могла бы быть форма *ворона*, если бы замечена была одна конкретная ворона, т.е. формы могли бы противопоставляться. На самом деле этого нет, никакие вороны ничего не клевали, о воронах вообще речь зашла впервые в связи с идеей поставить пугало. Следовательно, *вороны* здесь — это вороны вообще, и смысл, передаваемый этой формой — чтобы ни множество ворон, ни одна ворона не клевали огород, а сама форма *вороны* — форма нейтрализации числа, архиформа, посредством которой выражено собирательное количество.

При определённых условиях формой нейтрализации, в которой количество передано собирательно, может стать и форма ед.ч. *ворона* — например, когда эта форма обозначает название птицы, вид птицы как таковой без необходимости определения реального количества:

*Он с ужасом замечал теперь, что, вообразив, скажем, пейзаж, среди которого однажды пожил, он не умеет назвать ни одного растения, кроме дуба и розы, ни одной птицы, кроме **вороны** и воробья.* (В. Набоков, «Камера обскура»).

Однако чаще формы *ворона* — *вороны* противопоставляются, и позиции, в которых они появляются — это сильные позиции:

*Но пусто было на столбах, только на пятом или шестом от нас сидела **ворона**. Заметив, что мы глядим на неё, **ворона** неуклюже вспорхнула и полетела над озером.* (Ю. Коваль, «Самая лёгкая лодка в мире»).

*Саженья в пятидесяти из шалаша выполз старик-сторож и ударил в трещётку, отгоняя **ворон** от подсолнухов. <...> **Вороны** метнулись от подсолнушков.* (В. Иванов, «Голубые пески»).

В приведённых контекстах количество представлено раздельно, или счётно — единицы, названные формами числа, можно даже при необходимости посчитать. Об этом свидетельствует и устойчивое выражение — *ворон считать*.

Преимущественно счётное представление количества ворон, достаточно широкий круг сильных позиций для форм числа приводит к тому, что не всегда, когда это требуется, количество можно выразить собирательно. Поэтому начинает функционировать другая, отличная от членов числовой оппозиции форма — форма *вороньё*. Это также архиформа, в которой нейтрализуется оппозиция *ворона* — *вороны*, она может употребляться в позиции, которая и без неё была бы слабой:

***Вороньё** нам не выклюет глаз из глазниц / Потому, что не водится здесь **воронья**.* (В. Высоцкий, «Белое безмолвие»).

И она же обладает потенциалом — в чём и заключается её специфика — представлять собирательно количество там, где без неё это было бы невозможно, т.е. в позиции, где формы *ворон* — *вороны* были бы противопоставлены и количество представлялось бы раздельно:

*По небу ползли низкие растрёпанные тучи, с полей прилетал холодный ветер, и мокрое **вороньё** кружилось над голыми деревьями.* (А. Ладинский, «Анна Ярославна — королева Франции»).

Итак, раздельное количество в лексеме *ворона* обслуживается посредством оппозиции форм числа *ворона* — *вороны*, а собирательное — посредством форм нейтрализации, в качестве которых могут выступать и *ворона*, и *вороны*, но наиболее ярко и эффективно реализует представление о собирательности форма нейтрализации, отличная от членов числовой оппозиции, — форма *вороньё*.

На примерах числового поведения лексем *рыба* и *ворона* мы проиллюстрировали лишь некоторые варианты представления раздельного и собирательного количества. Вместе с тем рассмотренные варианты можно назвать базовыми, наиболее вероятными в системе субстантива, поскольку собирательное и раздельное представление количества для любого другого существительного (за

исключением существительных, хранящих формы двойственного числа) будет выглядеть как комбинация указанных средств. Главный же вывод, который мы делаем на основе приведённого анализа, это вывод о речевой, а не

языковой обусловленности значений собирательности и конкретности, проявляющейся не в образовании новых слов, а в сосуществовании форм для представления того или иного количества в пределах одной лексемы.

Литература:

1. Никитин В. М. О статусе собирательных существительных // Дери́вация и полисемия. Тамбов, 1984. С. 112–116.
2. Колесников А. А. Семантическое обеспечение грамматических форм имён существительных русского языка. Киев, 1988.
3. Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. Тамбов, 2001.
4. Шарандин А. Л. Способы представления субстанции как формообразовательная категория существительного // Среди нехоженых путей. Воронеж, 2012. С. 254–270.
5. Брусенская Л. А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1994.
6. Лазарев В. А. Обобщённо-собирательное значение в семантической парадигме единственного числа существительного: На материале современного русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

Пословицы и поговорки в сопоставлении с фразеологизмами в удинском языке

Кочарян Альвина Рабоновна, старший преподаватель
Московский городской педагогический университет

Статья посвящена проблемам паремий и фразеологических единиц. Ставятся следующие задачи: сопоставить и сравнить паремии и фразеологические единицы удинского языка; выявить сходства и различия между пословицами, поговорками и фразеологизмами. Проблематичным остается вопрос о включенности или не включенности паремий во фразеологическую систему языка. Статья также подчеркивает важность и необходимость изучения паремии и фразеологических единиц, поскольку они представляют большой интерес для лингвокультурологии и этнолингвистики.

Ключевые слова: паремии, фразеологические единицы, сходства и различия, научное определение, культурные традиции и ценности, уникальность, отражать, сущность, национальная самобытность.

Proverbs and phraseological units in the Udi language: similarities and differences

Al'vina Rabonovna Kocharyan
Department of Early Foreign Languages Learning, Moscow State Pedagogical University

The article is devoted to the problems of paremias and phraseological units. It sets the following tasks: to collate and compare paremias & phraseological units of Udi, identify similarities and differences between proverbs, sayings and collocations. Problematic is the question of inclusion or non-inclusion of proverbs into the phraseological language system. The article also highlights the importance and the need of studying paremias and phraseological units of their great interest for linguistics and ethnolinguistics.

Key words: proverbs, phraseological units, similarities & differences, scientific definition, cultural traditions and values, uniqueness, to reflect, essence, national identity.

Как и фразеологизмы, паремии отражают национально-культурную специфику языка и представляют большой интерес для лингвокультурологии, поскольку раскрывают средства и способы проникновения культурных традиций и ценностей в язык.

Несмотря на то, что много лингвистов сегодня занимаются проблемами паремиологии и фразеологии, общепри-

нятого научного определения терминов и их дефиниций на сегодняшний день все еще нет. Проблематичным остается также вопрос о включенности или не включенности паремий во фразеологическую систему языка.

Актуальность темы исследования определяется своеобразием этнокультурности и особенностями метафорического переосмысления реалий из области традицион-

ного быта, обычаев, уклада жизни носителей исследуемых языков, полное раскрытие которых требует сравнения для выявления сходств и различий фразеологических единиц с паремиями.

Имеющиеся фрагментарные исследования, посвященные отдельным вопросам удинской фразеологии, не достаточны, чтоб создать целостную картину о паремииологии удинского языка. Наша работа — практически первая попытка исследовать паремии и фразеологические единицы удинского языка в сравнительно сопоставительном плане, в основном, опираясь на ниджский диалект.

Следует отметить, что впервые предпринятая попытка сравнительно-сопоставительного анализа удинских паремий и фразеологических единиц, определяет научную новизну исследования.

Цель данной статьи — исследовать особенности удинских паремий и фразеологических единиц и определить их национальную специфику.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие основные задачи:

- сопоставить и сравнить паремии и фразеологические единицы удинского языка;
- выявить сходства и различия между пословицами, поговорками и фразеологизмами.

Паремии — это устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения с синтаксической структурой предложения, которых употребляют в дидактических целях. К паремии можно отнести пословицы, поговорки, изречения из Священного Писания, обладающие признаками общеизвестности.

В толковом «словаре живого великорусского языка» по определению В.И. Даля, «пословица — это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [10, 66; 11, с. 130].

«Пословица не просто изречение, — говорит Аникин В.П., — она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» [2, с. 3].

«...Пословица и крылатое слово, выражающее общее мнение, не оспариваются никогда, и, следовательно, они максимально авторитетны», — говорится в работе «Язык и культура» Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [7, с. 93].

Т.М. Акимова считает, что к пословицам в народной речи близки поговорки. Например, она говорит о том, что эти два жанра фольклора сходны по своей краткости, силе суждения, поэтической выразительности, но, тем не менее, исследователь указывает и на различия, которые существуют между пословицами и поговорками. По замечанию Т.М. Акимовой, пословицы — законченные суждения, предложения, имеющие подлежащее и сказуемое,

а поговорки представляют собой только меткий намек на суждение. Чтобы доказать эту разницу, она приводит следующее сравнение: так, фраза «*Чужими руками жар загребать*» — поговорка, в ней нет суждения, вывода, но если ее дополнить: «*Чужими руками жар загребать легко*», то поговорка превратится в пословицу [1, с. 132].

В.П. Аникин пишет, что «эту разницу народ выразил в пословице: *поговорка — цветок, а пословица — ягодка*», указывая на то, что поговорка — это что-то незаконченное, имеющее намек на суждение [3, с. 45].

С.Ф. Баранов определил отличие пословиц и поговорок от крылатых выражений: первые имеют народное, а не книжное происхождение. Однако, как замечает исследователь, «далеко не всегда удается установить, принадлежит ли то или иное выражение определенному автору или писатель заимствовал его из народной речи.

Их частое употребление в устной и письменной речи объясняется, прежде всего, тем, что они придают ей особый колорит, делают ее образной и выразительной. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что пословицы и поговорки обладают эмоциональной и стилистической окраской, благодаря чему они совершенствуют коммуникативную функцию языка» [6, с. 125–126; с. 306].

По мнению В.А. Жукова, пословицы с давних времен отличаются от поговорок. Он считает, что обычно поговорками именуется широко распространенные выражения — изречения, образно определяющие какие-либо жизненные явления. Но есть и сходство: поговорки также как и пословицы, вошли в повседневную речь, вне ее не существуют, а именно в речи раскрывают свои настоящие свойства. Поговорка еще в большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений и существует в речи для того, чтобы выражать, прежде всего, чувства говорящего [13, с. 11].

«Под фразеологизмом понимается лексически неделимое, устойчивое в составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [14, с. 377–378].

По определению Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова «фразеологизм — это самостоятельная (несводимая ни к словам, ни к языковым афоризмам) строевая (непосредственно соотношенная с языковой деятельностью) языковая (массово воспроизводимая) единица, обладающая синтаксически членимой формой (словосочетанием) и использующая во фразе синтаксическую функцию члена предложения» [8, с. 89].

Вопрос о том, какие структуры относятся к фразеологическим единицам, является спорным.

Большинство ученых считают, что в состав фразеологии языка должны входить устойчивые словосочетания слов, соотносимые как со словом, так и с предложением. Такого мнения придерживаются В.Л. Архангельский [4, с. 91], А.В. Кунин [16, с. 1244–1250], М.И. Исаев [15, с. 181–182]. Этими авторами выделяется большой круг объектов фразеологии, включающий и коммуникативные

единицы (пословицы и поговорки).

Этого же взгляда придерживается А. И. Ефимов, считающий фразеологизмами не только идиомы, но и пословицы, поговорки, афоризмы, устойчивые формулы и обороты, некоторые канцелярские штампы [12, с. 280].

В отличие от В. Л. Архангельского, В. П. Жуков включает в состав фразеологии русского языка не все пословицы и поговорки, а только часть их называемых им «словичными фразеологизмами» [14, с. 160].

В. П. Жуков считает, что в формировании фразеологизмов решающее значение имеют лексико-семантические, а не грамматические факторы. «Фразеологизм начинается там, где заканчивается семантическая реализация его компонентов» [14, с. 6].

А. В. Кунин, понимающий фразеологию в более широком смысле, относит к фразеологическим единицам устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением [17, с. 210]. Сюда же относятся пословицы и поговорки [17, с. 240–251].

Я. И. Рецкер считает, что с точки зрения переводчика единственным решающим критерием фразеологичности является переосмысленность [18, 146–147; с. 161–162].

В. В. Виноградов считал, что «к области фразеологических единиц относятся многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, литературные цитаты, крылатые выражения, народные пословицы и поговорки» [9, с. 783].

В удинском языке пословица и поговорка терминологически не разграничиваются, они функционируют под общим названием «*mäsälä*».

И поговорку, и пословицу употребляют для выражения советов, наставлений, суждений, побуждений, приговоров и т. д.

Тем не менее, на мой взгляд, поговорка в удинском языке отличается от пословицы краткостью и точностью, иногда намеком и недоговоренностью. Пословицу вспоминают и приводят, как пример, к месту для сравнения, а поговорку вспоминать не надо, она всегда в речи, является своего рода *повседневной речью*. Например, *поговорки*:

1) **bajoo beene...., (človakijoo človakene)** ‘что было — то было...., (что прошло — то прошло)’. Здесь *наставление* о том, что прошедшее не вернешь, необходимо шагать в ногу со временем, вторую часть поговорки **človakijoo človakene** здесь можно упустить, она и так подразумевается;

2) **p:al viluv düjnäne.... (jačun k:ä tašaljan?)** (букв.: двухдневный мир) подчеркивает на не вечность человека на земле. Несмотря на то, что не договаривает **jačun k:ä tašaljan?** ‘что унесем с собой?’, уже понятно, что дает *наставление* на правильный образ жизни, чтоб не сориться, не обижать. *Побуждает* к свершению добрых дел, не злословить и не жадничать, ибо жизнь коротка.

3) **äšpaltine ukša ...** не договаривает (**bask:alt:in tä**) букв.: кто работает, тот ест, (а не тот, кто лежит). В предложении: **äšp:alnu — ukalnu... (ten äšp:al — ten ukal**

букв.: будешь работать — будешь есть, (не будешь работать — не будешь есть) аналогично русской пословице ‘кто не работает, тот не ест’. Поговорка дает наставление на трудолюбие.

4) **Ačšlumen ačšlume ešta...** не договаривает (**oInenen/neven — oIne/nev**) букв.: смех следует за смехом, (а плач/слезы ведут к плачу/к слезам), «смеху-смех, слезам — слезы». Поговорка дает наставление на то, что грешно жаловаться, ныть, нужно радоваться...

5) **äjten äjte ešta** «слово следует слову», наставление на то, чтоб следили за речью, не кидались ненужными словами, ибо необдуманные слова могут вести к неприятным обстоятельствам.

Сравните, *пословицы*: (*te*) *mäsälänoje.... или neče....* букв.: (*ta*) *пословица есть... или говорит (в значении звучит)...*

1) *neče.... elema čač čen tee gam?* (ослу дал (а) ты холодную воду или горячую?) выражает *намек на придирку*, то есть если ответ последует: ‘холодную воду’, то собеседник скажет: ‘а надо было горячую дать’, или наоборот.

2) *neče.... elema lajsun sa äjbe, (qIajbaaj) c:ijsun p:al* букв.: на осла лезть один стыд, обратно слезать два, суждение о том, что ‘начатое дело нужно завершить’.

3) *neče čäl čaljalčune — bito sa kojajune* букв.: собака такая же, как собака ‘все из одного дома’ поговорка содержит *суждение* о том, что человек, о ком идет речь, ‘такой же, как и все остальные члены его семьи: аналогичной русской пословице «по одному суди всех».

4) *neče haq:ullunen fükürbami gižen iz uk:alto bene* ‘пока умный думал — дурак свое дело сделал’ *побуждение* о том, что нельзя откладывать серьезное дело в долгий ящик;

5) *petun käsibi kožq:an careci!* букв.: (сказали) ничего дом, чтоб рухнул!), *намек на суждение* о том, что у ничего и до этого не было ничего, а уж дома тем более, чтоб рухнуть. Так говорят, когда кому-то очень сильно не везет, безвыходное положение.

Из вышеперечисленных примеров можно делать следующий важный *вывод*, отличающий *пословицы от поговорок в удинском языке*: пословицы можно начинать со слов (*mäsälänooje*) — (есть пословица) *neče* или *pet:un* (поговорка гласит) (букв.: говорит) ‘гласит’ или *petun* (букв.: сказали) тоже ‘гласит’. Здесь все сходится к тому, что *пословица выражает всеобщее мнение, мнение множества людей, мнение народа*.

Поговорка же еще в большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку, чувства говорящего.

Паремии и фразеологическая единица — две самостоятельные единицы языка, состоящие из плана выражения и плана содержания — имеют *много общего*.

И паремии, и ФЕ всегда поучительны, никто не вспоминает их случайно: без повода и без причины. Они всегда приходят на ум сообразно, их вспоминают уместно для разумных советов и наставления на самые различные

случаи жизни. Во фразеологических единицах и, особенно в паремиях, ярко проявляется своеобразие быта, жизни, истории и культуры народа. Они содержат в себе большой культурологический потенциал, которые способствуют разрешению вопросов конфликтов культур. Это их *общие свойства*. Паремии и фразеологизмы в удинском языке имеют также *отличительные черты*.

Если во фразеологическом выражении отсутствует назидание или имеются элементы недосказанности, то это поговорка или крылатая фраза.

У каждой из них свои парадигматические формы, а в составе предложения они имеют характерные, только им присущие взаимоотношения и связи.

Часто фразеологическое выражение представляет собой законченное предложение с утверждением, назиданием или выводом. Примерами таких фразеологических выражений являются пословицы и афоризмы.

В пословицах заключен глубинный смысл и народная мудрость, уходящая своими корнями в далекое прошлое. В них мы можем увидеть не только культуру народа, но и его традиции и историю. ФЕ же больше способствуют лучшему пониманию менталитета народа изучаемого языка.

Нет сомнения в том, что больше всего своеобразия и неповторимости языковых реалий представлено именно во фразеологии, потому что именно фразеологизмы отражают неповторимое своеобразие, обусловленное жизнью и культурой того или иного народа. Именно *в несовпадении в плане перевода* кроется настоящая национальная самобытная сущность определенного народа — то, чем отличается один народ от другого.

Фразеологические единицы удинского языка имеют ряд отличий от паремии, заключающихся в ее сравнительно небольшом словарном объеме и преимущественно сниженной лексике, в практическом отсутствии книжных наименований.

Следует отметить, что если пословицы и поговорки практически невозможно отличить друг от друга в удинском языке, то от фразеологических единиц они отличаются очень сильно. *Во-первых*, логически: паремии адекватны, в основе их целостного смыслового содержания лежат суждения и побуждения, в то время как *во фразеологизмах — понятия*. Например, поговорки: **č:otaat:an ast:araal čurusa** (дословно, когда дают лицо, и изнанку просят) в основе целостного смыслового содержания поговорки лежит суждение, выражает «наглость», «неблагодарность», «ненасытность», функционально-смысловым эквивалентом в русском языке является пословица 'Дай ему палец, он и всю руку отхватит' или 'свинью за стол, она ноги на стол'; **q:oldinā zapet:un ɣalčīn looɣ....** (букв.: черепаха потащила на ковер) может не договорить вторую часть '**pene tāā oč:īin boš šahat:e**' (сказала 'нет, в грязи лучше') в основе поговорки лежит суждение о неблагоприятном человеке.

Пословицы: **eļš eļšna ɣodin t:oIolɣe bist:a** 'яблоко падает недалеко от яблони'. В удинском языке поговорки широко используются в речи, нежели пословицы.

Сравните, ФЕ: **laIq: cännäluv bsun** (букв.: шатающая челюсть делать) 'лясы точить', **žIomo kori bsun** (букв.: рот кривой делать) 'высмеивать', **žIomoj tikiñā tastun** (букв.: рта кусок отдавать) 'поставить на место', **alaxun ak:esun** (букв.: сверху показаться) 'быть в шоке', **pul bistun** (букв.: глаза падать, упасть) 'влюбиться', **piin jaq: zapsun** (букв.: глаза дорога тянуть) 'в ожидании', **piel q:aratikā baksun** (букв.: в глазу ядовитой колючкой быть) 'мешать', **pula čevk:sun** (букв.: глаз выдернуть) 'дразнить'.

Во-вторых, слова, входящие в состав пословиц и поговорок нередко выделяются или, по крайней мере, могут быть выделены логическим ударением. Например: в пословице **eļš eļšna ɣodin t:oIolɣe bist:a** 'яблоко падает недалеко от яблони' делает акцент на то, что яблоко падает именно рядом с яблоню, а не с другими деревьями. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. Фразеологизмы, таким образом, лишены актуального членения; например: ФЕ I) **tapān belɣun ala** (букв.: живот выше головы) выражает понятие обжорства. В пр.: **vi tapān belɣun alane?** (букв.: у тебя, что живот выше головы, что ли?) 'ты же не обжора'; **tapāna pušex laɣi** (букв.: живот, замачивая) выражает понятие о напрасном ожидании. В пр.: **iz tapāna pušex laɣi arcene** 'он или она зря надеется'; **pul qIaj (e)** (букв.: глаз открыт) 'шустрый'; **pul q:ičle** (букв.: глаз закрыт) свою пользу (свои интересы) не замечающий человек 'балда'; **kul qIaj (e)** (букв.: рука открытая) 'щедрый'; **kul amci (ne)** (букв.: рука пустая) 'без денег'; **kul boɣoe** (букв.: рука длинная) 'деловой'; **bul amci (ne)** (букв.: голова пустая) 'тупой'; **žIomo kalane** (букв.: рот большой) 'не порядочный'; **tur suuk (e)** (букв.: нога легкая) несет удачу, кому попадает на встречу; **bačlan zorbane** (букв.: спина сильная) так говорят о человеке, у которого есть сильная опора (богатые родственники), поддержка.

В-третьих, важно подчеркнуть, что в удинском языке употребление фразеологических единиц в речи способно передать *индивидуальное мнение*, охарактеризовать, оценить некий объект речи, сделать высказывание выразительным и повысить его действенность, а паремии представляют *всеобщее мнение*.

Решающим критерием фразеологичности является в удинском языке переосмысленность. Поэтому лишь некоторые поговорки и пословицы, не соответствующие плановому выражению, имеющие переосмысленное значение, на мой взгляд, можно считать фразеологическими единицами в удинском языке, так называемых «пословичными фразеологизмами».

ФЕ-предложения, к которым относятся некоторые пословицы, поговорки и формулы речи, отличаются от ФЕ со структурой словосочетаний не только наличием в них предикативных центров, но и своеобразной организацией всей структуры:

hat:t:e hamam, hat:t:e k`ose! поговорка *обладает фразеологичностью* (букв.: та самая баня, тот самый барабан) понятие 'все о том же', 'та самая песня';

bez kijexun adbiq:itez! (букв.: из моей руки я не нюхал) 'откуда мне знать?' *поговорка* обладает *фразеологичностью*, или **bez kiin boştan** (из внутри моей руки...) **adbiq:itez** или **bez malxiInaxun/bez malxiIn boşt:an adbiq:itez** (ладошку свою не понюхал (а) я).

kiin boştane ejsa (букв.: из ладони приходит) 'делать на зло'. В употреблении (**iz, ičovo, beš ...**) **kiin boştane ejsa** (свой, их, наш) из его/ее, своей, нашей ладони приходит 'хорошо и (назло и, правильно и) делает (делают, делаем)', 'так и надо'.

Поговорка **ukalnan (ukaltun) isä gele-gele** (букв.: будете (будут) есть теперь много-много означает, что 'теперь (поймете) поймут, когда ничего не будет, аналогично русской пословице 'когда имеем, не ценим, потерявши — плачем'.

Поговорка **vi šejtanxo vi dābānaxun cipa** (букв.: своих чертиков из своего фартука высыпь) 'не упрямясь'.

Поговорка **el aalāmi žlomo dāp nakarane** (букв.: *во рту всего народа* — **dāp** (восточный муз. инструмент) является барабаном означает 'стать притчей во языцех'.

Сравните *пословицы*:

1) **(te) mäsälānooje nexe** или **pet:un** (поговорка гласит) **vi läjfü beva, vi tura boxoda** 'смотри на свое одеяло, протягивай свои ноги';

2) **(te) mäsälānooje nexe** или **pet:un** (поговорка гласит) **iz piye bakala maqla tene aksa, xalxe piye bakala čöpäne aksa** 'в своем глазу бревно не видит, в чужом соринку замечает';

3) **(te) mäsälānooje nexe** или **pet:un** (поговорка гласит) **ham nalane duksa, ham mičä** (букв.: то подкову бьет, то гвоздик), переосмысленность говорит о том, что это «пословичные фразеологизмы». Фраза **(te) mäsälānooje nexe** или **pet:un** (поговорка гласит), которой можно начинать пословицы, выражает мнение множества людей, мнение народа. Этим пословицы отличаются от поговорок и ФЕ.

Наличие перечня фразеологизмов в их функционально-коммуникативном многообразии *облегчает решение проблемных речевых задач, положительно сказывается на формировании языкового сознания, способствует филологической и культурологической компетенции*.

В ходе исследования, рассматривая дефиниции между паремиями и фразеологизмами в содержательном плане, можно делать вывод, что данная тематика безгранична. Они реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, передают бытовые, социальные, религиозные, эстетические народные взгляды.

Фразеологические единицы имеют большое значение для взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации, так как они содержат богатую страноведческую информацию, отражают дух и национальные особенности народа. Каждый фразеологизм — это национальное, самобытное явление, носителем которого является народ, говорящий на данном языке.

В пословицах и поговорках сформулированы стереотипы обыденного народного сознания, которые отражают коллективное сознание целого этноса, его опыт, особенности менталитета и специфику мировосприятия. Особенно важны для изучения те паремии, происхождение и функционирование которых неразрывно связано с историей конкретного народа, его культурой, бытом и т. д., так как в них наиболее ярко проявляется лингвокультурная специфика того или иного этноса.

Правильное и уместное использование паремий и фразеологических единиц придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, эмоциональность, меткость и экспрессивную насыщенность. И это определенной степени свидетельствует о высокой культуре речи человека, о его степени образованности.

Литература:

1. Акимова Т. М. Русское народное поэтическое творчество / Пособие к семинарским занятиям / Учеб. пособие для пед. ин. — тов. Т. М. Акимова, В. К. Архангельская, Б. А. Бахтина. — М.: Высш. шк., 1983, с. 132, 208.
2. Аникин В. П. Предисловие к кн.: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966. С. 3.
3. Аникин В. П. К мудрости ступенька: О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке: Очерки, 1988, с. 45, 176.
4. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / Советская Энциклопедия, М., 1968, С. 377—378.
6. Баранов С. Ф. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для студентов историко-филологических факультетов пединститутов. Гос. учебно-педагогическое изд.-во. Мин. просвещения РСФСР. М.: 1902, с. 125—126, 306.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство. М.: Русский язык, 1983. с. 93—98.
8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Рус. яз., 1982. С. 89—98.
9. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. стр. 783.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — Сб., 1863—1866.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т., М., 1984, с. 130. В 4 т.

12. Ефимов А. И. «Курс лекций». История русского литературного языка Стилистика художественной речи. М., 1961, с. 280.
13. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1993, с. 11.
14. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. Учебное пособие для студентов пединститутов по специальности «Русский язык и литература» — М.: Просвещение, 1978. — с. 6, с. 160.
15. Исаев М.-Ш. А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. Махачкала — 1995, с. 181—182.
16. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967. Т.1—2, с. 1244—1250.
17. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М., 1972, с. 210; с. 240—251.
18. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения. 1974, с. 147—148; с. 161—162.

Заемствованная лексика в удинском языке

Кочарян Альвина Рабоновна, старший преподаватель
Московский городской педагогический университет

Статья посвящается проблеме заимствований. Удинский язык, один из кавказских языков, принадлежащей лезгинской группе нахско-дагестанских языков, с числом носителей около 10 тысяч человек, имеет большое количество слов арабского и иранского происхождения. Лексика и фразеологизмы удинского языка достаточно не изучены и нуждаются в основательном исследовании.

Ключевые слова: заимствования, параллельные слова, арабская и иранская лексика, научное исследование, требует изучения, тщательные поиски.

Borrowed vocabulary in the Udi language

Kocharyan Alvina Rabonovna, assistant professor of department of the Primary Study of Foreign Languages Education MСPU

The article is devoted to the problem of borrowings. Udi language one of the Caucasian languages, belonged to the south-east group of Dagestan's languages with the population of 10 thousand people has a great number of Arabic & Iranian words. The vocabulary & idioms of Udi is not explored enough & demand in researches.

Key words: borrowings or loans, parallel words, Arabic & Iranian vocabulary, investigation, demands to explore, researches.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной лингвистике проблемам заимствования посвящено огромное количество работ, вопрос заимствованной лексики относится к числу актуальных проблем, не только исторической фонетики, морфологии и лексикологии изучаемого языка, но и современного состояния проблемы, изучение которой имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Как и другие языки, бесписьменный удинский язык, входящий в нахско-дагестанскую семью кавказских языков, по причине исторических процессов в судьбах народов Кавказа, на протяжении множества веков входил в соприкосновение с другими языками, взаимодействуя с ними.

В словарном составе удинского языка выделяется, по крайней мере, три пласта исконной лексики. Основанием для такого деления является наличие у исконных лексем соответствий в родственных языках. На основе данного критерия анализируемая лексика подразделяется на следующие группы:

а) общевосточнокавказская лексика (соответствия обнаруживаются в нахских, аваро-андо-цезских, лакском, даргинском или хиналугском языках, *сравните: удин. muz* ‘язык’ ср. *лезг. мез, таб. мелдз, агуль. мез, рут. миз, цахур. миз, крыз. мез, миз; арчин. мац; удин. kerej* ‘тесак’ ср. *лезг. кІир, таб. кІир, цахур. кІера, ар. кІири, крыз. кІир*);

б) общелезгинская лексика (соответствия обнаруживаются в лезгинских языках, *сравните: удин. с:il* ‘семя, косточка’, ср. *лезгин. цил, табасаран. цил.; удин. jeq* ‘мясо’ ср. *лезгин. йак, цакІу, табасар. йик, агуль. йак, рутул. йак; удин. паq* ‘пахта’, ср. *лезгин. нек, табасар. ник, рутул. наьк, агул. нек.*);

в) собственно удинская лексика (т. е. незаимствованная лексика, не обнаруживающая соответствий) [1, с. 311].

Первые две группы это исконно удинские слова, которые развивались из праязыка в лезгинские группы естественным путем.

Однако, параллельные слова в удинском языке встречаются не только с генетически родственными и с контактирующими языками, такими как русский, азербайджанский и грузинский, но и с не контактирующими — арабским, персидским и тюркским, с которыми, по всей видимости, в прошлом были близкие контакты.

В современном удинском языке (в данной статье рассматривается только ниджский диалект удинского языка), как и в других кавказских языках, выделить арабско-персидский слой заимствованной лексики довольно трудная задача, так арабские, персидские и тюркские заимствования здесь сложно переплетаются. В удинский язык проникли, в основном, *арабизмы бытового характера*, что говорит о длительном господстве арабского халифата в Азербайджане (VII-VIII вв.).

Арабский источник	Удинское слово	Русский перевод
вазифатун ¹	väzifä	должность
васийатун	väsijä	предсмертное завещание
вIалIадун	övlad	дети, наследники, родня
дуIаун	dua	умилостивление
дуканун	dükän	магазин
ахиратун	a r-tu ur	наконец
айтун	äjit	слово
азалиетун	äzälä (i)	впредь, изначально
Iадатун	ädät	традиция, обычай, порядок
амалун	ämäl	деяние
ясин	jas	похоронная песня-плач
малак	mäläk	смягчаться, как миленький
зякатун	zäkät	остывающий кусок еды
кыйаматун	qijamat	1) прекрасный; 2) страшный, судный день
кядри	qädär (he qädär? — sa qädär; me qädär)	мера измерения (сколько? — много; немного, чуть-чуть)
шайтанун	šejtan	сплетница
джамаIтун	amaat	собор, люди, народ
Iаламун	aaläm	вселенная, весь мир
иблисун	iblis	хитрый, аферист

Отдельные грамматические и научные термины

Арабский источник	Удинское слово	Русский перевод
Iарзатун	ärzä	заявление
Iарфун	härif	буква
Iилмун	elm//aalim	наука//ученый
къаламун	qäläm	карандаш
хъисабун	hesab	арифметика, счет
даражатун	däräzä	степень
тарихун	tariḥ; taariḥ	число, дата; история
масалун	mäsälä//misal	например
къарарун	qärär	предел
дарсун	därs	урок, занятие

Из названия птиц, животных заимствованы:

Арабский источник	Удинское слово	Русский перевод
хъйаватун	hejvan	домашнее животное
батIтун	baId-baIdi	утка
филун	fil	слон
маймунун	mejmun	обезьяна
тIаустун	touz	павлин

Из названия продуктов питания параллельные слова:

Арабский источник	Удинское слово	Русский перевод
хъалватун	halva	халва
Гаракъун	äräqi	водка
къГандун	qänd	сахар
гъадилун	andzil	халяр (дикий чеснок)

К прочим заимствованиям социально-экономического и политического характера, а также к заимствованиям, обозначающим некоторые другие понятия, относятся:

Арабский источник	Удинское слово	Русский перевод
баракалла	bäräkalla	слава богу
баркатун	bäräkät	хлеб, благодать
Галаъмун	älämät	чудо
ГклмаГкл	q:almaq:al	шум, гул
Газабун	azab	гнет
ирс	hirs	злость
хГаваун	hava	воздух
мискинун	misk:in	тихий, спокойный
маынун	määnä	причина, повод
нийатун	nijät	намерение
факъир	favr	бедняга
сабунун	sapun	мыло
саъаГатун	saad	часы
сабрун	säbir	терпение
хабарун	ḫavar	известие
хаасун	ḫaīl	грядка
хейрун	ḫejir	добро
заятун	zijan	ущерб, убыток, вред
зулмун	zülüm	угнетение
гайбатун	q:ibät	наушничество
хилукъун	ḫilä	подарки от родителей невесты — родственникам жениха перед свадьбой (за дареные украшения)
къайда	q:ajda	порядок
къануни	kanuni	законно
къарибун	q:arib	незнакомец, чужестранец
хъурматун	hörmät	уважение, почитание
ассрун	jäsir//jäsiz	пленник, безродный
балаун	bälä	беда
файда	fajda	польза
къовмун	q:oom	родственник
дуйне	düjnä	мир, планета
хъакун	haq:	заслуга, заработанное по праву, заслуженное
хальватун	hälbät	вероятность
харжун	ḫarǰ	расход
хазинатун	ḫäzinä	казна, сокровище
заманун	zaman	время, эпоха
хъукаматун	hökümät	правительство
суратун	surat	лицо, вид, фон
вакил	väkil	представитель, доверенное лицо
хГарамун	haram	нечестный, грешный, запрет
хъаз	gözäl — вряд ли заимствование	красивый
нурун	nur	свет
даГвун	dava	драка, ссора
дайма	dajma	постоянно

резе	irazi	довольный
мислахъатун	maslahat	совет
амрун	âmir	приказ
шамун	šam	свечка

Территория современного Азербайджана, а древности была частью иранских государств и тесные связи удин с иранскими народами нашли свое отражение в их языках. Заимствованная лексика иранского происхождения представлена в удинском языке в основном древнеперсидской и среднеперсидской лексикой.

Слой персидской лексики в удинском языке многочислен и затрагивает все сферы жизни: торгово-хозяйственной терминологии, быт, продукты питания, названия птиц и животных и ряд других понятий.

Персидский источник	Удинское слово	Русский перевод
таразу	täräzik:	весы
хурма	χurma	хурма
памба	pambak:	вата

Как видно из примеров последние буквы имен существительных в арабском языке оканчиваются на — ун. В обычной речи это окончание — *ун* как правило не произносится.

дару	därmän	лекарство
аъппаси	abbasi	монета
шахІар	šähär	город
кабини	käbin	бракосочетание, загс
каса	k'jasa, kisä	денежный мешок, кошелек
шише	šüşä	бутылка
луле	lülä	труба
чарх	čarχ	мотор, механизм
пагъламан	pehlivan	акробат
падэшахІ	paččav	падишах
гавмиш	gömüş	буйвол
Арабби!	A jär (r)äbin! // a jarab!	О, господи!
шалвар	šalvar // šarval	брюки
каъгъаз	kjaviz	бумага
мих	miχ (miχcä); maχat	гвоздик (гвоздь)
долма	dolma	долма
паърда	pärdä	плева, занавес
араба	haraba	арба
гІфйси	q:ajsi	сушеный фрукт
гуж	q:oža	дряхлый, старый
домба	t:omp:ak:	курдюк
пальас	palaz	палас
даста	dästä (dästä — дәstä)	вязка, куча, (толпами)
дем	däm	нетрезвый, выпивший
демедем	dämädäm	в сию минуту
демкеш	dämkäš	верхняя часть самовара, где ставится заварочный чайник
денг	däng	надоедать
денгасар	dängäsar	заморочить чью-то голову
дерд	därd	боль, заболевание
дербенд	därbänd	крепость
дердсер	därdisar	проблема
дастмал	däsmäl	полотенце
диван	divan	устроить кому-то, наказать
дуруст	dirist	живой, целый
зирземи	zirzämi	подземелье, погреб, холодная темница

зур, зор	zor	сила
зер	zär	золото
зергер	zärgär	ювелир

Следует отметить, что параллельных слов, так называемых «арабизмов» и «иранизмов» в удинском языке гораздо больше, чем приведенные примеры. Но все ли выше перечисленные слова являются заимствованными из арабского и иранского языков или язык племен утиев, входивших в состав иранского государства, оставил свой след исконными словами в этих языках?

Большое количество лексических единиц заимствовано в удинском языке из тюркских языков¹. Это названия продуктов питания, овощей и предметов домашней утвари:

удин. **q:arpuz**, тюрк. (хӀарбуз), азерб. карпыз ‘арбуз’; удин. **güzgü**, тюрк. (гюзью), азерб. гюзю ‘зеркало’; удин. **boşq:av**, тюрк. (бошкӀап), азерб. бошкӀаб ‘блюдец’; удин. **şaft:aluk**: тюрк. (шаптал), азерб. шафталий ‘персик’; удин. **ütü**, тюрк. (итив), азерб. уту ‘утюг’; удин. **jorvan**, тюрк. (ювурган), азерб. йоргъан ‘одеяло’; удин. **q:az**, тюрк. (къаз), азерб. гааз ‘гусь’; удин. **oxluk**, тюрк. (окхлав), ‘скалка’; удин. **čaq:q:al**, тюрк. (чагъан), азерб. чаккал ‘шакал’; удин. **gömüš**, азерб. джамыш ‘буйвол’; удин. **q:uti**, тюрк. (кӀутукъ), азерб. куту ‘коробка’.

Заимствованными являются некоторые слова, обозначающие названия одежды:

Удин. **jaluв**, тюрк. (йаилакх), азерб. йайлыг ‘платок’; удин. **bojlama** (во весь рост), тюрк. бойламугкъ — ‘платок’.

Удинский язык заимствовал из тюркских языков и массу других понятий:

удин. **hambar (e)**, тюрк. (гӀамар), азерб. амбар ‘склад, очень много’; удин. **qala**, тюрк. (къала), азерб. кала ‘крепость’; удин. **zurna**, тюрк. (зурна), азерб. зурна ‘зурна, свирель’; удин. **tapanca**, тюрк. (тапанча), азерб. тапанча ‘револьвер’; удин. **qum**, тюрк. (хум), азерб. кум ‘песок’; удин. **qat**, тюрк. (къат), азерб. кат ‘слой’; удин. **qulluв**, тюрк. (кӀул-лукъ), азерб. куллув ‘служба’; удин. **qulaв**, тюрк. (кӀулаг), азерб. кулаг ‘обхват, стопка, сажень дров’; удин. **tox**, тюрк. (токъ), азерб. тох ‘сытый’; удин. **colaq (x)**, тюрк. (чолакъ) ‘хромой, увечный, сухорукий’;

Что касается заимствований из русского и азербайджанского языков, то это — тема отдельного исследования.

Литература:

1. Алексеев М. Е. Удинская лексика в этимологическом словаре лезгинских языков. Удинский сборник. Грамматика, лексика, история языка. Москва, Академия 2008, с. 311–346.
2. Загиров В. М. Сравнительная лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1996.3.
3. Мацаева З. О. Заимствованная лексика в чеченском литературном языке. Дагестанский лингвистический сборник, выпуск.6, отв. ред. М. Е. Алексеев. Москва 1999, с. 80–87.
4. Вацанаев Р. С. Арабизмы в чеченском языке. Дагестанский лингвистический сборник, выпуск. 7, Academia, отв. ред. М. Е. Алексеев, Москва 1999, С. 22–25.
5. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь под ред. В. А. Костина. Москва 2001.

References:

1. Alekseev M. E. Udinskaya leksika v etimologiceskom slovare lezginskikh jazikov. Udinskijsbornik. Grammatical, lecsica. Istorija jazika. Moskva, Akademia 2008, s. 311–346.
2. Zagirov V. M. Sravnitel'naja leksikologija jazikov lezginskoj gruppi. Makhachkala, 1966.
3. Macaeva Z. O. Zaimstvovannaya leksika v chechenskom literaturnom jazike. Dagestanskij lingvisticheskiy sbornik, vipusk. 6, отв. red. M. E. Alekseevich. Moskva 1999, s. 80–87.
4. Vacanaev R. S. Arabizmi v chechenskom jazike. Dagestanskij lingvisticheskiy sbornik, vipusk. 7, отв. red. M. E. Alekseevich. Moskva 1999, s. 22–25.
5. Baranov X. K. Arabsko-russkij slovar pod. red. V. A. Kostina

¹ В скобках из тюркских языков даются варианты кумыкских слов [3, 85], там, где приводятся примеры азербайджанских слов, указываются сокращенно азерб.

Филологический факультет Карагандинского государственного университета имени Е. А. Букетова: организация научной деятельности

Молчанова Виолетта Сергеевна, аспирант
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В обзорной статье раскрывается сложный процесс научной деятельности Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова в период реформирования системы высшего образования. При этом особое внимание уделено исследовательской работе и инновационным технологиям, используемым в учебном процессе.

Ключевые слова: филологический факультет; научная деятельность; КарГУ.

The review deals with the complex process of scientific activities in Buketov Karaganda State University in the period of reforming the higher educational system. The special attention is given to research and innovative technologies used in the educational process.

Keywords: philological department; scientific research; KarSU.

Филологический факультет является одним из старейших факультетов Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова. Он был открыт 9 мая 1938 г. — в день основания Карагандинского учительского института, на базе которого в 1952 году был образован педагогический институт, а в 1972 г. — Карагандинский государственный университет.

В настоящее время глава факультета — выпускник КарГУ, д.ф.н. профессор М. И. Абдуов. Определяющую роль в развитии филологического факультета сыграл первый ректор КарГУ академик Е. А. Букетов, который, являясь крупным специалистом в области химических наук, основателем Карагандинского химико-металлургического института, был не менее известным писателем и переводчиком, членом Союза писателей СССР. Любовь к слову, художественному творчеству, которую он сохранил до конца своей жизни, проявлялась в его особом внимании к филологическому факультету, в заботе о росте научно-педагогических кадров.

Со времен педагогического института и вплоть до настоящего времени филологический факультет выпускает педагогические кадры для школ с казахским и русским языком. Особое внимание уделяется процессу подготовки специалистов по русскому языку и литературе для национальных школ. Инициатива в подготовке специалистов подобного профиля в 60-е годы исходила от д.п.н., профессора Г. А. Мейрамова, создателя Карагандинской научно-методической школы.

Профессорско-преподавательский состав факультета насчитывает 87 преподавателей, из которых 12 докторов и 45 кандидатов филологических наук. Факультет поддерживает постоянные научные связи с ведущими научными центрами Швеции, Польши, Болгарии, Чехии, Турции, Германии, России, Украины, Кыргызстана, Узбекистана, Монголии и других стран, а также является организатором и участником научных конференций различного ранга.

Контингент студентов филологического факультета составляет 700 человек, 225 из них обучаются за счет средств государственного образовательного гранта. Доля студентов, обучающихся на государственном языке, составляет 580 человек.

Сегодня филологический факультет один из ведущих в регионе. В его состав входит 6 кафедр: кафедра казахского языкознания, кафедра казахской литературы, кафедра практического курса казахского языка, кафедра классической и русской филологии, кафедра методики и практики русского языка и литературы, кафедра журналистики. Все кафедры укомплектованы специалистами высокой квалификации, способными решать сложные научно-практические задачи.

Кафедра казахского языкознания, продолжая и развивая традиции своих предшественников, представляет сегодня научный центр, известный в Казахстане и за его пределами. Благодаря научной и организационной деятельности ведущих ученых кафедры д.ф.н., проф. Х. М. Нурмуханова, Ж. А. Жакупова, Ш. М. Мажитовой [1–9], А. Е. Жартыбаева, на кафедре казахского языкознания созданы благоприятные условия для профессионального роста.

Кафедра казахской литературы является одной из активно развивающихся кафедр, накопившей большой опыт в области изучения казахского литературоведения и фольклористики. Научный статус кафедры определяется деятельностью и трудами известных ученых д.ф.н., проф. З. Т. Жумагалиева, М. И. Абдуова, к.ф.н., доц. Ж. К. Смагулова, д.ф.н., С. Б. Жумагулова [10–13].

Кафедра общего и русского языкознания, образовавшаяся, благодаря слиянию двух кафедр, является одной из сильнейших на факультете. Фундамент этой кафедры был заложен учеными-педагогами, работавшими на кафедре и возглавлявшими ее: к.ф.н., доц. Т. Г. Зиборовской, П. Б. Коржевой, Г. И. Ильясовой, ст. преп. Р. С. Верюгиной, Р. Г. Бузиковой, Н. Ф. Чевельгиной, к.ф.н., доц. Т. Е.

Ветренко, Ш.А. Токсанбаевой, М.К. Пак (каф. русского языкознания); к.ф.н., доц. А.А. Чукуевым, Л.Н. Баймагамбетовой, Л.С. Ивановой, Г.И. Джалиловой, ст. преп. Б.И. Крицким, К.Х. Уйсумбаевым (каф. общего языкознания).

Со дня образования КарГУ на кафедре работают, передавая свой опыт молодым коллегам. Ныне кафедру возглавляет выпускница филологического факультета КарГУ, д.ф.н., проф. Г.Ю. Аманбаева. Все это свидетельствует о высоком уровне развития лингвистических наук на факультете.

Кафедра русской и зарубежной литературы является одной из старейших кафедр факультета. Ее история, насчитывающая более 50 лет, отмечена именами крупных ученых-педагогов, основателей научных школ, воспитателей многих поколений талантливых учеников. Огромный вклад в формирование и развитие кафедры внесли ее ветераны и «среднее» поколение выпускников кафедры: к.ф.н., доц. Х.М. Джумабаева, Е.П. Цой, Н.С. Богатырева, Ю.Д. Нестеров, М.К. Смагулова, ст. преп. Р.Ш. Смагулова, Ю.Ф. Сергеева, Л.П. Любонская, к.ф.н., доц. А.Н. Попов, к.ф.н., проф. С.Ж. Бралина, к.ф.н., проф. Г.З. Горбунова.

На кафедре были подготовлены и защищены докторские диссертации, получившие высокую оценку научной общественности в Казахстане, России и за рубежом. Это работы докторов филологических наук А.Н. Тэн, С.А. Матяш, Б.А. Байтанаева, Т.Т. Савченко.

Кафедра методики и практики русского языка и литературы, носящая имя ее основателя проф. Г.А. Мейрамова, является центром научно-методической подготовки учителей средних школ Караганды и Карагандинской области. Идеи и мысли известного ученого продолжили и претворили в жизнь его ученики Г.М. Алибекова, Қ.Қ. Барлыбаева, Б.Б. Бейсенбаева, Л.С. Буданова, Р.Х. Есбаева, Ш.М. Сыздыкова, А.Н. Путиева, Р.Г. Баяманова.

Сегодня традиции своих учителей плодотворно развивают представители нового поколения кафедры: к.п.н., доц. Н.Н. Яковлева, к.ф.н., доц. Ж.Т. Балмагамбетова [14], Н.К. Хан, Б.Қ. Аязбаева, ст. преп. М.Г. Мамедова, Н.Н. Савина, И.В. Алясова.

Кафедра практического курса казахского языка имеет общеуниверситетский статус. Руководимая талантливыми и энергичными учеными-педагогами профессором Х.М. Нурмухановым, к.ф.н., доцентам Б.М. Айтбаевой [15–17], кафедра активно проводит в жизнь государственную политику в области казахского языка. Подтверждением роста кафедры является подготовка и защита за последнее время докторской диссертации А.С. Адиловой [18], кандидатских диссертаций Ж.Ж. Ибраимовой, С.А. Рахимберлиной, М.К. Жунусовой [19–20] работающих на филологическом факультете.

Кафедра журналистики, образованная в 1994 году и возглавленная к.ф.н., доцентом З.С. Тайшибаевым, сосредоточила в себе опыт известных журналистов-практиков Карагандинской области: М.С. Сембая, К. Сау-

габая, С. Сатаева, Б.К. Момыновой и др. В то же время научно-педагогические основы кафедры во многом сформировались благодаря усилиям квалифицированных преподавателей-филологов, в разное время руководивших кафедрой: к.ф.н., доц. Ж.К. Смагулова, д.ф.н., проф. С.Ш. Тахан, к.ф.н., доц. В.Т. Абишевой [21–22], в настоящее время — к.ф.н., доц. М.К. Жумабекова.

Формируясь в трудных условиях переходного времени, кафедра сумела вырастить новых специалистов в области журналистики, известных представителям СМИ Казахстана и зарубежья: к.ф.н., доц. К.Д. Асанова, ст. преп. Е.Б. Балташева, А.Ж. Жангожина, М.М. Токмырзу, Н.С. Таланину, М.С. Жапек, Т.А. Голубцову и др.

Важной стороной жизни факультета является научно-исследовательская работа. Она всегда отличалась актуальностью и плодотворностью изысканий в области языкознания, литературоведения, фольклористики, журналистики, методики преподавания языка и литературы.

На факультете регулярно проводятся Мейрамовские чтения, предметные олимпиады и конференции международного, республиканского и регионального уровня, выпускаются учебники, пособия, монографии, научные журналы, поэтические альманахи, студенческие газеты, действуют научные кружки.

Научно-исследовательская работа

Научная деятельность факультета отмечена разработкой новых направлений, формированием научных школ, подготовкой высококвалифицированных кадров. В этой связи значительный вклад в развитие науки факультета внесли известные ученые Г.А. Мейрамов, Х.М. Нурмуханов, Ш.М. Мажитаева, З.Т. Жумагалиев, М.Х. Хамзин, Б.С. Рахимов, Ж.Қ. Смагулов [23–25], А.Н. Тэн, Б.А. Байтанаев, С.А. Матяш, Т.Т. Савченко, С.Ж. Бралина. Специалисты, защитившие под их руководством кандидатские диссертации, сегодня активно работают в КарГУ, других вузах Казахстана, России, Германии, США.

На филологическом факультете научно-исследовательская работа осуществляется традиционно в нескольких направлениях, связанных с фундаментальными и прикладными исследованиями согласно «Программе стратегического развития Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова на 2011–2015 гг.», в частности:

- защита магистерских и докторских диссертаций;
- издание и публикация научно-методических пособий и монографий, научных статей;
- участие профессорско-преподавательского состава факультета в международных грантах, программах и других конкурсах;
- подготовка и проведение республиканских и международных конференций, а также участие в работе названных конференций в ближнем и дальнем зарубежье;
- подготовка магистрантов по специальностям

6M020500 — Филология, 6M01180 — Казахский язык и литература, 6M011700 — Русский язык и литература; — научно-исследовательская работа со студентами в рамках работы НАСМ.

Результаты научной работы преподавателей (20 чел.) кафедр публикуются в научных статьях. За период 2010–2013 гг. было опубликовано 354 научных статей общим объемом 121,8 п.л. (в 2010–2011 учебном году — 31,8 п.л.; в 2011–2012 учебном году — 67,7 п.л., в 2012–2013—22,3 п.л.). Из них в зарубежных изданиях опубликовано 50 статей общим объемом 19,3 п.л. (в 2010–2011 г. — 2,1 п.л.; в 2011–2012 гг. — 3,6 п.л. в 2012–2013 гг. — 13,6 п.л.).

В журналах с импакт-фактором «Еuropen Researcher», 2012, 2013 гг., «Филологические науки». Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012, 2013 гг., опубликовано 35 статей общим объемом 24,5 п.л. (в 2011–2012 уч. г. — 2,7 п.л., в 2012–2013 уч. г. — 21,8 п.л.).

ППС кафедр участвовали в международных и республиканских конференциях (в 2010–2011 гг. свыше 30, в 2011–2012 гг. около 50, 2012–2013 гг. около 40): В дальнем зарубежье (Болгария, Чехия, Америка, Польша и т.д.), в ближнем зарубежье (Республика Башкортостан, Татарстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан и т.д.).

В течение 10 лет 17 преподавателей филологического кафедр казахского языкознания и казахской литературы защитили диссертации и получили ученые степени кандидата и доктора филологических наук.

На данный момент на двух кафедрах работают в 21 чел., из них докторов филол. наук — 7; канд.наук — 12, магистров филологии — 2.

Научно-исследовательская работа студентов и магистрантов обсуждается на научно-методологическом семинаре кафедр.

Студенты по специальности 5B011700 — «Казахский язык и литература», 5B020500 — «Филология», 5B012100 — «Казахский язык и литература в школах с неказахским языком обучения» также участвуют в республиканских, международных научных конференциях и семинарах, имеются студенты и магистранты, получившие призовые места и дипломы II и III степени (в г. Алматы, 25–27 апреля 2012 года 8 студентов факультета участвовали на V международном симпозиуме молодых тюркологов в Киргизско-турецком университете «Манас» в г. Бишкек Республики Киргизстан, 26–28 апреля 2012 года студенты факультета заняли 1 место на студенческой республиканской предметной олимпиаде по специальности «Казахский язык и литература» в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева.

Результаты научно-исследовательской работы ППС и студентов, магистрантов факультета показали рост публикаций в журналах с высоким ИФ, участие не только преподавателей, но и студентов в международных зарубежных конференциях (в Польше, Болгарии, Чехии, Монголии, Узбекистане, Кыргызстане, Татарстане и т.д.).

За период 2010–2013 гг. преподавателями кафедр выпущено 34 учебно-методических пособий, методических указаний и учебников: в 2010–2011 учебном году — 8, в 2011–2012 учебном году — 12, в 2012–2013 учебном году — 14, наблюдается динамика роста в подготовке учебных материалов.

Профессорско-преподавательский состав

Мажитаева Шара — доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой казахского языкознания Карагандинского госуниверситета имени академика Е.А. Букетова.

Сведения о научной деятельности:

Ею опубликовано более 180 научных статей по проблемам литературного языка в международных и республиканских изданиях, также в сборниках научных трудов ближнего и дальнего зарубежья.

Мажитаева Ш. — автор 5 монографий, более 30 учебных и учебно-методических пособий, 6 электронных учебников, которые успешно применяются в учебном процессе нескольких вузов республики.

Основным направлением научной деятельности профессора Ш. Мажитаевой являются проблемы казахского литературного языка. В её трудах проводится комплексное исследование характерных особенностей стилей художественной литературы, периодической печати, научных произведений, официально-деловых документов в современном казахском языке.

Научные интересы Мажитаевой Шары связаны также с проблемами общего языкознания, сравнительной грамматики казахского и русского, казахского и иностранных языков, методики преподавания казахского языка в русской аудитории, проблемами перевода.

Мажитаева Ш. была инициатором проведения республиканской научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения виднейшего просветителя, языковеда А. Байтурсынова (23–24 мая 2003 г.), под её руководством были проведены межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию профессора Т.Р. Кордабаева (14–15 декабря 2005 г.), республиканская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения виднейших языковедов С. Кенесбаева, М. Балакаева, Г. Мусабаева (2007 г.), региональная научно-практическая конференция «Нурмухановские чтения», посвященная 80-летию профессора Х.М. Нурмуханова (2010 г.).

В последние годы Ш. Мажитаева проявляет научный интерес к проблемам культурно-исторической обусловленности новых тенденций в казахском литературном языке конца XX и начала XXI века, коммуникативно-прагматическому характеру динамических процессов в языке на рубеже тысячелетий, проблемам социальной лингвистики, языку средств массовой информации и его влиянию на повседневную речь носителей современного казахского языка.

Актуальность этих исследований связана с вновь приобретенным казахским языком государственного статуса. По данному направлению работают студенты, магистранты, докторанты Мажитаевой Ш.

Под научным руководством Мажитаевой Ш. защищены 4 кандидатские, 1 докторская (Ph. D), 9 магистерских диссертаций.

Читаемые курсы: История казахского литературного языка; социоллингвистика; когнитивная лингвистика; теория языковой коммуникации и др. элективные курсы

Международные связи:

В целях развития послевузовского образования профессором Мажитаевой Ш. заключены меморандумы и соглашения с видными учеными ведущих зарубежных вузов Германии, Китая, России, Узбекистана, на основе которых внедрена с 2008 г. программа докторантуры философии в КарГУ имени Е.А. Букетова по специальности 6D020500 — «Филология» / по направлению «Лингвистическая типология и контактология»/.

Индивидуальные профессиональные достижения:

Мажитаева Ш. — обладатель государственного гранта «Лучший преподаватель вуза» (2007, 2011).

Научная и педагогическая деятельность Мажитаевой Ш. была отмечена различными наградами, в числе которых:

— Благодарственные письма ректора КарГУ (2001; 2006; 2011);

— Нагрудный знак «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2006);

— Нагрудный знак «Заслуженный работник КарГУ» (2009);

— Медаль «40 лет КарГУ».

Хан Надежда Константиновна — кандидат филологических наук. Защитила диссертацию в 2002 г. на базе Казахского национального университета им. аль-Фараби под руководством доктора филологических наук профессора Н.Ж. Шаймерденовой по теме: «Образные единицы в произведениях русскоязычных корейских писателей Казахстана (лингво-культурологический аспект)» по специальности 10.02.01 — Русский язык.

Читаемые курсы:

1. Русский язык
2. Профессиональный русский язык
3. Инновационные методы преподавания русского языка
4. Оптимизация учебного процесса в преподавании филологических дисциплин
5. Проблемы лингводидактики и социально-языковой контактологии
6. Методы и приемы интенсивного обучения русскому языку
7. Методологические проблемы учебного двуязычия.

Сведения о научной деятельности: Научные публикации — 85. Официальное оппонирование диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук — 6 (Астана, Евразийский национальный уни-

верситет им. Л.Н. Гумилева, Диссертационный совет Д 14.29.02).

Сфера научных интересов: русский язык, психоллингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, полиязычие, когнитивная лингвистика, инноватика в методике преподавания русского языка.

Аязбаева Бахыт Кусаиновна [21–22] — базовое образование «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы». С 1991 г. работает в КарГУ. Доцент кафедры методики и практики русского языка и литературы имени Г.А. Мейрамова, кандидат филологических наук (Алматы, 2005 г.), заместитель декана филологического факультета по учебной работе (с 2008г).

Читаемые курсы и научные интересы: Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языковедение, русский язык как иностранный, русский язык как неродной, профессиональный русский язык, методика преподавания русского языка, актуальные проблемы современной лексикографии, актуальные проблемы двуязычной лексикографии, технология использования лексикографических источников на уроках русского языка, казахский язык, сопоставительная грамматика русского и казахского языков, психоллингвистика, этнопсихоллингвистика.

Деятельность кафедры по международному сотрудничеству

В рамках реализации совместных образовательных программ докторантуры филологического факультета подписаны меморандумы о сотрудничестве с целью оказания консалтингового руководства по внедрению программы докторантуры философии и реализации соглашения о совместном научном руководстве научной работой при подготовке докторов философии по специальности «Филология» (по направлению «Лингвистическая типология и контактология»)

— в 2008 г. между Ш. Мажитаевой, профессором КарГУ им. Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан) и профессором Узбекского университета мировых языков М. Джусуповым,

— в 2009 г. — доцентом указанного университета Н.М. Джусуповым, профессором РУДН Бахтикиревой У.М. (Россия, Москва),

— в 2010 г. — профессором Боннского университета К. Райхлом,

— в 2011 г. — профессором Гулила Алтынбек (университет Шыңжан, КНР).

На основе имеющегося договора о сотрудничестве КарГУ с Узбекским университетом мировых языков магистранты кафедры по специальности 6M011700 — казахский язык и литература, 6M020500 — филология, также докторант А.Ш. Тажикеева прошли зарубежную научную стажировку в апреле 2010 года.

Кроме этого по программе Erasmus Mundus докторант А.Ш. Тажикеева проходила 6 месячную стажировку в Турции (METU-Middle East Technical University Ankara

(Центрально-восточном техническом университете) с сентября 2010 г. по февраль 2011 г.

Информационное и библиотечное обеспечение учебного процесса

Фонд учебной литературы, используемый в процессе подготовки бакалавров по данной специальности, составляет 14452 экземпляров. В отчетный период фонд основной и дополнительной литературы пополнился изданиями последних 5–10 лет выпуска на казахском, русском, иностранных языках. Обеспеченность дисциплин специальности учебно-методической и научной литературой в расчете на 1 обучающегося представлена на рисунке 1.

Обеспеченность дисциплин специальности источниками на электронных носителях представлена на рисунке 2.

Компьютерное время, выделенное на 1 студента в год графически изображено на рисунке 3.

Студенты имеют доступ к книжному и электронному фонду научной библиотеки, оснащенной традиционным и электронным каталогами, бюллетенями новинок, интернет-ресурсов и т. п. Например в данный момент на филологическом факультете функционирует читальный зал на 83 посадочных места с подключением к Интернету, абонемент учебной и учебно-методической литературы, зал электронных ресурсов на 50 компьютеров, тьюторский кабинет, 2 лингафонных кабинета на 35 посадочных мест, зал периодических изданий, Wi-Fi зона. Обучающиеся имеют бесплатный доступ обучающихся и преподавателей к 9 национальным и зарубежным базам данных.

Все электронные учебные издания, отвечают современным требованиям, являются веб-ориентированными

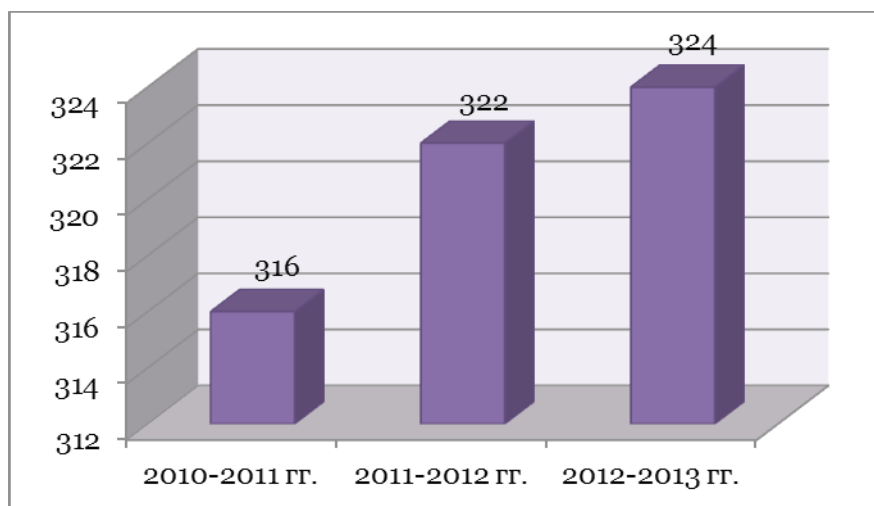

Рис. 1. Обеспеченность дисциплин специальности учебно-методической и научной литературой, в расчете на 1 обучающегося

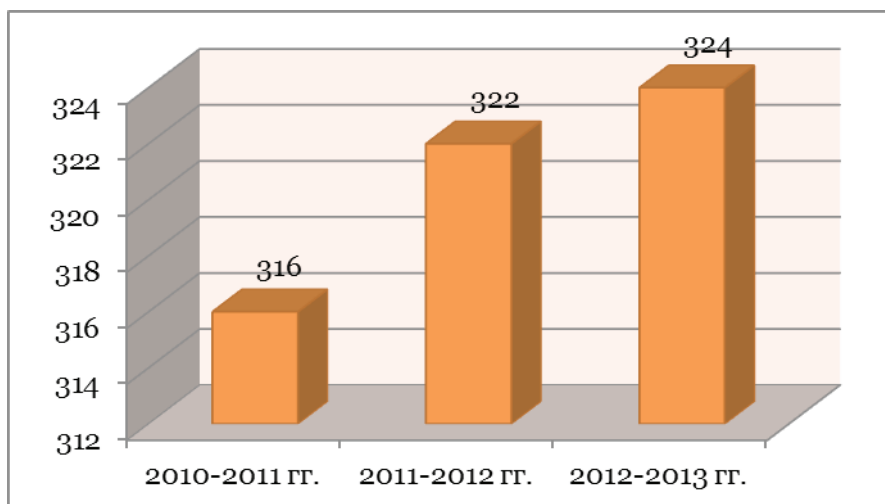

Рис. 2. Обеспеченность дисциплин специальности источниками на электронных носителях

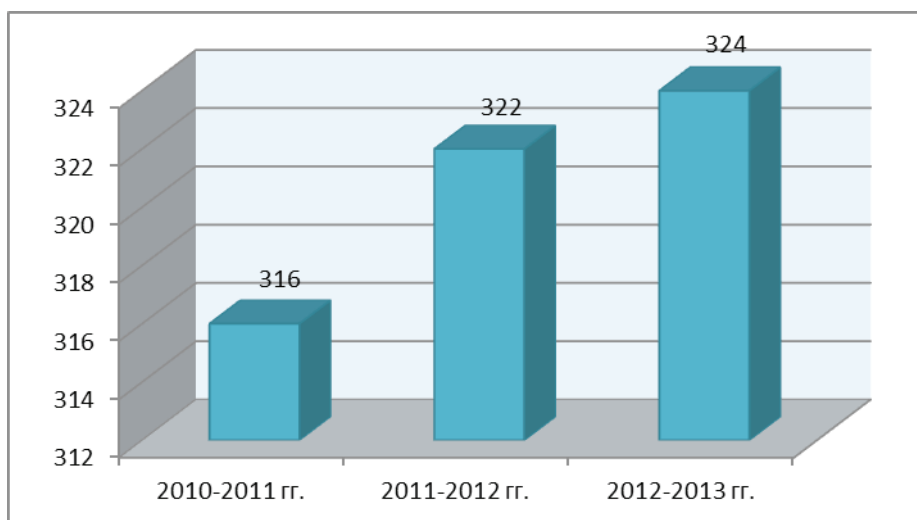

Рис. 3. Компьютерное время, выделенное на 1 студента в год

и размещены на образовательном портале университета (www.ksu.kz). Учебная и оперативная информация для обучающихся и преподавателей выставляется на сайте и порталах КарГУ, кафедры, компьютерные классы обеспечены выходом в Интернет и локальную сеть университета. Пропускная способность Интернет-сети составляет 20 Мбит в секунду.

Фонд университета по базовым и профильным дисциплинам специальности 5В012100 — «Казахский язык и литература в школах с неказахским языком обучения» составил 14452 единиц. Книжный фонд на 1 студента составляет 656 учебников, что соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым при лицензировании образовательной деятельности, п 7. п.п. 6; электронной библиотеки, по всем дисциплинам кафедры 100% УМКД на электронных носителях; более 15-ти электронных учебных изданий.

В качестве дистанционных образовательных технологий используются: кейсовая — в форме подготовленных комплектов учебно-методической документации (курсовых кейсов), позволяющих самостоятельное освоение учебного материала с выполнением контрольных заданий и итоговой аттестацией; сетевая — для организации прямого и опосредованного сетевого взаимодействия преподавателей и обучаемых и обеспечения сете-

вого доступа к учебным материалам с дистанционным контролем обучения.

Сетевая технология реализуется через web-программу для ЭВМ «Автоматизированное сопровождение дистанционного обучения «Факел-2» (www.idl.ksu.kz).

Реформирование системы высшего образования требует ответственного отношения и высокой подготовленности факультета по многим параметрам: материально-технической оснащенности, уровню профессорско-преподавательского состава, качественной организации учебного процесса. Последнее, прежде всего, связано с внедрением инновационных форм обучения: дистанционная форма обучения для студентов-заочников, внедрение кейс-сетевой технологии, создание виртуальной базы данных, электронных учебников и учебных пособий.

Заключение. Положительная оценка качества подготовки выпускников филологического факультета, степень продвижения выпускников по карьерной лестнице и география их трудоустройства свидетельствуют об эффективности образовательных программ филологического факультета.

Филологический факультет сегодня — динамичная, постоянно развивающаяся структура, а университетская гуманитарная наука по-прежнему остается мерилем духовного здоровья и культурного потенциала общества.

Литература:

1. Mazhitaeva S., Ayazbayeva B., Azharbekova E. Some issues of intercultural communication on the example of vocabulary, characterizing a person // *European Researcher*, 2012, Vol. (29), № 9–2. P. 1421–1423.
2. Mazhitaeva S., Ayazbayeva B., Rapisheva Z. Non-verbal means in cross-cultural communication. Non-verbal Means in Cross-cultural Communication // *European Researcher*, 2012, Vol. (25), № 7 P. 1084–1087.
3. Mazhitaeva S., Balmagambetova J. Khan N. Competence in multilingual education // *European Researcher*, 2012, Vol. (31), № 10–1. P. 1713–1716.
4. Mazhitaeva S., Kaskataeva Z., Khan N. Color Semantics in the Kazakh Language: Linguo-Cultural Aspect // *European Researcher*, 2013, Vol. (50), № 5–3. P. 1454–1458.

5. Mazhitaeva S., Smagulova G., Tuleuova B. Multilingual education as one of priority directions of educational system development in the republic of Kazakhstan // *European Researcher*, 2012, Vol. (33), № 11–1. P. 1864–1867.
6. Mazhitaeva S., Talaspaeva Z., Tazhikeyeva A. Connotation of color namings in kazakh language // *European Researcher*, 2012, Vol. (25), № 7 P. 1088–1091.
7. Mazhitaeva S., Tazhikeyeva A. Gender aspect in the kazakh language (Based on Proverbs and Sayings) // *European Researcher*, 2012, Vol. (37), № 12–2. P. 2186–2190.
8. Mazhitaeva S., Ajazbaeva B., Khan N. Psycholinguistic knowledge use for native and foreign languages teaching // *European Researcher*, 2013, Vol. (46), № 4–2. P. 868–872.
9. Primbetov T., Mazhitaeva S., The notion of Colloquialism Elements in the Modern Kazakh Language // *European Researcher*, 2012, Vol. (28), № 9–1. P. 1399–1402.
10. Zhumagulov S., Rustemova Z., Valihanov C., Zhakirova K. Some Problems of the Kazakh Drama Study // *European Researcher*, 2013, Vol. (50), № 5–3. P. 1472–1476.
11. Zhumagulov S., Zhumabekov M., Rustemova Z., Zhumagulov A. Problems of togetherness and similarity of Shakarim Kudayberdiyev and L. N. Tolstoy's works // *European Researcher*, 2013, Vol. (41), № 2–2. P. 351–353.
12. Zhumagulov S., Zhumabekov M., Rustemova Z., Zhakirova K. Loci communes functions in storytellers' creative process // *European Researcher*, 2013, Vol. (46), № 4–2. P. 879–883.
13. Zhumagulov S., Zhumabekov M., Rustemova Z., Zhumagulov A. Integration of cultures and the problems of translation into kazakh // *European Researcher*, 2012, Vol. (33), № 11–1. P. 1890–1894.
14. Balmagambetova Z., Aitpaeva B., Khan N. Problems of level in distance learning // *European Researcher*, 2013, Vol. (38), № 1–1. P. 88–90.
15. Aitbaeva B., Khan N. Sciences integration in language training method // *European Researcher*, 2013, Vol. (38), № 1–1. P. 41–44.
16. Aitbaeva B., Maulenova B. Linguistic expression of the humor in satires // *European Researcher*, 2012, Vol. (31), № 10–1. P. 1699–1703.
17. Aitbaeva B., Sharmaganbetova A., Balapanova K. Organization of distance learning in the course of communicative competence cultivation // *European Researcher*, 2013, Vol. (43), № 3–1. P. 576–580.
18. Adilova A., Sateeva B. Functions of case statements in the Kazakh text // *European Researcher*, 2013, Vol. (52), № 6–1. P. 1650–1654.
19. Zhunusova M.K. Peculiarities of transformation of the beginning and the end of the literary text // *European Researcher*, 2013, Vol. (46), № 4–2. P. 884–888.
20. Zhunusova M.K. The expressive end of the work // *European Researcher*, 2013, Vol. (50), № 5–3. P. 1477–1480.
21. Muhamedzhanova S., Tuyte E., Rahmetullina M., Abisheva G. Contrastive study of somatisms distinctive features in phraseology of different languages // *European Researcher*, 2013, Vol. (41), № 2–2. P. 313–318.
22. Tleuzhanova G., Dzholdanova D., Abisheva G., Ibrayeva A. Ethno-cultural component implementation in the system of higher education of Kazakhstan // *European Researcher*, 2013, Vol. (46), № 4–2. P. 939–944.
23. Smagulov J., Kalybekova K., Zhumageldin Z. Problems of Kazakh literary criticism formation // *European Researcher*, 2013, Vol. (52), № 6–1. P. 1664–1668.
24. Smagulov J., Takirov S., Rustemova Z. A. Bukeykhanov's Literary Translations // *European Researcher*, 2013, Vol. (38), № 1–1. P. 61–66.
25. Smagulov J., Zhumageldin Z. Critical realism and Abay's aesthetic world // *European Researcher*, 2013, Vol. (43), № 3–1. P. 581–585.

Курс «Деловой французский» на уроках французского языка

Погарская Марина Евгеньевна, учитель

Школа с углубленным изучением отдельных предметов № 1363 (г. Москва)

Современная цель обучения иностранным языкам формулируется как подготовка к реальной межкультурной коммуникации, как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам.

В нашей школе действует система курса по французскому языку. Средствами иностранного языка учащиеся углубленно познают историю, искусство и культуру Франции, вооружаются знаниями, которые необходимы им для более глубокого осознания себя как представителя

родной культуры, в то же время совершенствуя навыки владения иностранным языком во всех видах речевой деятельности. Особая привлекательность данных элективных курсов в том, что учащиеся имеют возможность работать не только с материалами учебных пособий, текстов, аудио- и видеоматериалов.

Логичным и целесообразным представляется нам этап, когда учащиеся получают возможность изучать курс «Деловой французский», так как межкультурная коммуникация может быть реализована только на осознанной базе иностранного языка и культуры. Такая система элективных курсов успешно вписывается в рамки концепции диалога культур, основоположником которой является М. М. Бахтин: «Культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой».

Успешная реализация идеи кросс-культурного диалога невозможна без изменения акцентов в технологиях обучения иностранному языку, использование которых должно способствовать становлению личности субъекта межкультурной коммуникации. В связи с этим в своей работе мы стараемся сместить акцент с преподавательской деятельности на деятельность учащегося и формирование его как личности. Личностно — деятельностный подход лежит в основе преподавания данных элективных курсов. Именно метод проектов в наибольшей степени нацелен на развитие личности школьников, их самостоятельности и творчества.

На современном этапе технология проектного обучения стала неразрывно связана с информационно-коммуникационными технологиями, так как поиск информации, ее презентация предполагают развитие таких творческих умений, как умение представить отобранную информацию в виде схем, презентаций в формате ИКТ, создание сайтов в Интернете и т.д. Привычной стала такая форма занятий элективного курса, как выход в Интернет. Не отходя от идеи работы с текстом, а текст — это и есть как источник идей для анализа, осмысления и интерпретации культуры, средство самовыражения, т. е. ниточка, связывающая нас с другими культурами, эпохами, менталитетами, учащиеся самостоятельно находят информацию об интересующих их фактах истории и культуры в Глобальной сети. Следует заметить, что эта информация, как правило, более яркая, интересная и богатая по сравнению с привычными текстами по культуре и искусству страны изучаемого языка.

Курс по французскому языку в нашей школе предполагают более глубокое изучение исторического прошлого, прогрессивных идей страны изучаемого языка, ее культурных традиций. Курсы предлагают путешествия по различным уголкам страны, дают географические, исторические знания через развитие познавательных интересов, способностей, исследовательской активности, умение прогнозировать результат. Элективные курсы ставят своей задачей заложить элементарные навыки практического владения немецким языком и французским языком

и особенно актуален в современной экономической ситуации.

Одним из направлений обучения иностранным языкам в свете перехода на профильную школу стала организация внеклассного чтения старшеклассников, которому в школе всегда уделялось большое внимание. Создавая условия для выбора индивидуальной траектории обучения, мы предоставляем школьникам право самостоятельно выбирать тексты для внеклассного чтения с учетом их интересов и профессионального самоопределения. Таким образом, спектр текстов достаточно широк — это и экономическая, и техническая литература, литература по искусству, тексты по юриспруденции.

Подростки стремятся проявить себя в какой — либо определённой области знаний, но это желание часто бывает неустойчивым и противоречивым. Зачастую выбор дальнейшего обучения не соотносится со способностями выпускников, с уровнем их физического и интеллектуального развития. Бывало, что учащиеся не могут обосновать, сформулировать причины выбора того или иного профиля.

Все это заставило нас задуматься о создании краткосрочных курсов по иностранному языку ориентационного характера. Прежде чем приступить к разработке предпрофильных курсов было проведено анкетирование учащихся. Из опроса стало ясно, что иностранный язык является одним из самых популярных предметов среди гуманитарных дисциплин, что учащимся интересно узнать больше не только фактического материала о стране изучаемого языка, но и ближе познакомиться с нравами, обычаями, традициями немецкого и французского народов, узнать о повседневной жизни немецких и французских сверстников.

Предлагаемый курс рассчитан на школьников старших классов и ориентирует на выбор гуманитарного профиля обучения. Общее количество часов — 34. Каждое занятие включает в себя практическую часть, проверочную (самостоятельную) работу и презентацию результатов работы по мини-проекту.

Разработка теоретической и практической частей курса «Деловой французский» осуществлялась на основе учебника «Деловой французский». Основными задачами курса в этой связи являются:

- расширение представления школьников о Франции;
- умение выделять культурный компонент в изучаемом материале, в том числе прибегая к использованию аналогий и сравнения информации о восприятии мира французами и россиянами;
- содействие развитию творческих способностей учащихся;
- помощь в профильном самоопределении обучающихся в процессе предметно-ориентированной деятельности;
- развитие интереса и устойчивой мотивации к дальнейшему изучению иностранного языка.

Чтобы способствовать вовлечению всех учащихся в активную учебную деятельность по овладению необходимыми знаниями, умениями и навыками, увеличить время

активной работы учеников и её результативность, в элективных курсах предполагается дифференцированный подход к обученности школьников и реализуется через использование:

- материала разного уровня сложности;
- разного объёма заданий по каждой теме;
- различной степени развёрнутости, когда одни делают сообщение/диалог/отчёт по теме, используя план, другие — с помощью ключевых выражений, клише;
- разных способов контроля.

Главное, чтобы занятия не были скучными, однообразными. В центре внимания находится ученик с его потребностями и интересами. Наша задача — помочь ему учиться радостно, творчески и видеть результаты своего труда.

Цели и задачи элективного курса

Образовательные задачи: формирование коммуникативной компетенции; обобщение знаний по истории и культуре Франции, формирование различных стратегий чтения, умений анализировать, систематизировать, обобщать полученные знания, выделять главное, составлять ассоциогаммы, делать устные сообщения.

Развивающие задачи: развитие мышления, расширение кругозора, развитие навыков исследовательской работы, развитие умений и навыков работы с ПК.

Воспитательные задачи: приобщение к национальной культуре страны изучаемого языка, включение в диалог культур, использование приемов сравнения на социокультурном уровне

Учебный курс «Le français des affaires? C'est pourtant facile!» знакомит с основами экономики Франции, дает необходимую деловую лексику, формирует практические умения в области деловой переписки и ведения переговоров.

Обе части курса направлены на повышение предметной компетентности и адресованы учащимся старших классов школ, гимназий, лицеев филологического и социально-экономического профиля. Они могут также использоваться для факультативных занятий, элективных и других курсов, а также в качестве дополнительного материала к базовым учебникам французского языка для средней школы.

Литература:

1. Голованова И. А.; Петренко О. Е. «Деловой французский». «Это не так трудно». — М. Просвещение, 1997.
2. Болдина Л. А. Деловой французский язык. М. 2005.

**«ДЕЛОВОЙ ФРАНЦУЗСКИЙ»
И. А. ГОЛОВАНОВОЙ, О. Е. ПЕТРЕНКО**

Учебный материал разделен на 12 блоков, организованных по тематическому принципу. Время, необходимое для изучения каждого блока, определяется из расчета 34 учебных часов, выделяемых на элективный курс в год. Соответственно в среднем на каждый блок отводится по 5 часов, а оставшееся время учитель распределяет между уроками на повторение и закрепление пройденного и выполнением контрольных заданий в рубрике Bilan.

Элективные курсы выполняют следующие функции:

- углубление содержания профильного учебного предмета;
- наращивание содержания одного из базовых учебных предметов;
- удовлетворение познавательных потребностей учащихся в выбранной ими предметной области;
- мотивация профессионального интереса к той или иной сфере человеческой деятельности.

Примерная тематика для устной речи чтения.

1. Знакомство с федеральными землями французскими провинциями.
2. Выдающиеся люди Франции: писатели, художники, музыканты.
3. Путешествие.
4. Города, достопримечательности Франции.

Русские нормативные имена для 275 изображений действий и данные по их образности, знакомости и возрасту усвоения

Пашнева Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Курский государственный университет

Для набора экспериментальных стимулов (275 изображений действий из международного проекта именованья изображений IPNP <http://crl.ucsd.edu/experiments/ipnp/>) представлены полученные в ходе экспериментальных исследований доминантные имена и оценки образности, знакомости и возраста усвоения. Полученные данные позволяют считать предлагаемый набор пригодным для использования в психолингвистических исследованиях с русскими информантами.

Ключевые слова: образность, знакомость, возраст усвоения, нормы именованья, изображения, действия, глагол

Изображения часто используются в качестве стимулов в исследованиях доступа к слову носителями языка и билингвами, в диагностике зрительно-вербальных функций у детей и взрослых, в нейролингвистических исследованиях, в исследованиях патологии речи, памяти и т.п. Однако сопоставление результатов, полученных разными исследователями на разном визуальном материале, затруднено. В этой связи в настоящее время в когнитивных исследованиях обычно используется стимульный материал, взятый из специально разработанных стандартных наборов изображений. В этих наборах помимо собственно рисунков, созданных в едином стиле, содержатся данные о характеристиках изображенных объектов, самих рисунков и их имен.

Наиболее известным и часто используемым в научном сообществе банком визуальных стимулов является набор из 260 черно-белых линейных рисунков объектов, разработанный еще в 1980 году J. Snodgrass & M. Vanderwart [1]. Однако, как показала апробация данного набора стимулов, полученные показатели являются значимыми только в пределах определенного языка и культуры. В этой связи возникла необходимость стандартизации стимулов для разных языковых и возрастных групп (см. обзор в [2]). Следует отметить, что в процессе апробации данного набора в разных культурно-языковых средах у ряда исследователей возникала необходимость его расширения или модификации. Так, количество стимулов было расширено до 400 в работе [3], а некоторые культурно-специфичные изображения были заменены в исследованиях с французскими [4] и японскими информантами [5]. Дополнительные рисунки (n=82) добавили Alvarez & Cuetos [6], а Bates с коллегами [7], оставив лишь 174 рисунка Snodgrass & Vanderwart, расширили банк стимулов до 520 и провели его апробацию для семи языков.

Кроме банков изображений объектов, в последние годы стали появляться и наборы изображений действий. Одной из первых работ в этом направлении стало исследо-

вание [8], в котором в качестве стимулов использовались фотографии людей, осуществляющих различные действия. Позже на основе этих же фотографий было проведено исследование [9], в котором были выявлены нормы именованья действий для французского языка. В работе [10] использовались линейные изображения действий, которые позднее также были стандартизированы для испанского языка [11].

К сожалению, для русского языка стандартные наборы стимулов, оригинальные или полученные в результате апробации иностранных, практически отсутствуют. Насколько нам известно, существуют нормативные данные лишь для объектов [12,13,14], а не для действий. Наша работа призвана заполнить этот пробел. Мы поставили перед собой задачу собрать нормы именованья изображений действий для русского языка. В качестве стимульного материала мы взяли 275 линейных рисунков действий из Международного проекта именованья изображений [7] и применили традиционно используемую для сбора нормативных данных процедуру.

Сбор данных проходил в несколько этапов. На первом этапе исследования нами эмпирическим путем были выделены нормативные имена для стимульных изображений. Нормативное имя было определено как «доминирующий ответ», т.е. слово, которое чаще других использовалось информантами для того или иного изображения. В эксперименте участвовало 34 носителя русского языка разного пола, возраста и рода занятий, занимающие разное социальное положение. От информантов (далее ии.) требовалось максимально быстро назвать изображенное на рисунке действие (подробнее о процедуре эксперимента см. [15]).

Помимо нормативного имени для стимульных изображений мы также получили данные по параметру *Name agreement (NA)* — *уровень согласованности в выборе имени*. Данный параметр измеряется как процент инфор-

мантов, давших нормативный ответ. Он считается одним из наиболее важных параметров при изучении процессов именованя. Однако в работе [1] отмечается, что более показательным является измерение энтропии структуры реакций по формуле:

$$H = \sum_{i=1}^k P_i \log_2 (1/P_i),$$

где k — количество различных имен, предложенных ии. на каждую картинку, и p_i пропорция информантов, давших каждое имя. Чем выше показатель H , тем ниже степень согласованности в выборе имени.

Показатель H является абсолютной величиной и фиксирует больше информации о распределении имен, чем процентное соотношение. Например, если два изображения получают доминантные имена на основе 60% совпадающих реакций, однако для одного из изображений ии. дают лишь одно отличное от доминантного имя, а для другого изображения — четыре, то для двух этих изображений процентный показатель согласованности в выборе имени будет одинаковым, однако у первого стимула показатель H будет ниже.

По результатам первого этапа эксперимента наиболее высокие показатели согласованности в выборе имени (97–100%) получили изображения 002 *пить*, 024 *чистить*, 081 *кормить*, 173 *читать*, 026 *гореть*, 066 *капать*, 122 *вязать*, 143 *доить*, 154 *гладить*, 164 *наливать*, 196 *бриться*, 207 *спать*, 212 *улыбаться*, 213 *курить*, 233 *загорать*, 259 *смотреть*, 263 *взвешивать*. Наиболее низкие ($\leq 15\%$) — изображения 262 *ткать*, 144 *работать*, 199 *фотографировать*, 250 *эвакуировать*, 011 *дарить*, 241 *думать*, 249 *пробовать*, 251 *толкать*.

На *втором* этапе эксперимента мы собрали оценки по ряду параметров, традиционно выделяемых в исследованиях именованя действий. На данном этапе исследования в качестве стимулов использовались доминантные имена, полученные на изображения действий в первом этапе эксперимента. Для них мы получили оценки по следующим параметрам:

Imageability (Imag) — образность слова. Это переменная, учитывающая насколько легко слово вызывает ментальный образ.

Concept familiarity (Fam) — «знакомость» изображенного действия. Ии. просят оценить, насколько часто названное действие встречается в жизни, или насколько часто они о нем думают. Оцениваться должно само действие, а не называющее его слово.

Age-of-acquisition (AoA) — возраст усвоения слова, называющего изображенное действие. Эту меру можно получить, если попросить взрослых определить возраст, в котором, как им кажется, они выучили слова, называющие эти действия в устной или письменной форме (от 1 до 12). Отметим, что в работе [16] было указано, что подобные субъективные оценки очень близки объективным данным, получаемым в результате анализа детской речи.

Следует, однако, отметить, что в процессе выделения доминантного имени для трех изображений были получены имена-претенденты с одинаковым количеством совпадений (см. Табл. 1).

В Международном проекте именованя изображений была разработана система правил выделения имени для таких изображений. Например, в качестве доминантного считалось слово, наиболее близкое к «ожидаемому», т. е. тому, на основе которого изначально выполнялись сами рисунки и др. (подробнее об этом см. [7]). Использование этих правил позволило выделить нормативные имена для американского варианта английского языка для всех изображений. Однако, поскольку мы не располагаем данными об «ожидаемых» именах и, соответственно, не можем применить эту же систему правил, доминантных имен для русского языка для вышеприведенных изображений выделено не было и для данных изображений норм не собиралось.

Кроме того, 34 имени, полученные в ходе первого этапа эксперимента, использовались для двух и более изображений (см. Приложение 1 [17]). Для них оценки по параметрам образности, знакомости и возраста усвоения собирались один раз.

В эксперименте по сбору данных участвовали 60 студентов 1 курса факультета иностранных языков Курского государственного университета (52-ж, 8-м, возраст 17–22, ср. 17,8). Участники эксперимента были разделены на две группы. Первой группе информантов (26-ж, 4-м, возраст 17–22, ср. 17,7) был предъявлен список из 112 слов, вторая группа (26-ж, 4-м, возраст 17–19,

Таблица 1. Изображения, для которых не были выделены доминантные имена

		
071 dust	106 hang	275 zip
подметать/убирать	вешать/сушить	застегивать/расстегивать

ср. 17,8) работала со списком из 111 слов. Слова в каждом из списков предъявлялись разным информантам в 4 разных последовательностях.

От участников эксперимента требовалось оценить 1) насколько легко то или иное слово вызывает зрительный образ того, что оно называет (0 — образ создать невозможно, 1 — образ создать очень трудно, 7 — образ создать очень легко) и записать оценку в колонку ОБРАЗНОСТЬ; 2) насколько часто они думают об этом действии или совершают его (1 — практически никогда, 7 — очень часто) и записать полученный результат в колонку ЗНАКОМОСТЬ; 3) в каком возрасте они узнали это слово (от 1 до 12 лет) и записать ответ в колонку ВОЗРАСТ УСВОЕНИЯ.

Всего было получено 40140 реакций. В процессе первичного анализа, было забраковано 10 бланков, часть из которых были заполнены меньше, чем наполовину. Другие демонстрировали несерьезное отношение информантов к эксперименту: полученные оценки были одинаковыми для всех стимулов или же в оценках наблюдалось устойчивое чередование (например, 775775775). Небольшое количество бланков было забраковано, поскольку среди оценок встречались непредусмотренные инструкцией оценки (например, 13, 18 и т. п.).

В результате анализу были подвергнуты оставшиеся 11144 оценки образности (6 отказов), 11144 оценки знакомости (6 отказов), и 11141 оценка возраста усвоения (9 отказов).

Наиболее **образными** оказались слова *есть, смеяться, спать, стоять, здороваться, мыться и улыбаться*. Наименее образными — глаголы *посвящать, прятать, сосать, смазывать, вылупляться*.

По параметру **знакомость** наивысшие оценки получили стимулы *разговаривать, спать, идти, мыться, лежать, сидеть* и *вставать*. Наименьшие же значения — глаголы *прятать, отдавать честь, доить, курить, арестовать*.

Субъективные оценки **возраста усвоения** показывают, что раньше всего усваиваются слова *пить, спать, играть, мыться, лежать, идти*, а позднее всего — гла-

голы *медитировать, бриться, оперировать, голосовать, эвакуировать, отдавать честь и печатать*.

Полный список оценок приведен в Приложении 2 [18]. В таблице 2 представлены сводные данные по результатам эксперимента.

Как видно из таблицы 2, в рассматриваемый набор стимулов входят изображения знакомых с детства действий. Средние оценки образности достаточно высоки (6,17), а стандартное отклонение небольшое (0,47). Чуть ниже и с **большим** разбросом оказались оценки знакомости ($4,45 \pm 1,35$). Если сравнить полученные данные с русскими нормами для предметных изображений [13], то можно отметить, что глаголы являются менее образными, более знакомыми (ср. у существительных образность $6,56 \pm 0,26$; знакомость $2,67 \pm 1,02$).

В то же время, низкий показатель согласованности в выборе имени ($NA \% = 55,18 \pm 23,37$; $NA (H) = 1,89 \pm 0,92$), и большое количество имен, которые информанты дают на изображения из изучаемого набора стимулов ($alt = 7,74 \pm 3,77$) свидетельствует о том, что в рассматриваемый набор включены рисунки, покрывающие широкий спектр значений данного показателя. В отличие от других наборов изображений, например, [10], в котором авторы целенаправленно добивались согласованности в выборе имени не менее 93 %, данный банк стимулов лучше подходит именно для *психолингвистических* исследований, в которых важны не только стереотипные и наиболее частотные реакции, а полный корпус экспериментальных материалов, в составе которого значим каждый единичный факт, поскольку внимание исследователей фокусируется «не на словах как таковых, а на моделях связей между тем, что предлагается испытуемым, и тем, что от них получено» [19, с. 9]. Как отмечает А. А. Залевская, «с опорой на моделирование речемыслительной деятельности человека ... интерпретация выявляемых связей должна проводиться через призму процессов, которые могли привести к регистрируемому в эксперименте продуктам вербальной манифестации глубинных связей и отношений» [Там же, с. 9–10]. При этом решающую роль играет то, как был идентифицирован стимул, в какую систему связей он был

Таблица 2. Сводные данные по результатам эксперимента

	Согласованность в выборе имени			Imag	Fam	AOA
	NA %	NA (H)	alt			
средн.	55,18	1,89	7,74	6,17	4,45	4,63
ст.откл	23,37	0,92	3,77	0,43	1,35	1,42
min	9	0	1	4,6	1,56	2,14
max	100	3,83	19	6,96	6,92	9,36

NA % — процент информантов, давших нормативный ответ

NA (H) — энтропия структуры реакций

alt — количество разных имен, полученных на картинку

Imag — образность

Fam — знакомость

AOA — возраст усвоения

Таблица 3. Корреляции между показателями стимулов

	NA%	Imag	Fam
Imag	.23		
Fam	.01	.70*	
АоА	-.07	-.55**	-.60*

*p<0.05

**p<0.01

включен, «высвечивая» тем самым определенный ракурс переживания именуемого словом объекта как знакомого со всеми его качествами, связями и отношениями при возможном акцентировании определенного признака или ситуации [Там же].

Проведенный корреляционный анализ переменных показал, что согласованность в выборе имени (NA) не зависит от образности (Imag), знакомости (Fam) и возраста усвоения слова (АоА). Наивысшая положительная корреляция наблюдается между образностью и знакомостью. Также можно отметить, что глаголы, усвоенные в более

раннем возрасте, являются более образными и более знакомыми. Полученные данные представлены в таблице 3.

В заключение отметим, что проведенное нами исследование можно рассматривать как апробацию набора рисунков действий из Международного проекта именованной изображений для русского языка. Проведенный анализ показывает, что рисунки из данного набора покрывают широкий спектр исследовательских нужд и могут быть использованы с русскоязычными информантами в психолингвистических, нейролингвистических и других экспериментах.

Литература:

1. Snodgrass, J. G., & Vanderwart, M. (1980). A standardized set of 260 pictures: norms for name agreement, image agreement, familiarity, and visual complexity. *Journal of Experimental Psychology: Human, Learning & Memory*, 6, 174–215.
2. Brodeur, M. B., Dionne-Dostie, E., Montreuil, T., & Lepage, M. (2010). The bank of standardized stimuli (BOSS), a new set of 480 normative photos of objects to be used as visual stimuli in cognitive research. *PloS ONE*, 5 (5), e10773.
3. Cycowicz, Y. M., Friedman, D., Rothstein, M., & Snodgrass, J. G. (1997). Picture naming by young children: Norms for name agreement, familiarity, and visual complexity. *Journal of Experimental Child Psychology*, 65, 171–237.
4. Alario, F.-X., & Ferrand, L. (1999). A set of 400 pictures standardized for French: Norms for name agreement, image agreement, familiarity, visual complexity, image variability, and age of acquisition. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 31, 531–552.
5. Nishimoto, T., Miyawaki, K., Ueda, T., Une, Y., Takahashi, M. (2005) Japanese normative set of 359 pictures. *Behavior Research Methods*, 37, 398–416.
6. Alvarez, B., Cuetos, F. (2007) Objective age of acquisition norms for a set of 328 words in Spanish. *Behavior Research Methods*, 39, 377–383.
7. Bates, E., D’Amico, S., Jacobsen, T., Székely, A., Andonova, E., Devescovi, A., et al. (2003). Timed picture naming in seven languages. *Psychonomic Bulletin & Review*, 10, 344–380.
8. Fiez, J.A., Tranel, D. (1997) Standardized stimuli and procedures for investigating the retrieval of lexical and conceptual knowledge for actions. *Memory & Cognition*, 25, 543–569.
9. Bonin, P., Boyer, B., Meot, A., Fayol, M., Droit, S. (2004) Psycholinguistic norms for action photographs in French and their relationships with spoken and written latencies. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 36, 127–139.
10. Masterson, J., Druks, J. (1998) Description of a set of 164 nouns and 102 verbs matched for printed word frequency, familiarity and age-of-acquisition. *Journal of Neurolinguistics*, 11, 331–354.
11. Cuetos, F., Alija, M. (2003) Normative data and naming times for action pictures. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 35, 168–177.
12. Kremin, H., Akhutina, T., Basso, A., Davidoff, J., De Wilde, M., et al. (2003) A cross-linguistic data bank for oral picture naming in Dutch, English, German, French, Italian, Russian, Spanish, and Swedish (PEDOI). *Brain & Cognition*, 53, 243–246.
13. Григорьев А.А., Ощепков И.В., Балясникова О.В., Орлова Е.А. Нормативные данные по образности, согласованности наименований, знакомости и соответствию наименования изображению для набора из 286 стимулов//

Вестник Московского государственного областного университета. Психологические науки. 2010. Т. № 1. — с. 42–51.

14. Tsaparina, D., Bonin, P., Méot, A. (2011). Russian norms for name agreement, image agreement for the colored version of the Snodgrass and Vanderwart pictures and age of acquisition, conceptual familiarity, and imageability scores for modal object names. *Behavior Research Methods*, 43, 1085–1099.
15. Пашнева С. А. Влияние формы проведения эксперимента на результаты исследования процесса именования изображений действий / Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — Режим доступа URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-12.pdf>
16. Alario, F.-X., Ferrand, L., Laganaro, M., New, B., Frauenfelder, U., & Segui, J. (2004). Predictors of picture naming speed. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 36, 140–155.
17. Приложение 1. Изображения с совпадающими доминантными именами в русском языке из набора 275 стимулов из Международного проекта именования изображений [Электронный ресурс]/С. А. Пашнева. — Режим доступа: URL: <https://docs.google.com/file/d/0B67nAD8xdFBPYkJfeWVweGVZaFk/edit?usp=sharing>
18. Приложение 2. Нормы именования 275 изображений действий для русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Пашнева — Режим доступа: URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/cc?key=0Aq7nAD8xdFBPdGFKM25RTIJIY2tJRkxURmtZZ2V6aFE&usp=sharing>
19. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. — Тверь: Твер. гос. н-т, 2011. — 240 с.

Индивидуально-дифференцированный подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей

Рындина Юлия Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Ишимский государственный педагогический институт имени П. П. Ершова

Современные условия быстро меняющегося общества предъявляют всё возрастающие требования к качеству подготовки педагога. Одним из таких требований к профессиональной деятельности учителя становится свободное владение иностранным языком на уровне делового общения в различных ситуациях, связанных с его профессиональной сферой деятельности [5].

Сложившаяся система обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей на данный момент не в состоянии удовлетворить эти требования в полной мере. Перед преподавателями и студентами по-прежнему стоит проблема ограниченности количества учебных часов, отводимых на изучение обязательной дисциплины «Иностранный язык» (216 академических часов). Кроме того, у студентов зачастую отсутствует мотивация к изучению иностранного языка, что в свою очередь приводит к снижению мотивации к изучению предмета. Следовательно, в данных условиях должны использоваться именно те учебные методы и формы преподавания, применение которых позволит повысить уровень языковой подготовки студентов и будет способствовать повышению их мотивации к изучению иностранного языка.

Успех в решении обозначенных выше задач во многом зависит от индивидуально-дифференцированного подхода — подхода, предполагающего учет индивидуальных особенностей студентов и использование этих особенностей для составления заданий, посильных и в тоже время в достаточной степени развивающих каждого из них [3].

Данный подход позволяет индивидуализировать учебный процесс, удовлетворить разносторонние образовательные интересы студентов; развить их интеллектуальный и творческий потенциал; предлагает им совместно с преподавателем выделить объём и содержание учебного материала, который они могут усвоить.

Общезвестно, что контингент изучающих иностранный язык в группе неоднороден. Есть студенты с различными умственными способностями, различными природными данными, разными интересами, различным уровнем владения иноязычной коммуникативной компетенцией. Поэтому задача преподавателя состоит в том, чтобы определить индивидуальные особенности студентов, их языковую подготовленность и организовать на этой основе учебную деятельность по трём режимам: первый режим (начальный уровень) — для менее подготовленных студентов, которые условно умеют читать и переводить со словарем; второй режим (средний уровень) — для тех, кто умеет читать и переводить со словарем, но не владеет говорением; третий режим (продвинутый уровень) — для тех, кто владеет навыками чтения и говорения на иностранном языке [2].

Следует отметить и тот факт, что работа проводится в одной аудитории, в одно и то же учебное время, на одном и том же учебном материале, но в каждом из названных режимов. Так, студент, работающий в первом режиме, осваивает определенный объём материала; студент, работающий во втором режиме, осваивает материал первого

режима плюс дополнительный материал; студент, работающий в третьем режиме, осваивает материал двух предыдущих плюс дополнительный материал (задания повышенной сложности).

При организации работы со студентами по выбранному ими режиму необходимо соблюдать следующие правила:

- студент начинает изучать иностранный язык в вузе с того уровня, с которым пришел после школы;
- учится с той скоростью усвоения материала, на которую способен;
- сам выбирает тот режим работы, который считает для себя наиболее адекватным;
- имеет право в течение всего срока обучения переходить из одного режима в другой;
- работа по циклу считается завершенной, если все запланированные задания выполнены и студент овладел необходимыми знаниями, умениями и навыками [2].

Основной формой организации обучения является цикл (6 занятий), в течение которого каждый студент изучает определённый тематический раздел: прочитывает базовый учебный текст, выполняет послетекстовые задания, позволяющие студентам глубже проникнуть в суть отдельных языковых и грамматических явлений и упражнения на развитие коммуникативной компетенции. На основе базового текста студентам предлагается самостоятельно формировать монологическое высказывание по конкретной теме. Для преподавателя здесь есть возможность помочь студентам со слабой языковой подготовкой выбрать из всего текста ту часть информации, которой им по силам овладеть на должном уровне. Предполагается и обратный процесс: знакомство с дополнительными материалами и текстами может стать для хорошо подготовленного студента поводом расширить содержание базового текста, и даже стать основой для творческого проекта. В конце каждого цикла проводится мини-зачет, на котором определяется готовность студента перейти к работе над следующим циклом.

Проблема ликвидации разрыва между так называемыми сильными, средними и слабыми студентами может быть решена только при правильном использовании индивидуальной, парной, групповой и коллективной форм работы. Для этого необходимы специальные организационно-методические приемы, которые преподаватель использует на занятии для того, чтобы обучать всех, создавая одновременно наиболее благоприятные условия для обучения каждого.

Так, при тренировке лексического и грамматического материала можно рекомендовать использование смысловых, вербальных, иллюстративных, схематических опор. Правильно подобранная опора поможет слабому студенту осознать новое грамматическое явление, при усвоении лексики поможет догадаться о значении слова, при обучении монологическому высказыванию — изложить мысли.

Большое значение играет и очередность опроса. Сначала нужно обращаться к хорошо и среднеуспевающим

студентам, а затем к слабо подготовленным студентам. Слабые студенты выигрывают тем, что получают образец правильного ответа сильных студентов. Это помогает им правильно употребить и запомнить языковой материал.

При отработке грамматического материала, преподавателю необходимо помнить о дозировке трудностей в упражнениях (от одной трудности в одном упражнении до распознавания схожих по виду явлений, о цикличности повторения изучаемого материала в малых дозах в течение длительного времени, о доведении навыка до автоматизма, об усложнении упражнений и т. п.), хотя одним из главных и неперемных условий должна оставаться постоянная коммуникативная ориентированность их на устную речь в рамках конкретных речевых ситуаций учебно-научной сферы деятельности [6].

Особенно важно в процессе обучения студентов с начальной языковой подготовкой психологическое участие преподавателя. Он должен помогать таким студентам, мотивировать их, обязательно отмечать их успехи в присутствии всей группы, даже если успехи не столь значительны по сравнению с другими студентами. Ни в коем случае нельзя использовать формулировки «Вам здесь не место», «Вы в этой группе не потянете» и т. д. Это приводит к разрушительным последствиям в отношении самооценки, внутренней мотивации студента [7].

Таким образом, студенты с разной языковой подготовкой могут включиться в активную работу, создается положительная мотивация, так как пропадает страх в невозможности достижения поставленной цели, увеличивается интерес к предмету.

Применительно к содержанию обучения иностранным языкам необходима проблемная подача материала, показ особенностей нравов, обычаев и культуры людей в нашей стране и в странах изучаемого языка в сопоставлении. Одним из важных моментов является то, что акцент делается не на сообщение готовых знаний, а на побуждение студентов к размышлению, к самостоятельному поиску информации, к самостоятельным выводам и обобщениям, а также «перенос на себя», то есть апелляция к жизненному и речевому опыту студентов. На занятиях необходимо использовать упражнения, в которых студенты могли бы поделиться своим опытом или переживаниями, выразить свои личностные отношения к фактам окружающей действительности, проявить свою индивидуальность.

Большое значение может сыграть и правильный подбор текстов для внеаудиторного чтения с учётом интересов, способностей и уровня подготовки студентов. Опыт преподавания показывает, что студенты предпочитают читать литературу по профилю подготовки, так как она даёт им возможность узнать на иностранном языке что-то важное для их будущей специальности и при этом затратить минимальные временные ресурсы и усилия.

В настоящее время процесс обучения иностранному языку на неязыковых специальностях не может быть достаточно эффективным без использования соответствующих методов и технологий.

Одним из таких методов обучения студентов иностранному языку является моделирование проблемных ситуаций (анализ проблемных ситуаций, проектирование способа действия в этих ситуациях, разыгрывание действий в условиях предложенных ситуаций) [5].

Непосредственная цель метода моделирования проблемных ситуаций — проанализировать актуальную жизненную или профессионально-значимую ситуацию, описание которой актуализирует определенный комплекс языковых знаний, который необходимо усвоить при решении данной проблемы; выработать практическое её решение (при этом сама проблема не имеет однозначных решений).

Проблемная ситуация — это «комплекс условий (речевых и неречевых), необходимых для возникновения проблемы и стимулирующих студентов на решение проблемной задачи» [4].

Проблемные ситуации на занятиях по иностранному языку могут предъявляться студентам с разными дидактическими целями: ознакомление с новым материалом, формирование и совершенствование языковых навыков и речевых умений по определённой теме, контроль сформированности продуктивных иноязычных речевых умений [1]. При этом студенты не только анализируют информацию в рамках проблемной ситуации, но и учатся выбирать альтернативные варианты её решения, аргументировать свой выбор, вести дискуссию на иностранном языке.

Следует также отметить, что обучение иностранному языку на основе моделирования проблемных ситуаций стимулирует поисково-исследовательскую и речемыслительную деятельность студентов, учит самостоятельно находить нестандартные варианты решения проблем. Кроме того, описанный способ организации обучения иностранному языку позволяет рационально и эффективно использовать весьма ограниченные аудиторные часы и время, отведенное на самостоятельную и внеаудиторную учебную деятельность студентов [5].

На успешность обучения иностранному языку влияют также социально-психологические особенности студентов: уровень интеллекта (способность усваивать знания, умения, навыки и успешно применять их для решения задач); креативность (способность самому вырабатывать новые знания); учебная мотивация, обеспечивающая сильные положительные переживания при достижении учебных целей; самооценка, приводящая к формированию соответствующего уровня притязаний, и другие [7]. Учитывая данные особенности, преподаватель может и должен применять различные методы, дифференцированно подходить к домашним заданиям, распределять варианты контрольных работ по степени трудности, варьировать материал в зависимости от индивидуальных особенностей студентов, помогать найти индивидуальные траектории усвоения языкового материала и развития коммуникативных навыков.

Литература:

1. Белякова Е. А. Использование проблемных ситуаций на занятиях по иностранному языку в системе уровневой подготовки [Текст] / Е. А. Белякова // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 3. — Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 191–195.
2. Загороднова А. А. Индивидуальный подход в обучении иностранным языкам на неязыковых специальностях [Текст] / А. А. Загороднова // Язык. Культура. Образование: Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». — 2008. — Вып. 2. — 160 с.
3. Качина Е. А. Индивидуально-дифференцированный подход при изучении темы физики 8 класса «Электризация тел» [Электронный ресурс] / Е. А. Качина, В. А. Бакунькин // Методист, 2003. — № 4. — Режим доступа: <http://www.physics.uni-altai.ru/Metodist/?article=14&issue=4>.
4. Колесникова И. Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков [Текст] / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», Cambridge University Press, 2001. — 224 с.
5. Рындина Ю. В. Из опыта обучения студентов иностранному языку (на примере моделирования проблемных ситуаций) [Текст] / Ю. В. Рындина // Молодой учёный. — 2013. — № 9 (56). — С. 467–469.
6. Фомина Т. Н. Инновационные технологии преподавания иностранных языков в неязыковом вузе [Электронный ресурс] / Т. Н. Фомина, Т. Г. Зеленова // Ярославский педагогический вестник, 2003. — № 1 (34). — Режим доступа: http://vestnik.yvspu.org/releases/pedagogicheskiy_opyt/19_28/.
7. Якушева И. В. Социально-психологические особенности студентов как критерий успешности изучения иностранных языков [Электронный ресурс] / И. В. Якушева, О. А. Демченкова. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/>.

Драматургия Дюрренматта в контексте европейской драмы XX века на примере произведения «Ромул Великий»

Серебрякова-Шибельбейн Екатерина Михайловна, преподаватель
Ставропольский государственный аграрный университет

В статье автор рассматривает актуальность драматургии Фридриха Дюрренматта в контексте европейской драмы 20 века. Особое внимание обращается на драматургические и языковые средства, к которым обращается автор. Данные средства рассматриваются в контексте произведения Дюрренматта «Ромул Великий».

Ключевые слова: драматургия, европейская драма, нейтральность, наихудший оборот, случайность, юмор, двусмысленность.

С крахом национал-социалистического мира 8 мая 1945 года появилась возможность разработать новый мир. Искусство и культура, и в этом державы-победительницы были единоклюбы, должны были сыграть в реабилитации немцев важную роль, точно также как и театр. Только вскоре стало ясно, что Восток и Запад имели очень разные представления о том, какой должна быть культура [11].

Философская пьеса, насыщенная политическими проблемами, была потребностью того времени. Приблизительно до середины 50-х годов на сценах западноевропейских театров преобладала драматургия, превращавшая театральные подмостки в трибуну для страстного обращения к зрителям по общественным, нравственным и философским вопросам.

В этот период также преобладали параболические произведения, это тот самый жанр, который восходит к Брехту. С помощью его драматической теории, его драматургии (главная забота: активация зрителя) и непрерывной политизации всех произведений он установил основные принципы, которые, хоть и с ограничениями, но считаются «воспроизводимыми» в 50-х годах [29].

Например, в работе «Эффект «отчуждения» как центральный элемент языка театра в метапоэтике Б. Брехта» И.В. Картавцевой сказано, что «зритель видит картину человеческого мира на сцене не такой, какой он видит ее в жизни как современный человек». Картавцева утверждает, что «зритель больше не принимает мир, а создает его сам. Театр больше не пытается затуманить его разум... Теперь театр бросает его в схватку с миром». Таким образом, им была создана «теория драматического театра», в основе которой лежит эффект «отчуждения», благодаря которому достигается активация зрителя [4, с. 73–77].

Так как в это время в Германии, в области драматургии едва хватало мощности, то не удивительно, что первые авторы параболических произведений в 50-х годах (Фридрих Дюрренматт и Макс Фриш) были из Швейцарии. Но определенную (хотя и самую незначительную) роль в этом сыграла нейтральность, то есть изоляция Швейцарии во время Второй мировой войны [30].

Если рассмотреть термин *нейтральность* более подробно, то можно выявить следующий парадокс, который

представляет данный термин: по сути, нейтральности не существует, т.к. отказ от выбора, невмешательство, пассивность всегда есть форма позиционирования. Политическая воздержанность, безразличие или бездействие всегда имеют определенные последствия, а в частности, они выражаются, как правило, в укреплении существующего положения власти [25].

Как говорил сам Макс Фриш, «тот, кто не занимается политикой, уже завершил свою политическую солидарность: он служит правящей партии [там же].

По словам Фридриха Дюрренматта, который считал нейтральность Швейцарии циничным средством политики [6, с. 159]. «Швейцария политически холодная и расчетливая, т.к. она допускает, в зависимости от ситуации, политическое участие или политическую передачу» [31].

Следующим высказыванием Дюрренматт анализировал Швейцарию во время Второй Мировой войны: «С точки зрения политики, Швейцария решала одну единственную политическую задачу, которая делала все остальные политические задачи второстепенными: избежать войны с помощью своей политики, и она избегала ее с помощью своей политики. Другой вопрос, конечно, каким образом она ее избегала. Нейтральность это политическая, а не моральная тактика. Нейтральность представляет собой искусство, вести себя как можно выгоднее и безопаснее. Мы вели себя также и по отношению к Гитлеру: как можно выгоднее и безопаснее». [25]. Как упомянул сам Дюрренматт, его страна, «которая сформировала нейтральность по-разному и, вероятно, также деформировала ее, стала страдальницей, даже соучастницей национал-социализма» [там же].

Дюрренматт также отмечал, что нейтральность Швейцарии это политический ход, и именно это его всегда и интересовало. Нейтральность Швейцарии это не моральная, а циничная позиция» [5, с. 84–91].

В период реконструкции после Второй Мировой войны, в какой-то мере, существовал «вакуум» в немецкоязычном мире театра. По всей вероятности, экономические трудности затрудняли финансовую основу театра. Но данная пустота объясняется, вероятно, и тем, что многие авторы были отправлены в изгнание, однако литература

политэмигрантов еще практически не была известна. Дюрренматт был одним из первых авторов, которые занимались социально-политическими и культурными вопросами после окончания Второй Мировой войны [24].

Уже вскоре после окончания Первой Мировой войны австрийский драматик Гуго фон Гофмансталь сказал следующее: «После проигранных войн нужно писать комедии» [12, с. 49]. Позднее, в 1945 году, после окончания Второй Мировой войны, американский драматург Юджин О'Нил, предсказывал: «Сейчас пришло время комедиям. Это будут очень горькие комедии» [там же]. Точно также говорил в этом смысле и сам Дюрренматт: «нам остается только комедия.».. [там же].

Если обратиться к ранним произведениям Фридриха Дюрренматта, написанным в годы мировой войны, можно заметить в них мрачные краски и ужасы войны, переполняющие данные произведения, которые составляют так называемый «мрачный колорит» [2, с. 10].

В это время создают свои произведения на военную тематику и другие писатели и драматурги, например, Б. Брехт. Его драматические произведения тоже пропитаны мрачными красками военного времени, но при этом его комедии еще и полностью «пропитаны нескрываемой иронией и даже сатирой» [3, с. 446–451].

Несомненным считается и тот факт, что и сам Дюрренматт воспринимал многие характерные идеи первого послевоенного пятилетия. Через всю его драматургию проходит сознание соотнесенности путей истории и решений, принятых отдельным, «частным» человеком, которые родились во время и после войны [1, с. 8].

Вернемся, однако, к высказыванию Фридриха Дюрренматта о комедии. Согласно мнению Дюрренматта, драматург не может обойтись без комедии и этот выход в комедию предлагает драматургу в середине 20 века еще 3 значительных выгоды [12, с. 49]:

Он находит для своих произведений героев: «С помощью канцеляриста или полицейского сегодняшний мир лучше воспроизводится, чем с помощью бундесрата или бундесканцлера. Искусство проникает только лишь к жертвам» [там же].

Он выигрывает публику: «Комедия это мышеловка, в которую публика постоянно попадает, и будет постоянно попадать» [там же].

Он может рассчитывать на, хоть и ограниченный, эффект от своей работы: «Тираны этой планеты не будут растроганы произведениями поэта, во время жалобных песен они зевают, героические песнопения они считают глупой сказкой, во время религиозной поэзии они засыпают, они боятся только одного: насмешек» [там же]. Таким образом, Дюрренматт, какими бы серьезными и жестокими не казались содержания его пьес, решил принципиально на форму комедии, с самого первого его произведения [там же].

В нашей статье мы будем обращаться к знаменитому произведению Ф.Дюрренматта «Ромул Великий», которое является исторической комедией. Данное произве-

дение было чаще всего пересмотрено его автором [13, с. 109].

Произведение «Ромул Великий» анализируется, в основном, с точки зрения драматических и языковых средств. Это ограничение касательно драматических и языковых средств основывается на том, что сам Дюрренматт видел кардинальную проблему его драм в том, что они предлагают простоту содержания, потому что с языковой/стилистической точки зрения они кажутся простыми и легкими, хотя в действительности по содержанию они сложные [14, с. 110]. Рассмотрим основные драматургические средства, к которым обращался сам автор в данном произведении:

1. Драматургические средства

1. Наихудший оборот

Дюрренматт развил понятие комедии в своих драматургических размышлениях к «Анабаптистам» [там же]. Таким образом, наихудший оборот определен исключительно как особенность понятия комедии. Именно в этом месте Дюрренматт применяет собственную драматургическую модель, его поэтику комедии, которая является кульминационным пунктом того, что отменяет причинность событий и предварительное планирование человека, а также элементы истории в традиционном смысле, непредвиденное и неконтролируемое наступление случайности, которая принуждает двигаться в другое, окончательное направление [15, с. 111]. «Наихудший оборот, который может принять история, это оборот в комедию», говорит Дюрренматт [там же].

2. Драматургия мысли

Как было упомянуто выше, одним из первых драматургов, стремящихся к активации зрителя в театре, был Б. Брехт. Он разработал принцип «отчуждения», благодаря которому, как утверждает И.В. Картавцева в работе «Эффект «отчуждения» как центральный элемент языка театра Б. Брехта», театр больше не пытается затуманить разум зрителя, наполнить его иллюзиями, а также смириться со своей судьбой [4, с. 73–77]. Эта теория оказала значительное влияние на Ф.Дюрренматта, который позже тоже разработал свою концепцию, направленную на управление публикой, назвав ее драматургией мысли. Дюрренматт дал четкое объяснение понятию мысль: «Посредством мысли, посредством комедии, анонимная публика становится публикой, реальностью, с которой нужно считаться, но и которая должна быть оценена. Мысль легко превращает количество театральных зрителей в массу, которую можно атаковать, соблазнить, перехитрить для того, чтобы донести до нее те вещи, которые она бы иначе так легко не стала слушать. Комедия это мышеловка, в которую аудитория постоянно попадает, и будет попадать» [16, с. 115].

3. Случайность

В своей драме «Физики» Дюрренматт написал следующее о понятии случайности в комедии: 4. Наихудший из возможных поворотов никогда заранее не известен; он всегда возникает неожиданно. 5. Искусство драма-

турга заключается в умении использовать неожиданность, сделав ее как можно более действенной. 7. Неожиданность действия состоит в том, кто, где, когда и кого неожиданно встретил. 8 Чем логичнее поступки людей, тем сильнее они зависят от случайности. 9. Люди, действующие в соответствии с логикой, хотят достичь определенной цели. Случайность менее всего благоприятна для них тогда, когда приводит к цели, противоположной той, которую они перед собой поставили, то есть к тому, чего они боялись или пытались избежать (например, Эдип) [17, с. 116–117].

4. Время, место и действие

В своей речи к «Проблемам театра», Дюрренматт характеризует свое понимание времени, места и действия, критикуя определение Аристотеля: «Таким образом, подвергается сомнению тот факт, что место, время и действие, которые Аристотель, как долго полагали, перенял из античной трагедии, считаются идеалом театрального действия. [...] Место, время и действие были бы, в принципе, в форме повелительного наклонения, в которую литературоведение должно ставить драматурга и в которую оно не ставит лишь потому, что никто не соблюдает закон Аристотеля с давних пор; из необходимости, которая лучше всего иллюстрирует отношение между умением писать пьесы и теориями» [18, с. 118].

Так, например, в произведении «Ромул Великий» Дюрренматт экспериментирует не с формой, а использует — по иронии — классические единицы. С падением Римской империи Дюрренматт, кажется, хочет намекнуть на падение Запада. С помощью бегущих кур Дюрренматт пародирует время; курица, которая каждый день должна снести яйцо. Место действия пьесы, куриная ферма, является гротеском, потому что у зрителя абсолютно другое представление об императорском дворе. Падение империи «показывается зрителю из куриного двора» [8, с. 60] и, таким образом, выглядит как посмешище [18, с. 119]. Как время и место, действие тоже едино, и эта классическая структура забавно контрастирует с хаотическим миром куриц на сцене [9, с. 56].

Рассмотрим языковые средства, к которым прибегает Дюрренматт в своих произведениях. За основу возьмем произведение автора «Ромул Великий».

II. Языковые средства

1. Юмор как коммуникативное средство

Дюрренматт говорит следующее о влиянии юмора на язык: «Язык свободы в наше время это юмор, и пусть это всего лишь горький юмор, потому что этот язык подражает превосходство, даже там, где человек, который говорит на этом языке, уступает ему» [7, с. 72]. Он старается здесь не охарактеризовать язык в целом, а более детально передать юмор как коммуникативное средство. Дюрренматт следующим образом дает определение юмору: «Юмор значит не только согласие с миром, а принятие его таким, какой он есть, как нечто весьма сомнительное» [20, с. 121].

Комичность в произведении «Ромул Великий» со-

стоит не только из действия, места и описания, но и из языка, пародии и эффектных трюков. Дюрренматт использует много разнообразных остроумных находок: кудахтанье кур повсюду, яйца, на которые постоянно натывается Зенон и комические укрытия заговорщиков [там же]. Язык комедии происходит, главным образом, из противостояния различных областей языка. В произведении смешаны жаргон и пафос актера, меркантильный язык Цезаря Рупфа, высокопарная, формальная и пустая речь двора и «остроумные шутки» [10, с. 81]. Смешным является, прежде всего, контраст между тем, что герои обещают (биться до последней капли крови) и тем, что они совершают в действительности (побег) [там же].

Так, остроумной шуткой считается то, когда Ромул называет своих кур именами своих императорских предшественников и измеряет их исторические достижения производством яиц своих тезок. Только курица Марк Аврелий представляет исключение: «Вот это приличная несушка. Остальные императоры ничего не стоят» [26].

2. Двусмысленность в языковом выражении

У Дюрренматта ситуация комедии всегда сопровождается голосом комедии, т.е. происходит отражение странной ситуации в странном языке [21, с. 122]. Если ситуация требует комичности в языке, тогда автор вызывает путем «мысли» в речи комичность ситуации. Следующий пример из Ромула Великого может проиллюстрировать этот процесс. Аполлион, антиквар из Коринфа, собирается купить последние бюсты из императорского дворца:

Аполлион: Один бюст я не беру. Вон тот — короля Ромула.

Ромул: Помилуй, мой тезка, как-никак, основал Рим.

Аполлион: Ученическая работа. Потому он весь и крошится [23].

В связи со сценической ситуацией слово «ученическая работа» здесь является двусмысленным. Оно может относиться как к бюсту, который был сделан учеником, или к основанию Рима [21, с. 122].

Следующий пример представляет похожее взаимодействие разных языковых направлений, которые нарочно основываются на двусмысленности выражения:

Ромул: А это чье яйцо?

Пирам: Как всегда, Марка Аврелия.

Ромул: Вот это приличная несушка. Остальные императоры ничего не стоят. А еще кто-нибудь несется?

Пирам: Одоакр. (Несколько смущен.)

Ромул: Смотри-ка!

Пирам: Два яйца.

Ромул: Здорово! А как мой полководец Орест, которому надлежит одолеть этого германца?

Пирам: Ничего.

Ромул: Ничего. Ну, я на его счет не очень и обольщался. Хорошо бы нафаршировать его каштанами и подать нынче к ужину.

Пирам: Будет исполнено, ваше величество [23].

Эта сцена, которая стоит вначале драмы, и в которой Ромул посредством средств кабарэ производит суд над

римской историей, под предлогом того, что ему сообщают о его куроводстве, является противоположностью суда над Ромулом в конце драмы [22, с. 123].

В данной статье мы рассмотрели основные позиции европейской драмы 20 века у Фридриха Дюрренматта: нейтральность Швейцарии, мрачные краски послевоенного времени в произведениях. Как пример нами было взято произведение «Ромул Великий» потому, что данное произведение чаще всего пересматривалось автором.

Драматургические средства наихудшего оборота (который, по мнению Дюрренматта, характерен для комедии)

и случайности, которые связаны друг с другом, потому что наихудший оборот происходит благодаря случайности, приводят к тому (на примере произведения «Ромул Великий»), что комичность наблюдается не в образах, а в действии.

Итак, на основе драматических и языковых средств в комедии «Ромул Великий» было показано, что специфичность дюрренматтовской комедии заключается не в характерах и, тем самым, в чем-то постоянном, а в действии, в котором берется за основу модифицируемый материал и, таким образом, что-то динамичное.

Литература:

1. Павлова Н. С. Невероятность современного мира, Фридрих Дюрренматт. М.: Радуга, 1990. — с. 8
2. Павлова Н. С. Типология немецкого романа. 1900–1945. Текст. / Н. С. Павлова. — М.: Наука, 1982. — 279 с.
3. Картавцева И. В. Особенности структуры метапоэтического текста Б. Брехта // Молодой ученый. 2013. № 9. с. 446–451. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.moluch.ru/archive/56/7703/> (дата обращения: 15.09.2013)
4. Картавцева И. В. Эффект отчуждения как центральный элемент языка театра в метапоэтике Б. Брехта // Альманах современной науки и образования. 2013. № 7. С. 73–77. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gramota.net/category/10.html> (дата обращения: 26.08.2013)
5. Серебрякова-Шибельбейн Е. М. Особенности метапоэтики драматического текста Фридриха Дюрренматта // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 27. с. 84–91. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/8332-xxvii---1---](http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/8332-xxvii---1---g-)
6. Dürrenmatt Friedrich. «Der schwierige Nachbar» in: Ders: Meine Schweiz — Ein Lesebuch. Zürich: Diogenes, 1998 [=MS], 156–160, hier 159.
7. Dürrenmatt Friedrich. Theater-Schriften und Reden. Hrsg. v. Elisabeth Brock-Sulzer. Zürich: 1966. S. 72.
8. Durzak Manfred. Dürrenmatt, Frisch, Weiss, a. a. O., S. 60.
9. Michaels Jennifer E. Vom Romulus zum Engel (Romulus der Große, Die Ehe des Herrn Mississippi, Ein Engel kommt nach Babylon). In: Zu Friedrich Dürrenmatt. Hrsg. v. Armin Arnold. 1. Aufl. Stuttgart: Klett 1982 (= Literaturwissenschaft — Gesellschaftswissenschaft; 60: LGW — Interpretationen). S. 56.
10. Syperberg Hans-Jürgen. Zum Drama Friedrich Dürrenmatts, S. 81–88.
11. <http://www.dradio.de/df/sendungen/politischeliteratur/324113/>
12. http://durrenmatt.narod.ru/olderfiles/1/spiegel_28.1959.pdf, S. 49.
13. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.109.
14. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.110.
15. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.111.
16. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.115.
17. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.116–117.
18. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.118.
19. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.119.
20. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.121.
21. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.122.
22. <http://kgg.german.or.kr/kr/kzg/kzgtxt/102-06.pdf>: S.123.
23. http://modernlib.ru/books/dyurrenmatt_fridrih/romul_velikiy/read/
24. <http://oregonstate.edu/instruct/ger341/angela.htm>
25. <http://revistas.ucm.es/index.php/RFAL/article/download/36600/35433>
26. http://royallib.ru/book/dyurrenmatt_fridrih/romul_velikiy.html
27. <http://web.mit.edu/course/21/21F.403/www/film.html>
28. <http://www.dradio.de/df/sendungen/politischeliteratur/324113/>
29. <http://www.pohlw.de/literatur/theater/index.htm>
30. <http://www.pohlw.de/literatur/theater/index.htm>
31. <http://web.mit.edu/course/21/21F.403/www/film.html>

Переписка Л. Н. Толстого и Великого Князя Николая Михайловича

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Николай Михайлович (1859–1918) — старший сын великого князя Михаила Николаевича, сына Николая I, автор исторических работ об эпохе Александра I. В яснополянской библиотеке хранится несколько его книг. Характер общения Николая Михайловича и писателя можно определить словом «личное». Николай Михайлович познакомился с Толстым 26 октября 1901 г. в Гаспре (см.: [5]; а также: [1, с. 53 и сл.]). 30 ноября 1901 г. Толстой написал В.Г. Черткову: «Был у меня здесь несколько раз ваш бывший товарищ Николай Михайлович, сын Михаила Николаевича. Что ему нужно, не знаю... Он мало интересен. Слишком знакомый тип» [15, с. 251]. Всего на настоящий момент нам известно 19 писем и телеграмм Толстого Николаю Михайловичу и 18 посланий Николая Михайловича Толстому. История взаимоотношений Л. Н. Толстого и Великого Князя уже становилась предметом анализа [4], однако мы позволим себе развить её положения, концентрируясь преимущественно на эпистолярном материале и за биографической справкой отсылая к упомянутому исследованию.

В письме Николая Михайловича Толстому от 15 ноября 1901 г. затрагивается вопрос женитьбы великого князя на Е. М. Барятинской; женитьба эта повлекла бы за собой осложнения для него как члена царской фамилии. Николай Михайлович затрагивал этот вопрос и при личной встрече с Толстым 26 октября 1901 г. Вместе с письмом великий князь шлёт писателю свою книгу «Князь Долгорукие, сподвижники Александра I в первые годы его царствования», СПб., 1901). Этим же числом датирована записка великого князя писателю [3, с. 299] (переписка в цитируемом издании приводится частично).

В ответном письме от 24 ноября 1901 г. Толстой благодарит великого князя за книгу и говорит, что не решается давать ему советы по поводу его женитьбы [9, с. 165–166].

Судя по дневникам Николая Михайловича при последней встрече в Гаспре Толстой просил его выступить в качестве посредника между ним и царём [5, с. 234].

В письме от 5 января 1902 г. Толстой вновь затрагивает этот вопрос и просит Николая Михайловича передать царю письмо [9, с. 181–182]. Николай Михайлович в телеграмме от 13 января 1902 г. ответил согласием.

В письме от 16 января 1902 г. [9, с. 183–184] Толстой благодарит великого князя за услугу, пишет о своём здоровье, опять затрагивает вопрос женитьбы великого князя; к этому письму Толстой прилагает письмо для передачи Николаю II — это письмо от 16 января 1902 г. [9, с. 184–187]. Это письмо Николаю Михайловичу очень дружеское.

О передаче письма царю Николай Михайлович извещил телеграммой от 28 января 1902 г.

В письме 5 апреля 1902 г. [9, с. 228–231] Толстой сердечно благодарит великого князя за помощь — передачу письма императору. Здесь же писатель поясняет свои идеи по поводу земельной собственности, чтобы Николай Михайлович мог лучше понять его. В конце письма говорится об убийстве Д. С. Сипягина, министра внутренних дел.

«... «дружба» Толстого с великим князем Николаем Михайловичем имела ещё более поразительное продолжение, — пишет священник Георгий Ореханов после изложения фактов о высочайших покровителях Черткова, прежде всего о Д. Ф. Трепове, многозначительно взяв слово «дружба» в кавычки. — Пересказывая известную историю письма Л. Н. Толстого императору Николаю II, М. С. Сухотин в своём дневнике сообщает» [2, с. 399], что «Николай Михайлович передал кн. Барятинской (Нелли), она написала Черткову, а он Л [ьву] Н [иколаевичу] то, что государь отнёсся «благосклонно» к его письму о обещал никому его не показывать. Последняя фраза характеризует этого робкого, не имеющего никакой инициативы, самоограничившего себя самодержца, не могущего ничего сделать помимо своих министров. Ему кажется, что обещание не показывать должно гарантировать и его самого, и Л [ьва] Н [иколаевича] от разных неприятностей» [6, с. 168]. (Княгиня Нелли Барятинская (Е. М. Барятинская) — двоюродная сестра В. Г. Черткова. В 1899 г. Чертков в письме к С. М. Мартыновой обращается с просьбой узнать у великого князя Николая Михайловича, не согласится ли последний время от времени быть передатчиком писем Черткова для княгини Барятинской, причём подчёркивает, что передаваться будут именно письма, а не брошюры или книги (см.: [7, с. 120]).

Николай Михайлович ответил Толстому в письме от 15 апреля 1902 г. [3, с. 303–305].

В ответном письме, датированном 25 апреля 1902 г. — 1 мая 1902 г. [9, с. 236–240], писатель высказывает своё несогласие с некоторыми положениями, высказанными в письме князя. Так, Толстой продолжает отстаивать свои идеи касательно земельной собственности и возражает против определения, которое ему дал Николай Михайлович — «большой идеалист». Видимо, писателя ранил непонимание. В письме Толстой упоминает экономиста Г. Джорджа, на которого уже неоднократно ссылался в своих письмах «наверх». Толстой в общих чертах излагает его идеи; он считает, что для внедрения в жизнь подобного проекта вовсе не нужен самодержец, подобный Петру I, как считает князь, а нужно только добро-

совестное исполнение царских обязанностей. На жалобы Николая Михайловича на зловредность чиновников, на всеобщую страсть к наживе, Толстой отвечает, что это всё закончится тогда, когда из правительства будут выведены люди беспринципные и на их место будут взяты люди великие. Писатель высказывается также против насильственных методов изменения существующей жизни.

Ответ Николая Михайловича датирован 11 мая 1902 г. [3, с. 308–309].

В письме от 20 августа 1902 г. [9, с. 281–282] Толстой благодарит великого князя за участие; сообщает, что он написал книгу об уничтожении земельной собственности «К рабочему народу», которая будет опубликована в Англии; говорит о своей работе над одним эпизодом 1851–1852 гг. (речь идёт о повести «Хаджи Мурат») и просит указать, где можно найти переписку Николая I и Чернышова с Воронцовым и надписи Николая I на докладах и донесениях с Кавказа (все указанные документы, естественно, касаются именно этих двух лет).

В письме от 5 сентября 1902 г. Николай Михайлович сообщал [3, с. 310–312], что «лучший знаток кавказской старины и архивов» Е. Вейденбаум согласен доставить все нужные Толстому материалы. Но просит указать, по каким именно докладам интересуют Толстого резолюции Николая I. Кроме того, великий князь рассуждает о деятельности Строганова в 1801–1805 гг., о котором собирается написать книгу. (Книга вышла в 1903 г. Толстой отзывается о ней в письме от 26 января 1906 г.). В этом же письме Романов просит послать ему новое издание Черткова («К рабочему народу»), когда оно выйдет в Англии, и добавляет: «... я прочту этот труд с самым живым интересом. Самое лучшее попросить Диму Черткова, чтобы он мне адресовал эту книгу прямо в Боржом, так как я получаю всё без цензуры» [3, с. 311]. Г. Ореханов комментирует этот отрывок так: «Поистине поразительное обстоятельство: русский великий князь, представитель царствующего дома Романовых, хочет получить без цензурных проволочек книгу одного из самых последовательных врагов своей семьи и русского государства только на основании их старой дружбы — и не видит в этом ничего страшного. А ведь антиправительственная и антицерковная работа В. Г. Черткова в последние годы жизни Л. Н. Толстого вполне приобрела черты своеобразной организации...» [2, с. 398].

В письме от 12 сентября 1902 г. [9, с. 292] Толстой называет все необходимые ему документы, касающиеся Кавказа; сообщает, что Чертков должен выслать великому князю «О религии» и «К рабочему народу»; пишет о своей готовности прочесть будущую книгу Николая Михайловича о Строганове.

Вместе со своим письмом, датированным 3 октября 1902 г. [3, с. 312–313]. Николай Михайлович прислал Толстому копию письма Е. Г. Вейденбаума к Николаю Михайловичу, в котором говорится о решении Вейденбаума выслать Толстому X том «Актов кавказской археологической комиссии».

11 ноября 1902 г. Толстой ответил Николаю Михайловичу [10, с. 53]. Он благодарит великого князя за помощь, говорит о том, что X актов не получал, о посещении его П. Веритиным и о своём здоровье.

Письмо Толстого великому князю от 6 февраля 1903 г. [10, с. 34–35] — заступничество за И. П. Накашидзе, сосланного с Кавказа за помощь духоборам. Жена же его по состоянию здоровья не переносит северного климата, и поэтому она должна либо жить отдельно от мужа, либо пожертвовать своим здоровьем. В начале 1903 г. Накашидзе без предварительного разрешения вернулся в Тифлис. Толстой просит Николая Михайловича помочь Накашидзе, чтобы его оставили в покое. После этого письма великий князь написал ему рекомендательное письмо, благодаря которому он был оставлен на свободе. В рукописном отделе Государственного музея Грузии хранится письмо Николая Михайловича к И. Н. Свечкину с просьбой оказать содействие Накашидзе. В этом же письме Толстой сетует на своё здоровье, говорит о приближающейся смерти.

Ответное письмо Николая Михайловича датируется 18 марта 1903 г. [3, с. 314–315]. Вместе с письмом великий князь прислал своё издание «Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I» (В 2 т. СПб., 1903). В письме он попросил обратить особое внимание на второй том.

Письмо Толстого Николаю Михайловичу от 1 апреля 1903 г. [10, с. 93–94] очень личное. В нём писатель вновь говорит о смерти, благодарит великого князя за присланную книгу.

Письмо Толстого Николаю Михайловичу от 24 октября 1903 г. [10, с. 214–215] содержит в себе благодарность за книги, сочувствие по случаю болезни великого отца великого князя и — главное — ходатайство за трёх духоборов, которые не могут выехать в Канаду к своим семьям. Их дети живут в Канаде; сами они отбыли ссылку в Якутской области и теперь хотят присоединиться к своим семьям. Писатель с иронией замечает, что вредных и ненужных людей не выпускают за границу. Толстой просит помочь этим людям, если это возможно, получить заграничные паспорта. Николай Михайлович добился разрешения на выезд духоборов, о чём и сообщил писателю телеграммой от 15 декабря 1903 г.

В письме от 31 октября 1903 г. Николай Михайлович писал о своём намерении оставить службу на Кавказе, так как не хочет подчиняться «произволам голицынского режима» (Г. С. Голицын был главнокомандующим гражданской частью на Кавказе); просил Толстого, если у него нет времени прочитать всю его работу о Строганове, просмотреть предисловие к последним двум томам. В письме речь также идёт о личной жизни великого князя — о его отношениях с Е. М. Барятинской.

3 ноября 1903 г. Николай Михайлович пишет письмо Толстому [3, с. 316–317].

В письме от 15 ноября 1903 г. [10, с. 232–233] Толстой отзывается о предисловиях к второму и третьему

тому книги великого князя; благодарит за «отзывчивость на ... просьбы» помочь духоборам и за письмо; сообщает, что забыл указать губернию этих людей и старался поправить это телеграммой (текст телеграммы не известен); выражает сожаление, что Николай Михайлович не женат.

Николай Михайлович послал Толстому две коротенькие записки, датированные 9 декабря 1903 г. и декабрём 1903 г. [3, с. 318].

Телеграммой от 15 декабря 1903 г. он сообщает писателю, что добился разрешения на выезд духоборов через министра внутренних дел.

Следующее письмо великого князя писателю датируется 16 мая 1904 г. [3, с. 318–319].

В ответном письме от 1 июня 1904 г. [11, с. 116–117] вновь благодарит великого князя за помощь духоборам; пишет о русско-японской войне и предупреждает, что если Николай Михайлович посетит его (это намерение тот высказывал в предпоследнем письме Толстому), то это может повлечь за собой неприятности для князя — ведь Толстой на плохом счету у властей. Завершается письмо заверениями в лучших чувствах. В письме от 28 августа 1905 г. [3, с. 320–321] Николай Михайлович писал из Боржома об усиливавшейся на Кавказе, особенно в Горийском уезде, «где бьют помещиков как зайцев, чуть ли не каждую неделю», борьбе крестьян за землю и соглашение с идеями, высказанными Толстым в статье «Великий грех».

В ответном письме от 8 сентября 1905 г. [12, с. 31–32] Толстой предлагает Николаю Михайловичу порвать отношения, что один из них — родственник государя, а другой — человек, осуждающий существующую власть, и поэтому в их отношениях есть «что-то ненатуральное». Писатель благодарит великого князя за доброе отношение к нему.

Николай Михайлович в письме от 1 октября 1905 г. [3, с. 321] выражает согласие подчиниться решению Толстого прекратить переписку.

Писатель ответил письмом от 6 октября 1905 г. [12, с. 40–41], очень сердечным дружеским, в котором он благодарил Николая Михайловича за понимание и подчеркнул, насколько важно для него оставаться с людьми «в добрых, любящих отношениях ... хотя бы и при прекращённом общении».

29 января 1906 г. Толстой снова пишет великому князю [12, с. 90–91]. Речь в письме идёт о книгах Николая Михайловича, присланных им писателю: «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (В 6 т. СПб., 1905–1909), «Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования» (СПб., 1901; с дарственной надписью), «Граф Павел Александрович Строганов (1774–1807). Исторические исследования эпохи императора Александра I». (В 3 т. СПб., 1903). Все эти книги сохранились в яснополянской библиотеке. Толстой благодарит Николая Михайловича за присылку книг, очень хвалит их. Эти книги интересны Толстому не только сам по себе, но и в связи с работой над

«Посмертными записками старца Фёдора Кузьмича», для чего писатель занимается изучением эпохи Павла I, Екатерины II и Александра I. Толстой желает великому князю дальнейших успешных исследований и того, чтобы всё тяжёлое в жизни было полезно для его внутренней жизни.

Николай Михайлович пишет 8 июля 1906 г. Толстому письмо, и писатель отвечает на него 11 июля 1906 г. [12, с. 175–176]. Толстой пишет о своей встрече с В. А. Даниловым (1851–1916), революционером, который обратился к Николаю Михайловичу с советами относительно политической жизни. Толстой пишет о своих впечатлениях от встречи с Даниловым и от его письма великому князю, которое тот прислал писателю для ознакомления. В письме Толстого содержатся также рассуждения о современности, пожелания хорошо исполнять своё жизненное предназначение. Вместе с письмом писатель посылает великому князю «Круг чтения». Николай Михайлович прислал Толстому письмо, свои книги — «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Фёдора Кузьмича» (СПб., 1907) и два тома (второй и третий) «русских портретов XVIII и XIX столетий». (СПб., 1906 и 1907).

В ответном письме от 2 сентября 1907 г. Толстой благодарит великого князя за книги и письмо. Это очень личное послание [13, с. 185].

Письмо Толстого от 2 февраля 1908 г. — ответ на письмо Николая Михайловича от 2 февраля 1908 г. [14, с. 72–73]. Толстой извиняется за своё письмо от 8 сентября 1905 г., в котором пишет, что в их отношениях есть «что-то неестественное» и лучше их прекратить. После этого письма Николай Михайлович долго не решался писать Толстому. После беседы с П. А. Сергеенко, сообщившим ему о желании Толстого получить сведения о распорядке дня русских императоров, великий князь написал писателю письмо, в котором спрашивал, не заинтересуют ли его выписки из писем Николая I, относящиеся ко времени процесса и казни декабристов. Толстой искренне раскаивается в своём резком письме, вызванным негативным отношением к царствующей семье — по его мнению, общение с Николаем Михайловичем противоречит этому. Но Толстой очень рад восстановлению добрых отношений.

«Таким образом, на основании анализа контактов Л. Н. Толстого с великим князем Н. М. Романовым складывается впечатление, что при дворе существовала чуть ли не «протолстовская» и «прочертковская» партия, взгляды которой являлись выражением установки покойного императора Александра III на позднее творчество и на деятельность Л. Н. Толстого: не делать из него мученика. Здесь, по всей видимости, важное значение имели и связи матери Черткова, Е. И. Чертковой, в частности её близкие контакты с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной и личные симпатии некоторых членов царствующей фамилии к творчеству «великого писателя земли русской». И в этом, как можно предполагать, установки сторонников В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого среди

членов царствующего дома существенно расходились с церковной позицией и с теми близкими императору лицами, которые понимали смысл и значение для будущего России и Церкви разрушительной работы Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова. Только этим обстоятельством можно объяснить нежелание императора Николая показывать кому-либо письмо Л. Н. Толстого и тем самым, как это ни парадоксально звучит, гарантировать его от неприятностей» [2, с. 400]. Разумеется, можно по-разному трактовать роль Черткова в жизни Толстого и во взаимоотношениях писателя и власти (Отметим, что А. Фодор

высказывает другую, отличную от Орехановской, от гипотезу: правительство, используя Черткова, пыталось «нейтрализовать» Толстого; кроме того, распространение идей Толстого могло считаться некоторым препятствием революционной пропаганде [16, с. 45, 76, 87–89].). Однако анализ контактов Толстого с властями, в частности — его переписки, с великим князем Николаем Михайловичем, позволяет приблизиться к пониманию не только вопроса о взаимоотношениях литературы и власти, но и — шире — вопроса о взаимоотношениях культуры, власти и общества.

Литература:

1. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. IV. М. -Пг., 1923.
2. Ореханов Г., священник. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: Конфликт глазами современников. М.: Издательство ПСТГУ, 2010.
3. Переписка Толстого с Н. М. Романовым. Предисловие Д. Заславского. Публикация С. Шамбинаго // Литературное наследство. Т. 37–38. Л. Н. Толстой. II. М., 1939.
4. Пчелов Е. В. Николай Михайлович // Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Под общ. ред. д. ф. н. Н. И. Бурнашёвой. М.: Парад, 2008. С. 265–267.
5. Романов Н. М. Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым, 26, 31 октября и 3 ноября // Красный архив, 1927, № 2 (21).
6. Сухотин М. С. Лев Толстой // Литературное наследство. Том 69. Книга 2. М., 1961.
7. Тарханская находка (письма из прошлого) / Публ. О. С. Пугачёва // Яснополянский сборник. 1998. Тула, 1999.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 88.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 73.
10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 74.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 75.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 76.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 77.
14. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 78.
15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964. Том 88.
16. Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Laham, MD: University Press of America, 1989.

Семантические особенности и средства выражения таксиса (на материале русского и персидского языков)

Ханджани Лейла, аспирант;
Захраи Сейед Хасан, кандидат филологических наук, профессор
Тегеранский университет (Иран)

Настоящая статья посвящена изучению категории таксиса в русском и персидском языках. В статье таксис рассматривается в соответствии с концепцией Петербургской школы функциональной грамматики. Сопоставительное (контрастивное) исследование таксиса в русском и в персидском языках еще не проводилось. Предметом настоящего исследования является система средств выражения таксисных отношений в русском и в персидском языках, рассматриваемая в структурно-семантическом и функциональном плане.

Ключевые слова: таксис, функциональная грамматика, персидский язык, зависимый таксис, независимый таксис.

Целью описываемого в статье исследования является характеристика средств выражения таксиса и его семантические особенности на материале русского и персидского языков. В своей работе мы опираемся на трактовку таксиса в рамках Петербургской школы функциональной грамматики. Функционально-семантическое поле таксиса описано пока отнюдь не для всех языков. В частности, ФСП таксиса в персидском языке пока не исследовано.

1. Общая характеристика категории таксиса

Таксис — один из немногих терминов в языкознании, у которого есть точная дата рождения [1, с. 11]. Этот термин введен Р.О. Якобсоном как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (order). Согласно Якобсону, «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения». Впервые он определил таксис как нешифтерную категорию, т.е. категорию, ориентированную на семантику высказывания [2, с. 101].

С точки зрения В.С. Храковского, таксис — категория, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P1 относительно другой ситуации P2, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации Pn. Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола [3, с. 20].

А.В. Бондарко в ТФГ [4, с. 237] пишет, что «Семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями в рамках целостного периода времени, всегда сопряженные с аспектуальной характеристикой компонентов выраженного в высказывании полипредика-

тивного комплекса и реализуемого как: а) отношения одновременности/разновременности (предшествования — следования); б) отнесенность действий к одному и тому же периоду времени при неактуализованности различия одновременности/разновременности; в) связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значения условия, причины, следствия, цели, уступки, обусловленности времени одного действия временем другого), модальными значениями и значениями характеристики». В связи с этой трактовкой семантики таксиса В.С. Храковский отметил, что пункты (а), (б) и (в), очевидно, связаны отношением дизъюнкции, т.е. в каждом конкретном случае реализуется либо пункт (а), либо пункт (б), либо пункт (в). [5, с. 34–35]

Для категории таксиса, как пишет И.С. Аксенова [6, с. 5], роль дейктического центра не «настоящий момент», но иная точка на оси времени. Для этой категории существенны два признака — наличие дейктического центра (время другого события) и расположение описываемой ситуации относительно дейктического центра.

По мнению В.А. Плунояна, в отличие от времени категория таксиса полностью лишена дейктического компонента. Это означает, что граммы таксиса выражают одновременность, предшествование и следование не по отношению к моменту речи, а по отношению к любой ситуации, эксплицитно или имплицитно заданной контекстом (такую ситуацию, вслед за немецким логиком Хансом Райхенбахом, принято называть «точкой отсчета», англ. point of reference). В некотором смысле, категорию времени можно рассматривать как частный случай категории таксиса, привязанный к одной фиксированной точке отсчета. [7, с. 270]

В концепции ТФГ инвариантное значение таксиса определяется как «выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесенность действий, соотнесенность в рамках единого временного плана». [8, с. 505]

По отношению к языкам, в которых (как в русском и других славянских) существует категория вида, можно сказать и так: таксисные ситуации всегда включают синтагматику видов, синтагматику аспектуальности, и наоборот:

там, где есть синтагматика видов в рамках полипредикативных конструкций, всегда представлен таксис. [9, с. 509]

Важные мысли об отношении таксиса к времени и виду были высказаны Ю. С. Масловым. Он считает, что в научном описании категории вида эту категорию следует отграничить не только от глагольного времени, но также и от выделенной сравнительно недавно функционально-семантической категории таксиса. В рамках высказывания речь чаще всего идет не об одном отдельном действии (состоянии и т. д.), а о нескольких или многих, как-то между собой связанных (хронологическими, причинно-следственными и другими соотношениями, отношениями контраста и т. п.). Эти связи отражаются в специфических связях между предикатами — связях, составляющих категорию таксиса. Таксисная сема — простым порядком следования глаголов определенной видовой семантики (при другой видовой семантике глагольных форм порядок их следования не передаст хронологической последовательности действий). [10, с. 24–25]

Значения, объединяемые в понятии «таксис», он рассматривает как не являющиеся ни темпоральными в точном смысле слова, ни аспектуальными, но лежащие содержательно как бы «между» теми и другими. Как отмечает Ю. С. Маслов, во многих языках таксис не выступает в качестве особой грамматической категории, а объединяется в рамках одной комбинированной категории либо с временем либо с видом. [11, с. 8–9]

По выражению А. В. Бондарко, «Инвариантность ряда семантических категорий не абсолютна, а относительна. Некоторые категории, несмотря на высокую степень их обобщённости, всё же могут быть подведены под более общее понятие. Так, аспектуальность вместе с временной локализованностью и таксисом образует тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени» [12, с. 29].

Необходимым условием для констатации таксисного отношения является единство временного плана, целостность временного периода. Введение данного ограничения означает, что таксис — отнюдь не любое временное соотношение действий. [13, с. 509]

Прежде чем говорить о временных связях между действиями, необходимо определить, где, в какой сфере, в каких общих рамках (с точки зрения отношения к моменту речи) они устанавливаются. Если такой временной рамки нет, то нет и основы для констатации таксисных отношений. Например: Раньше и я так думал, а теперь не верю им. Здесь налицо не таксисная, а темпоральная ситуация, основанная на контрасте планов прошедшего и настоящего времени. [14, с. 510]

В соответствии с концепцией Петербургской школы функциональной грамматики структура рассматриваемого поля определяется различием функций зависимого и независимого таксиса. Зависимый таксис — это временное отношение между действиями, одно из которых является основным, а второе — второстепенным (или сопутст-

вующим). При независимом таксисе между действиями, находящимися в таксисных отношениях, отсутствует формально выраженная градация на основное и второстепенное. Ср. примеры: 1) Войдя в комнату, С. сразу же зажёл свет — зависимый таксис; 2) С. Вошёл в комнату и сразу же зажёл свет или Когда С. вошёл в комнату, он сразу же зажёл свет — независимый таксис. Различие функций зависимого и независимого таксиса обуславливает членение данного ФСП на две сферы, каждая из которых характеризуется своими центральными и периферийными компонентами. Далее приводится их перечень (применительно к русскому языку) [15, с. 239–240].

Зависимый таксис. Центральный компонент — конструкции с деепричастиями совершенного и несовершенного вида. Периферийные компоненты: а) конструкции с причастиями, б) предложно-падежные конструкции типа при рассмотрении..., при переходе..., и т. п. в сочетании с глаголом, например: Муж был убит при выходе из окружения. (К. Симонов. Последнее лето); После прорыва германских линкоров через Ла-Манш обстановка на полярном театре заметно усложнилась..., (В. Пикуль. Караван PQ).

Независимый таксис. Центральные компоненты: 1) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени при участии союзов, а также (в части случаев) лексических элементов типа сразу же, в то самое время и т. п.; к данному компоненту примыкает соотношение видо-временных форм в бессоюзных сложных предложениях типа Выйдет Михаил на улицу — сын уже бежит за ним; 2) соотношение видо-временных форм в предложениях с однородными сказуемыми и в сложносочиненных предложениях (при возможном участии лексических элементов типа сперва — потом, сначала — а затем и т. п.; в выражении таксисных отношений в указанных конструкциях участвует также порядок слов). Компоненты, занимающие относительно периферийное положение: 1) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными условиями, причинами, следствиями, уступки и в других конструкциях, где выражение таксисных отношений является дополнительной функцией, связанной с основной семантической функцией данной конструкции; 2) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с изъяснительной придаточной частью типа Я видел, как он вытирал [ср. вытирает] лицо рукавом. [16, с. 513]

Таким образом, понятие «таксис» охватывает два типа сопряженности действий во времени в рамках полипредикативного комплекса: 1) соотносённость основного и зависимого предиката (зависимый таксис, представленный в деепричастных, причастных и некоторых других конструкциях, включающих сочетание основной и зависимой предикации); 2) соотносённость двух и более «равноправных» предикатов (независимый таксис в конструкциях с однородными сказуемыми, в сложносочиненных предложениях и в сложноподчиненных предложениях разных типов — с придаточным времени, условия, уступки, с придаточным изъяснительным) [17, с. 508].

Такая целостность категории таксиса в русском языке даёт основание иначе взглянуть на систему придаточных предложений персидского языка.

Далее перейдем к описанию средств выражения зависимого и независимого таксиса в персидском языке. Современный персидский язык, иногда называемый языком фарсы, принадлежит к группе иранских языков, которая наряду со славянскими, германскими, романскими и многими другими языками входит в индоевропейскую языковую семью [18, с. 3]. Как уже отмечено, в персидском языкознании специальных исследований, посвященных проблемам таксиса, семантическим отношениям между грамматическими средствами, формирующими его, до сих пор не проводилось.

2. Средства выражения таксиса в персидском языке

По мнению А. Гольфам, грамматическая категория времени показывает локализованность двух ситуаций на оси времени и может включать не более трех граммем: 'ситуация P1 предшествует ситуации p2' 'ситуация P1 следует за ситуацией p2' и 'ситуация P1 совпадает во времени с ситуацией p2'. Поэтому в персидском языке выделяются три основных времени: настоящее, прошедшее и будущее [19, с. 70], Каждое из которых представлено несколькими временными формами [20, с. 187]. Так настоящее время представлено настояще-будущим временем изъявительного наклонения *روزنامه می خوانم* *guznāme mi xānam* 'я читаю газету', настоящим конкретным временем изъявительного наклонения *روزنامه می خوانم* *guznāme mi xānam* 'я (в данный момент) читаю газету' и настояще-будущим временем сослагательного наклонения (аористом) *روزنامه بخوانم* *guznāme be xānam* 'хочу прочитать газету'; прошедшее время — простым прошедшим временем изъявительного наклонения (претеритом) *روزنامه خواندم* *guznāme xāndam* 'прочитал газету'; прошедшим длительным временем изъявительного наклонения (имперфектом) *روزنامه می خواندم* *guznāme mi xāndam* 'я читал газету', преждепрошедшим временем (плюсквамперфектом) изъявительного наклонения *روزنامه را خوانده بودم* *vaqt-i-ke u nazd-e man āmad guznāme rā xānde budam* 'когда он пришел ко мне, я уже прочитал газету', прошедшим конкретным временем изъявительного наклонения *موقعی که داخل اتاق شدم، او روزنامه می خواند* *moq'ei-ke dāxel-e otdāq šodam u dāšt guznāme mi xānd* 'когда я вошел в комнату, он читал газету', прошедше-настоящим временем изъявительного наклонения *روزنامه را خوانده است* *u guznāme rā xānde ast* 'он уже прочитал газету' прошедшим предположительным временем сослагательного наклонения; *ممکن است روزنامه را،* *mo'mken ast guznāme rā xānde bāšad* 'возможно, он прочитал газету' прошедше-настоящим длительным временем изъявительного наклонения *روزنامه می خوانده است* *guznāme mi xānde ast* 'читал газету' и будущее время — будущим категорическим временем изъявительного наклонения *روزنامه را خواهم خواند* *guznāme rā xāham xānd* 'прочитаю газету'.

Таким образом, в персидском языке видовые оттенки проявляются во временных формах, которые могут выражать завершенность и незавершенность действия, его длительность, повторяемость и т.д. разнообразные временные значения глаголов тесно связаны со значениями видовыми. В традиционном понимании категории времени и вида не отличаются [21, с. 74].

Переходя к анализу семантики времен, следует прежде всего поставить вопрос: можно ли охватить единым определением и абсолютное, и относительное значение временных форм? В системе личных форм глагола в современном русском литературном языке (, а также в персидском языке) нет специальных формальных средств для выражения относительного временного значения: одни и те же формы выступают то в абсолютном, то в относительном употреблении. Поэтому при определении семантики видо-временных форм нельзя не учитывать их относительное употребление [22, с. 33].

Как в русском, так и в персидском языке категория времени указывает на отношение действие или состояние к моменту речи или к какому-либо другому моменту, принятому за точку отсчета. Времена глагола, выражающие отношение действия непосредственно к моменту речи, называют абсолютными: настоящее время, прошедшее время. Времена глагола, выражающие отношение одного действия по отношению к действию другого глагола, принято называть относительными. Они определяются не соотношением с моментом речи, а соотношением с другой временной формой в предложении: *من به برادرم گفتم که پدر در اتاق خودش است* *Man be barāda-at goftam-ke pedar dar otdāq xodaš ast* 'Я сказал брату, что отец находится в своей комнате' Форма настоящего времени глагола связки *است* *ast* указывает на совпадение времени действия не с моментом речи, а с временем действия, выраженного глаголом-сказуемым главного предложения — *گفتم* *goftam*. Часто одна и та же временная форма может иметь в одних случаях значение абсолютного, а в других — относительного времени. Следует различать употребление времен в главном и придаточном предложениях. В придаточном предложении время чаще всего используется в относительном значении [23, с. 239].

Основываясь на принципах функциональной грамматики, нам можно построить и описать модель функционально-семантического поля таксиса в современном персидском языке.

В персидском языке ядерным компонентом зависимого таксиса являются обстоятельства времени, выражаемые инфинитивами глаголов в сочетании с предлогами, типа *پس از آمدن مادر* *pas az āmadan-e mādar* 'после прихода матери'; отглагольными существительными с предлогом *قبل* *qabl* *az bāzgašt be mihan* 'перед возвращением на родину'..

К центральным компонентам независимого таксиса относятся:

1) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени при участии союзов *موقعی که* *vaqti ke*, *زمانی که* *zamāni ke*,

mowqe-i- ke ‘когда’, (اینکه) pis az ān-ke (in-ke) قبل (آنکه) qabl az in-ke (ān-ke), ‘перед тем как’, ‘до того как’, (اینکه) pas az ān-ke (in-ke), ‘после того как’ и др.

2) соотношение видов-временных форм в сложноподчиненных предложениях. В выражении таксисных отношений в указанных конструкциях участвует также порядок слов. например کم کم های چشمش سنگین شد و به خواب رفت Kamkam pelkha-ye češmaš sangin šod va be xāb raft ‘Постепенно его веки сделались тяжелыми, и он заснул. (Хедаят. Патриот)

К данному компоненту примыкает соотношение видов-временных форм в бессоюзных сложных предложениях типа یک کاسه آب آنجا بود آن را برداشت و سر کشید Yek kāse āb ānjā bud ān-rā bardāšt va sar kešid ‘там была кружка воды, она взяла ее и залпом выпила’ (хедаят, светотень). از دور چراغ می درخشید، یکی دو قایق موتور می دیدم و چند کشتی بادی مشغول باربندی بودند Az dur čerāq-e zaifi mideraxšid, yeki do qāeq-e motori dide mišod va čand kašti-ye bādi mašqul-e bārbandi budan ‘Издали тускло светил фонарь, виднелись одна-две моторные лодки, и несколько парусников находились под пагрузкой’ (Хедаят. Бродячий пес)

К периферийным компонентам независимого таксиса относятся:

1) соотношение видов-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными условными امیدوارم که اگر دوستان و دانشمندان خطاها و اشتباهاتی در این ملاحظه Omidvār-am-ke agar dustān va dānešmandān xātāhā va eštēbāhāt-i dar in molāheze farmudand lotfan nevisande-rā āgāh farmāyand ‘Я надеюсь, что если друзья и ученые обнаружат в нем ошибки, то любезно сообщат об этом автору’ (Мокри, Персидский словарь); с придаточными уступительными اگر چه تمام روز را امیدوارم که اگر دوستان و دانشمندان خطاها و اشتباهاتی در این ملاحظه Agar-če tamām-e ruz-rā mahbus budim vali dar ordu-ye hod-emān āzādī dāštīm ‘Хотя в течение всего дня мы находились под арестом, но в пределах нашего лагеря имели свободу’ (Хедаят. Катя); с придаточными образа действия صدایش چنان عوض شده بود که دهانم از تعجب باز ماند Sedā-yas čenān avaz šode bud-ke dahān-am az taājib bāz mānd ‘Ее голос так изменился, что я раскрыл рот от изумления’ (Хеджази. Слеза); с придаточными исключения сندی به موزیک گوش کردیم بی آنکه حرفی بین Moddat-I be muzik guš kardim bi ān-ke harf-i beyn-e mā raddobadal bešavad ‘Мы какое-то время слушали музыку, не обменявшись ни одним словом’ (Хедаят. Катя); с придаточными сравнения وار در اتاق راه می رفت، گویی divānevār dar otāq rah miraft quyi aqabe čize gomšede-i migašt ‘Он как сумасшедший, холил по комнате, как будто искал что-то потерянное’ (Аляви. Письма); с придаточными сопоставительными هر چه

Литература:

1. Храковский В. С. типология таксисных конструкций. М., 2009. с. 11.
2. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. с. 101.

نزدیکتر می آمدند، صورت ملیح و محزون و رفتار آرام و نجیب هلم در نظرم Har-če nazdiktar miāmānd surat-e malih va mahzun va raftār-e aram va najibe helen dar nazar-am bičtar jelve mikard ‘Чем ближе они подходили, тем меня больше очаровывали’ (Хеджази. Слеза); с придаточными причины چون هوای کافه گرم بود مشتریانها دور از بخاری جا می گرفتند čon havā-ye kafe garm bud moštarihā dur az boxāri jā migereftān ‘Поскольку в кафе было жар, посетители занимали места подальше от печи’ (Нушин. Разбитый стакан); с придаточными цели بلند حرف می زد که فرنگیس را متوجه حرف خود کنم boland harf mizadam-ke farangis-rā motevajeh-e harfe hod kopam ‘Я говорил громко, чтобы привлечь внимание Франгис’ (Аляви. Ее глаза) с придаточными следствия شروع به تحصیل کردم و در مدت کمی زبان ترکی را یاد گرفتم بطوریکه به شور و نشاط کام می دانم šoru be tahsil kardam va dar moddat-e kam-i zabān-e torqi-rā yād gereftam be towg-i-ke be zabāne torqi konferāns midadam ‘Я приступил к изучению и за короткое время овладел турецким языком, так что делал на нем доклады’ (Хедаят. Катя) с придаточными места типа جایی که شتر بود به یک غاز، خر قیمت واقعی ندارد jā-yi-ke štor bud be yek qāz xar qeymat-e vāqe-i nadārād ‘Там, где верблюд ценится как один гусь, осел не имеет настоящей цены’ (Нураи. Под голубым небосводом).

2) соотношение видов-временных форм в сложноподчиненных предложениях с изъяснительной придаточной частью типа می دیدم که زمان و حوادث ناچار وجود و صورت خیالات mididam-ke zamān va havādes nācar vojūd va surat-e xiyālāte mārā avaz kard ‘Я видел, что время и события невольно изменили наш внешний облик и образ мыслей’ (Хеджази. Слеза)

3. Основные выводы

1. План содержания ФСП таксиса в русском и персидском языках неоднороден, что позволяет выделить в его составе два микрополя: микрополе зависимого таксиса и микрополе независимого таксиса.

2. Самое существенное различие между системами средств выражения таксисных значений в русском и персидском языках, на наш взгляд, заключается в том, что конструкции с деепричастиями, которые являются центральными компонентами зависимого таксиса в русском языке, в персидском языке не имеют категориальных эквивалентов.

3. Для зависимого таксиса персидского языка характерно использование конструкций с отглагольными существительными с предлогом и конструкций с инфинитивом в сочетании с предлогом.

4. Основным средством выражения независимого таксиса в персидском языке являются сложноподчиненные предложения с придаточными времени.

3. Храковский В. С. типология таксисных конструкций. М., 2009. с. 20.
4. Бондарко А. В. Теория Функциональной грамматики: Введение Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. с. 237.
5. Храковский В. С. категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 34–35.
6. Аксенова И. С. Категории вида, время и наклонения в языках банту. М., 1997. с. 5.
7. Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. с. 270.
8. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 505.
9. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 509.
10. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. с. 24–25.
11. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. с. 8–9.
12. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. с. 29.
13. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 509.
14. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 510.
15. Бондарко А. В. Теория Функциональной грамматики: Введение Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. с. 239–240.
16. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 513.
17. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 508.
18. Иванов В. Б. Учебник персидского языка. М., 1999. с. 3.
19. Голфам А. осулэ дастурэ забанэ фарси. Т. 1390. с. 70
20. Нобахар М. Дастурэ карбордийе забанэ фарси. Т. 1389. с. 187
21. Голфам А. осулэ дастурэ забанэ фарси. Т. 1390. с. 74
22. Бондарко А. В. Система глагольных времен в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3. с. 33.
23. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001. с. 239.

Система обозначения русского захолустья с помощью коннотативных онимов

Шайхуллова Регина Рестемовна, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

В языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах встречается своеобразный прием вторичной («иносказательной») номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных.

Так, в диалектной речи, отдаленное захолустное селение, «медвежий угол» — это *Тмутаракань*, *Хацанетовка*, *Конотоп*, а в последнее время и *Урюпинск* («столица» российской провинции).

Следовательно, онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию — быть име-

нами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана.

Внутриязыковые (интралингвальные) коннотонимы бывают как общеизвестными — узуальными, так и окказиональными — речевыми, индивидуально-авторскими. Внутриязыковые узуальные коннотонимы также обнаруживают различия по широте и сферам употребления. Они могут быть широко употребительными в речевом общении всего народа или в литературном языке на определенном этапе его развития (например, *Соловки*, *Кам-*

чатка и др.): их известность может ограничиваться определенной территорией, диалектной областью.

В данной работе будет рассмотрена система обозначения русского захолустья с помощью коннотативных онимов.

I. Синонимичный ряд.

Австралия, Африка, Азия, Аляска, Камчатка, Сахалин, Полинезия, Соловки, Бирюлёво, Бутово, Захолустье, Васюки, Криворожье, Мухосранск, Кукуево, Жмеринка. Конотоп, Пошехонье, Хацапетовка, Кунгур, Запорожье и др. в данном случае являются синонимами, т.к. эти слова одной части речи, различные по звучанию и написанию, но имеющие одинаковое или очень близкое лексическое значение, а именно значение захолустья, глухой местности.

Например:

Аляска — какое-то далёкое, глухое место.

— *Поедешь со мной в Архангельск?*

— *Ну да, нужна мне твоя Аляска!...* (СМА, 21–22).

Васюки — захолустный город или какое-то место с отсталым укладом жизни.

Арола — это по сути дела итальянские Васюки. Забытый богом не то посёлок, не то городок в предгорьях Альп с тремя сотнями жителей, отнюдь не избалованными событиями и развлечениями («Правда», 1989 г., 31 авг.).

Сибирь — глухое, безотрадное место. — *А у нас-то теперь, говорила бахаревская птичница, — у нас скука претрашенная... Прямо сказать, настоящая Сибирь* (Лесков Н. С. Некуда)

Тмутаракань — далёкая периферия; отдалённое место от центра; захолустье; гиблое место, глухомань, медвежий угол. *Это черною божию бьётся пригород Тмутараканью в падучей* (Пастернак Б. Город); *Вы думаете, только в России существует цензура? Недавно в Миссури школьный совет округа Тмутаракань постановил изъять мои книги из библиотеки* (Аксёнов В. В поисках печального бэби);

II. Полисемия — многозначность, многовариантность, то есть наличие у слова двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению.

Например:

Австралия

1. *Материк в Южном полушарии как одна из пяти частей света.*

2. *разг. Страны, расположенные на этой части света.*

3. *разг. Население этих стран.*

4. *Очень отдалённое место.*

III. Языковая игра — термин Людвиг Витгенштейна, введённый им в «Философских исследованиях» 1945 года для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. Понятие языковой игры подразумевает плюрализм смыслов. Концепция языковой игры приходит на смену концепции метаязыка.

Например: **Ку-куево**, фонетические средства — повторение одних и тех же звуков. В данном случае язы-

ковая игра заключается в сравнении захолустного места с птицей кукушкой.

IV. Литературные топонимы:

популярное выражение «Нью-Васюки» в романе «Двенадцать стульев» появилось в результате контаминации фразы: «Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва — в Старые Васюки».

«Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) — крупнейшее произведение русской литературы о крепостном строе и, вместе с тем, великий художественный суд над этим строем писателя-демократа

V. Пейоративная функция

Пейоратив — слова и словосочетания, выражающие негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение. Несмотря на то, что при помощи пейоративов выражаются негативные эмоции, их не следует путать с ругательствами, поскольку бранная лексика и выражения или ненормативная лексика в пейоративах, как правило, не содержатся. По семантике близко к выражению инвектива.

Словарные единицы с отрицательно-оценочным (пейоративным) значением составляют гораздо более многочисленную группу, чем семантическая подгруппа лексических единиц с положительно-оценочным значением, или мелиоративов. По всей видимости, это связано с внеязыковыми факторами. Психологически человек склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики, считая, что они могут представлять опасность. Положительные качества воспринимаются как «нормальные», само собою разумеющиеся.

Пейоративность — свойство пейоративного, т.е. неодобрительного, уничижительного, обладающего коннотацией, которая в некоторой степени отклоняется от эталона или нормы, называемой отрицательной или негативной. Пейоративность может выражаться через слова, сочетания, словосочетания.

В данном случае к пейоративам относятся такие коннотативные онимы как: Мухосранск, Криворожье, Тмутаракань.

VI. Географическая мотивировка.

Большинство слов выборки составляют географические названия, а именно:

Континенты: *Австралия, Африка*

Часть света: *Азия*

Полуострова: *Аляска, Камчатка*

Острова: *Сахалин, Полинезия, Соловки*

Названия районов города: *Бирюлёво, Бутово*

Названия деревень: *Захолустье, Васюки, Криворожье, Мухосранск, Кукуево*

Названия городов: *Жмеринка, Конотоп, Пошехонье, Хацапетовка, Кунгур, Запорожье*

Это обусловлено отдалённостью географических объектов. Например: *Австралия, Африка, Аляска, Камчатка и др.*

А также исторической мотивировкой, например, Сибирь — место ссылки.

VII. Фоносемантика

Фоносемантика позволяет определить смысл по звучанию слова. Если следовать определению, Фоносемантика — наука, которая рождается и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания), лексикологии (по совокупности этих планов) и психологии (теория восприятия).

Советский филолог А. П. Журавлёв высказал предположение, что каждому звуку человеческой речи соответствует определённое подсознательное значение. Воспользовавшись техникой «семантических дифференциалов» Ч. Осгуда, Журавлёв провел исследование для выяснения этих значений. Результаты легли в основу его диссертации. Журавлев предложил список качественных характеристик каждого звука русской речи, а именно каким он является по 25 шкалам.

Всем звукам русского языка по этим шкалам сопоставлены оценки. Согласно идее Журавлёва, качественные фоносемантические шкалы позволяют оценивать влияние звуков на психическое состояние человека. Каждое слово состоит из звуков, и предлагается для оценки воздействия на человека слова как набора звуков по соответствующим расчётам определить общее фоносемантическое значение составляющих данное слово звуков по всем 25 шкалам и выделить доминирующее звучание слова.

Онимы, обозначающие русское захолустье, были рассмотрены по 25 шкалам, на примере Пошехонье продемонстрируем это:

Пошехонье обладает следующими качествами из 25 возможных: *тихий, тусклый, тёмный, короткий, страшный, шероховатый, печальный.*

Именно такое подсознательное влияние звучание слова **Пошехонье** оказывает на человека. При его восприятии у большинства людей формируется именно такое подсознательное мнение. Чем больше выраженных признаков — тем сильнее эмоционально-подсознательная значимость этого слова.

Ниже приводится таблица результатов фоносемантической значимости слова **Пошехонье** по каждому из 25 признаков. В графе коэффициент необходимо учитывать следующие позиции: если коэффициент < 2,5 выражен первый признак шкалы; если коэффициент > 3,5 выражен второй признак шкалы, если он находится в промежутке 2,5–3,5 то по этой шкале выраженности нет.

Фоносемантические шкалы	Коэффициент	Выраженность признака
Громкий — Тихий	3,85	Тихий
Яркий — Тусклый	3,76	Тусклый
Светлый — Тёмный	3,61	Тёмный
Длинный — Короткий	3,59	Короткий

Безопасный — Страшный	3,57	Страшный
Гладкий — Шероховатый	3,55	Шероховатый
Радостный — Печальный	3,52	Печальный

Далее:

весёлый — грустный 3,45 признак не выражен; величественный — низменный 3,4 — не выражен; женственный — мужественный 3,35 — не выражен; хороший — плохой 3,32 — не выражен; сильный — слабый 3,31 — не выражен; округлый — угловатый 3,31 — не выражен; активный — пассивный 3,28 — не выражен; храбрый — трусливый 3,21 — не выражен; нежный — грубый 3,2 — не выражен; красивый — отталкивающий 3,18 — не выражен; добрый — злой 3,15 — не выражен; подвижный — медлительный 3,12 — не выражен; горячий — холодный 3,09 — не выражен; большой — маленький 3,05 — не выражен; могучий — хилый 3,04 — не выражен; лёгкий — тяжёлый 2,99 — не выражен; быстрый — медленный 2,94 — не выражен; простой — сложный 2,69 — не выражен.

Васюки обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *слабый, тихий.*

Криворожье обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *шероховатый, страшный, грубый.*

Соловки обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *короткий, тихий, слабый, хилый, маленький.*

Хацпетовка обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *тихий, тусклый, короткий, шероховатый, низменный, печальный, плохой, тёмный, угловатый, слабый.*

Кукуево обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *тусклый, мужественный, печальный, грустный, страшный.*

Мухосранск обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *мужественный, печальный, медлительный.*

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в повседневной жизни нам нередко приходится сталкиваться с коннотативными онимами такого типа, порой даже не замечая этого.

Рассмотренные выше коннотативные онимы, обозначающие захолустья, с точки зрения фоносемантики, носят отрицательный характер, именно поэтому может возникнуть чувство пренебрежения к данным словам.

Литература:

1. А. П. Журавлев. Звук и смысл. 1991.
2. Е. Отин. Словарь коннотативных собственных имён. 2006.

ФИЛОСОФИЯ

Внешняя торговля в идеальном обществе (на примере произведения Этьена Кабе «Путешествие в Икарию»)

Буряченко Алексей Гимназиевич, соискатель
Курский государственный университет

Ключевые слова: идеальное общество, утопия, торговля, общество.

Идеальное общество — это концепт будущего устройства организации жизни людей «увиденное» сознанием философов-утопистов. Такое общество, описанное многими философами-утопистами, имеет одну характерную черту — замкнутость. То есть, идеальное общество, с точки зрения авторов, это собрание людей живущих в идеальных условиях и населяющих определенное место (др. греч. *Топос*) имеющее замкнутую, изолированную территорию. За пределы этой территории идеальное социальное устройство общества не выходит, но всё же косвенно его касается. Произведение «Путешествие в Икарию» французского философа Этьена Кабе описывает обустройство вымышленной страны, в которую попадает англичанин. На первых же страницах путешествия проявляется ненависть к внешней торговле, в частности к таможенной службе: «Меня обворовывали почти на всех постоянных дворах; на одном чуть не отравили; преследовали жандармы или чиновники; терзали и придирались на таможнях. Я был арестован и заключен в темницу на несколько дней за то, что резко ответил на грубость одного таможенного чиновника» [1. с. 90]. Так же: «Заметив несколько больших пароходов, которые, казалось, наблюдали за нами, я спросил капитана, не таможенные ли это суда. — Таможенные! — сказал он с удивлением. — Уже пятьдесят лет у нас нет никаких пошлин: добрый Икар уничтожил этот вертеп воров, более безжалостных, чем пираты и бури» [1. с. 99]. Ещё: «— А так как вы не имеете больше ни налогов, ни денег, ни таможен, ни косвенных налогов, ни акцизов, то вам не нужны ни армия сборщиков и плательщиков, ни армия таможенных чиновников, ни армия агентов фиска? — Нет!» [1. с. 449]. «Отсюда городские и государственные таможи, осмотр вещей путешественников и даже их самих, часто при этом раздаваемых донага чиновниками. Отсюда неурядицы, убытки, неизбежные злоупотребления всякого рода, бесчисленные придирки и невыносимые, унижительные для людей оскорбления, подробный рассказ о которых вызвал бы ваш

гнев» [2. с. 45]. Ненависть к таможенной службе и вытекающая из этого недоброжелательность к внешней торговле и торговле вообще говорит о большой коррумпированности и беспределе чиновников того времени когда жил Этьен Кабе (1788—1856 гг.). Это, к сожалению, встречается часто в прошлом и настоящем. По этому, идеальное общество, по мнению автора, не должно иметь таможенную или какую-либо другую структуру управляющую внешней торговлей. Об этом автор и пишет: «Попечитель, предупредивший нас, что мы должны делать после прибытия, отвел нас всех в отель иностранцев, расположенный около арки, на месте старой таможни, куда наш багаж прибыл сейчас же после нас, причем нам не пришлось о нем заботиться или платить кому-либо» [1. с. 100]. То есть здание, где находилась «таможня» переоборудована в отель для иностранцев. На первый взгляд внешней торговли у Икарии нет, как в прочем и внутренней торговли: «— Я вижу, — сказал я, возвращаясь, — что вы не имеете никакой нужды в торговле» [1. с. 377]. Но так же говорится и следующее «Я уже сказал вам и хочу повторить в немногих словах: у нас установлен режим общности имущества и работ, прав и обязанностей, прибылей и убытков. У нас нет ни собственности, ни денег, ни купли, ни продажи. Мы равны во всем, за исключением случаев, когда это абсолютно невозможно. Мы все одинаково работаем для республики, или общности. Она одна собирает все продукты земли и промышленности и делит их поровну между нами; она одна нас кормит, одевает нас, дает нам жилище, учит нас и доставляет всем нам в равной мере все, что нам необходимо» [1. с. 261]. Из выше сказанного заметим, что всё-таки есть исключения. И это исключение внешняя торговля управляемая непосредственно «республикой», то есть всем обществом людей — государством с другими странами. Исключена торговля частных лиц. Так как у них нет собственности и нет денег. Чем больше писал философ, тем он больше понимал необходимость внешней торговли для идеального общества. Но здесь и скрывается

«подводный камень». В идеальном обществе не должно быть торговли. На то оно и есть идеальное. А торговля по мнению автора — это зло. Вот здесь и проявляется гениальность философа-утописта Этьена Кабе. Общество идеальным становится не сразу. Должен быть переходный период: «Таким образом Икар, народные представители и сам народ организовали переходный период, и трудились над подготовкой режима полной общности» [2. с. 117]. И в этот переходный период можно постепенно уйти от торговли, в том числе и внешней. Сначала отказавшись от частной собственности и денег. Внешнюю торговлю осуществлять обменом: «Кто в состоянии соперничать с ней по своему могуществу в области внешней торговли? Она имеет дело не с частными лицами, а с иностранными правительствами, по крайней мере со своими союзниками. Она сперва устанавливает, какие продукты она должна вывозить и какие ввозить. Сам народ или его представители решают вопрос, и затем правительство производит обмен» [1. с. 379]. Затем отменить торговлю вообще. Когда общество станет идеальным и будет иметь всё лучшее, получать от других государств что-то другое (худшее) не целесообразно. Но в этот переходный период это самое лучшее надо получить, любым способом, в том числе и внешним приобретением. С постепенным уходом от обмена к внутреннему производству. Автор об этом и пишет: «Мы тем временем подошли к месту прогулок верхом. Пред нами прошли сотни небольших кавалькад, мужчин и женщин всех возрастов, изящно одетых, хотя и совершенно иначе, чем наши всадники и амазонки в Лондоне и Париже. Так как я выражал свое восхищение грацией дам и красотой лошадей — статных для мужчин, прелестных для женщин, маленьких и красивых — для детей, то Корилла сказала: — Не удивляйтесь. Решив, что мы будем иметь удовольствие от верховой езды, республика особенно позаботилась о нашем коневодстве и даже закупила за границей лучшие породы лошадей» [1. с. 173]. Так же «Например, ты видел в саду дыню, чудовищную по размерам и лучшую по качеству, чем все наши прежние дыни. Так вот, еще тридцать лет назад у нас не было дынь, и первые дыни, привезенные из соседней страны, были посредственными и по вкусу, и по величине, тогда как теперь они так же велики, как и вкусны, и их так много, что все икарыйцы наслаждаются ими» [1. с. 373]. И ещё «Икарыйцы не только заимствовали из-за границы оспопрививание с целью предотвратить такой бич, как оспа, которая обезображивала людей и уносила их массами в могилу. Они ввезли или открыли много других средств с целью предотвратить другие, почти столь же страшные бедствия, и в то время как гений воспитания учит заик говорить плавно, глухонемых — все понимать глазами и все говорить пальцами, слепых — все видеть при помощи осязания, хирургия возвращает речь немому, слух — глухим, зрение — слепым и члены тела — тем несчастным, которые лишились их» [1. с. 298]. И в результате работы общества в переходный период, то есть обширной и качественной внешней торговле, жители Икарии добились того, что стали иметь идеальные товары.

Лучшие в мире: «Республика не щадила никаких средств, чтобы заимствовать из чужих стран все, что у них было лучшего в области сельскохозяйственных приемов, видов растений и пород животных. Поэтому наши лошади, быки, бараны и наша шерсть так же неузнаваемы, как наши зерновые хлеба и овощи, наши плоды и цветы» [1. с. 373]. Только имея, по мнению философа, самые лучшие товары внутри «полуидеального» общества, где уже нет торговли, а только внутреннее распределение, можно отказаться от внешней торговли.

Но торговля, в общем её смысле, включает в себя, как мы знаем, не только торговлю товарами, она так же включает в себя торговлю или обмен услугами и рабочей силой. Этьен Кабе и этот вопрос решил переходным периодом. В идеальном обществе и люди должны быть идеальными. А вот в переходный период их главная задача избавиться от пороков. На первом этапе стоит отказ от частной собственности и денег: «— А биржевые маклера? Как перенесли они отмену их функций и гибель их состояния? — Как все богатые. Режим полной общности их одним ударом разорил и обогатил, чтобы сделать более счастливыми. — А иностранцы, которые владели недвижимостью в стране? — Они были вынуждены продать ее икарыйцам или были экспроприированы и получили вознаграждение в силу старого закона об экспроприации в интересах общественной пользы. Иностранцам было запрещено также приобретать в будущем какую-либо собственность. — Вы, значит, изгнали таким образом иностранцев? — Нет, мы допустили их, как и вас теперь, но они должны платить республике справедливое вознаграждение за питание и другие расходы» [2. с. 129]. А затем в этот же переходный период правительство привлекало в это будущее идеальное общество людей способных улучшить его: «Республика постепенно получила даже миллион иностранных рабочих, которые устроились и обзавелись семьями в стране. Но она допускала только красивых или талантливых людей, чтобы в одно и то же время улучшить тип населения и развить промышленность. Народное представительство организовало и регулировало торговлю и промышленность, планируя производство товаров и размещение рабочих. Оно даже превратилось в крупного торговца и фабриканта от имени народа, ибо оно предписало экзекутиве произвести за границей громадные закупки сырых материалов и организовать огромные республиканские мануфактуры и мастерские, чтобы производить наиболее необходимые для народа ткани, одежду, мебель и изготовлять все части — каменные, деревянные, металлические, необходимые для постройки домов» [2. с. 114]. Это и есть внешняя торговля (обмен), если можно так выразиться, трудовыми ресурсами. Люди не выгодные идеальному обществу, не приветствующие идеалов общности покидают место, территорию будущего совершенства. И принимая в своё общество людей проживающих за границей. Если человек принимал идеи общества он становился его частью, если же нет, то замете, он платил республике за

расходы. Об этом говорится и в самом начале путешествия, когда уже переходный период закончился и по замыслу автора Икария уже была идеальным обществом: «Когда я ответил, что хочу провести там четыре месяца, он (консул) заявил мне, что паспорт мой готов, и пригласил меня внести в кассу двести гиней за меня и столько же за моего спутника, согласно тарифу цен, соответствующих продолжительности нашего пребывания в Икарии» [1. с. 93]. Для чего спрашивается идеальное общество, у которой нет торговли как внутренней, так и внешней, получать плату за посещение их государства. Ответ прост у каждой страны, если она не закрыта от других стран, есть представительства в других государствах. Вот им и требуются деньги или какие-либо ещё средства обмена для проживания. А это не торговля, а вынужденная мера существования там где нет общности имущества.

И всё-таки внешняя торговля в идеальном обществе не исчезает. Она как писал философ остается вынужденной мерой только в исключительных случаях и полностью контролируется государством: «Каков принцип по отношению к торговле? — Внешняя торговля находится в руках республики, а внутренняя торговля есть только распределение, производимое республикой» [2. с. 478]. Полностью избавиться от внешней торговли можно только в идеальном обществе без территориальной зависимости, в глобальном, мировом идеальном мире. В мире без изолированности, без замкнутости, без границ. А это

даже теоретически недопустимо. Возможность собрать людей в одном месте с одними и теми же идеалами можно, по крайней мере, в утопическом произведении. Но всех людей, всего мира, подвергнуть одной идеологии и одному, пусть даже и приближенному к идеальному, устройству общества, как мы знаем из истории нереализуемо.

На примере произведения французского философа Этьена Кабе «Путешествие в Икарию» можно сделать вывод, что внешняя торговля в идеальном обществе существует, хотя и приобретает черты улучшения, по мнению автора. Отсутствие пошлин, налогов и так далее, что приводит к отмене таможенной и налоговой системы. Отмена частной торговли и частной иностранной собственности на территории идеального государства. Всё управляется правительством идеального общества с полным планированием, осуществлением и контролем на государственном уровне. Во время издания книги 1840 году сознание философа, и об этом не раз он пишет в книге, противится современному для него общественному обустройству и ищет концепт идеального общества. Согласно которому все люди будут жить лучше. Уроком для нас, в размышлениях автора, может служить то, что сложнее не значит лучше. Упрощение, отсутствие или уменьшение препятствий (на пример во внешней торговле), выдуманных самим человеком, может привести не к идеальному, ну хотя бы к более улучшенному обществу. Актуальность этой проблемы не исчезает и в современном нам обществе.

Литература:

1. Кабе Э. Путешествие в Икарию. Часть I; общ. ред. В. П. Волгин, М., 1948 г.
2. Кабе Э. Путешествие в Икарию. Часть II и III; общ. ред. В. П. Волгин, М., 1948 г.

Влияние субкультур на становление личности в подростковом возрасте: социально-философский анализ (на примере Кабардино-Балкарской Республики).

Гатиатуллина Эльвира Ринатовна, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин, старший специалист отдела разработки контента;

Орлов Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин, магистрант второго курса «Государственное и муниципальное управление»

Московский университет имени С.Ю. Витте (МИЭМП)

Актуальность выбранной темы обусловлена появлением в последнее время большого количества разнообразных субкультур и ростом интереса к их изучению, в частности, субкультур, связанных с творческой реализацией молодежи.

Ключевые слова: субкультура, контркультура, молодежные движения, подростковый возраст.

Современная российская молодежная субкультура во многом носит суррогатный характер — она наполнена искусственными заменителями реальных ценностей: подражание отношениям взрослых с системой господства и доминирования сильных личностей; призрачное участие в приключениях экранных и литературных героев вместо

реализации собственных стремлений; наконец, бегство или неприятие социальной действительности вместо ее переустройства и совершенствования.

Круг российских субкультур разнообразен и включает дифференциацию по досуговым занятиям, этническими особенностями, по стилю поведения и образу жизни.

В этом смысле особого внимания заслуживают процессы, которые происходят в молодежной среде. Ведь именно молодые люди являются более подверженными внешнему влиянию. Они, как правило, не обременены противоречивым опытом прошлого с присущими ему ценностными и поведенческими установками. Молодежь, которая определяет будущее любого общества, уже сегодня существенно влияет на его содержательные характеристики.

Среди молодежных субкультур, которые часто встречаются в России, можно обозначить следующие: граффитчики, готы, металлисты, панки, рэйверы, хип-хоперы, эмо и др. Чаще всего, субкультуры, представленные в современном российском обществе, являются просоциальными и позитивно влияют на социализацию и саморазвитие молодежи, но стоит также обратить внимание на асоциальные субкультуры, такие как, например, субкультура скинхедов, которая представляет собой угрозу для общества и морально разлагают молодежь, отвергая толерантность и межэтническое равенство. В российские молодежные субкультуры вовлечена молодежь от 14 до 35 лет, приблизительно одинаково представленная обоими полами.

Целью данной статьи является изучение субкультур и проблем ее вхождения в общую культуру. **Объектом же исследования** в данной работе является субкультура как социальный феномен, а так же подростки старшего школьного возраста (16–17 лет).

Данное исследование проводилось с помощью анкетирования. Нами была разработана анкета и проведено социологическое исследование, рассчитанное на учащихся школы, а так же на пользователей социальных сетей, в данном случае «В контакте» [15, с. 35], в такой же возрастной категории. Исследование предполагает изучение мнения представителей молодого поколения на тему: «*Влияние субкультуры на становление личности в подростковом возрасте: социально-философский анализ (на примере Кабардино-Балкарской республики)*», а так же на изучение представлений молодежи о существующих молодежных сообществах, степени включенности респондентов в них и отношении подростков к некоторым субкультурам. В социальном опросе, проходившем в 10-х, 11-х классах МОУ «СОШ» № 9 города Нальчика, участвовало 135 учеников. В ходе исследования было предложено написать, что значит, по их мнению — «субкультура».

48,1 % считают, что субкультура — группа людей с общими интересами, принципами; 36,3 % считают, что субкультура — это часть общей культуры; 5,9 % предположили, что — это течение молодежи-единомышленников; 3,7 % ответили, что для них субкультура ничего собой не представляет; 5,2 % посчитали, что субкультура — неформальная, нетрадиционная культура, противопоставленная общепринятой, уходящая от традиционных ценностей и благодаря которой молодые люди выражают протест, свое несогласие с обществом, тем самым бросая вызов.

Наиболее известными субкультурами среди молодежи городского населения являются:

- готы (97,7 %), эмо (94,8 %), панки (78,5 %),
- скинхеды (51,8 %), рокеры (48 %), отаку (42,2 %),
- реперы (35,5 %), растафари (26 %), хиппи (25 %),
- паркур (20 %), ска (19,3 %).

Менее всего подростки выделяли такие субкультуры как гопники, k-роп, j-госк, готика-лолита, скейтеры, райтеры, геймеры, кибер-готы.

На вопрос анкеты, «К какой субкультуре вы себя причисляете?»:

87,5 % респондентов не отнесли себя к какой-либо субкультуре.

2,2 % — принадлежат к рокерам, 2,2 % — к растаманам.

2,2 % — k-ропег, j-rocker, 2,2 % — реперы.

0,74 % — ска, 0,74 % — хип-хоп, нью-эйдж.

0,74 % — готы, 0,74 % — скейтеры, райтеры.

0,74 % — геймеры.

Далее мы выясняли мотивы участия молодежи в неформальных группах. Респонденты назвали следующие причины:

- желание выделиться из толпы (19,2 %);
- непонимание в семье и обществе (14,9 %);
- интерес попробовать что-то новое (12,7 %);
- влияние компаний и друзей (12,4 %);
- выражение протеста (10,1 %);
- желание изменить стиль жизни (9,6 %);
- проявление мировоззрения (8,4 %);
- желание найти новых друзей (4 %);
- все перечисленное (8,6 %).

На вопрос «**Какие трудности испытывают представители молодежных субкультур?**», школьники отвечали:

- унижение, презрение (33,3 %);
- непонимание друзей (29,9 %);
- противопоставление основной культуре (28,6 %).

7,4 % подростков считают, что помимо перечисленных проблем, представители субкультур испытывают следующие трудности: непонимание и неодобрение их увлечений со стороны родителей, близких, а так же общества в целом; испытывают трудности из-за того, что не могут четко сформировать и поставить цель в жизни; часто подвергаются физическому насилию, ограблению, оскорблениям и насмешкам над их внешним видом, интересами, что затем отрицательно сказывается на развитии их личности и вследствие чего подросток-неформал становится агрессивным изгоем.

Мнение 0,4 % сводится к тому, что представитель субкультуры находится между непростым выбором. С одной стороны это родители, которые настроены против новых интересов своего ребенка, а с другой стороны — друзья-неформалы, которые поддерживают «товарища по оружию». Из-за моря новых ярких, впечатлений юный неформал не может адекватно решать и действовать. Он не может определиться: покинуть ли ему свой новый круг друзей и угодить родителям, либо оставаться в не-

формальной молодежной среде, развлекаться, общаться, с удовольствием проводить время, но по приходу домой конфликтовать с родителями и нагнетать обстановку. Подростку довольно трудно сделать выбор, особенно если в силу возраста им руководят эмоции.

Еще одна несколько иная точка зрения: 0,4% — считают, что представители субкультур вообще не испытывают особых трудностей в жизни. Их не волнует непонимание, презрение, усмешки в их адрес, а, напротив — для них самое главное — противостояние традициям и нормам, ощущение некоего противостояния, бунта.

На вопрос о «Создании собственной субкультуры, ее отличительных признаков, идеологии, правил, норм» мы получили такие результаты:

81,8% — не нашли в себе желания создавать субкультуру;

5,9% — идеология этой субкультуры основывалась бы на уважении и воспитанности. Стержневая основа, которой опиралась на учение по психологии. Ее представители бы увлекались спортом, пропагандируя здоровый образ жизни, а так же призывали бы людей к самосовершенствованию путем образования. Субкультура не противоречила бы основам правил и норм общества и не держала бы в себе экстремизм.

3,7% — создали бы субкультуру, идеологию которой составляет помощь людям, попавшим в трудные жизненные ситуации. Внешний вид не отличался бы от по-

вседневного. Эта субкультура не привлекала бы к себе негативного внимания, не отрицалась обществом, вела людей к позитивным эмоциям, поступкам, мыслям. Пропагандировала мир во всем мире и толерантное отношение ко всем представителям национальностей.

2,2% — субкультура создавалась бы на общих началах. Ее сущность заключалась бы в справедливости и равенстве.

1,5% — идеологию составляло бы чтение. Организация встреч, вечеров, на которых бы обсуждались книги. Возможно совместное, коллективное творчество представителей субкультуры. Внешний вид содержал бы в себе все тенденции мира моды.

0,74% — представители субкультуры могли бы свободно и смело излагать свое мнение, касающееся политики. Особенностью этой субкультуры является то, что ее «автор» выступает против конфликтов между неформалами из разных субкультур. Представители данной субкультуры не испытывали бы негативных чувств к другим субкультурам (исключая некоторые из них) и к ее участникам, напротив, они бы тесно общались, сотрудничали, и, возможно, мы стали бы свидетелями зарождения абсолютно новой и, как мне кажется, во всем положительной субкультуры.

То есть школьники не замечают таких представителей как реперы, отаку, растаманы, рокеры. Чувствуют отторжение — к скинхедам, эмо, готам, панкам. Чувствуют симпатию — к паркуристам.

Таблица 1. «Что вы чувствуете при встрече с представителями перечисленных субкультур?»

	Не замечаю этого человека	Чувствую отторжение	Чувствую симпатию
Готы	38,2%	56,6%	5,1%
Эмо	35,2%	57,4%	7,4%
Отаку	43,7%	35,5%	20,7%
Панки	33,3%	55,5%	11,1%
Скинхеды	14,3%	85,7%	0%
Реперы	51,9%	16,3%	31,9%
Паркур	30,8%	6%	63,2%
Растаманы	41,9%	40,4%	17,6%
Рокеры	41,5%	22,2%	36,3%

Таблица 2. «Оцените деятельность перечисленных субкультур»

	Созидательный характер	Разрушительный характер	Развивающий характер	Разрушающий личность характер	Не знаю эту субкультуру
Готы	8,3%	44,4%	0,69%	41,6%	4,9%
Эмо	4,6%	31,3%	1,5%	56,5%	6,1%
Отаку	20%	24,4%	12,6%	28,1%	14,8%
Панки	11,5%	39,7%	3,8%	31,3%	13,7%
Скинхеды	1,5%	42,7%	0%	50,4%	5,3%
Реперы	45,1%	10,5%	23,3%	9,8%	11,3%
Паркур	32,8%	3,05%	54,1%	3,8%	6,1%
Растаманы	15,9%	31%	4,5%	29,5%	18,9%
Рокеры	38,4%	20,3%	24,6%	9,4%	7,2%

На следующий вопрос «**Оцените деятельность перечисленных субкультур**» респонденты ответили:

По последним двум таблицам, можно сделать вывод, об оценке деятельности той или иной субкультуры, по мнению подростков: **созидательный характер деятельности** — реперы, рокеры; **разрушительный характер деятельности** — готы, панки; **развивающий характер деятельности** — паркур; **разрушающий личность характер деятельности** — скинхеды, эмо, растаманы, отаку.

Таким образом, в ходе исследования нами сделана попытка выяснить представленность разнообразных субкультур на территории города Нальчик, осведомленность подростков и их отношения к ним [4, с. 170].

Интернет-опрос.

Рассмотрим результаты исследования интернет опроса проведенного среди пользователей социальной сети того же города.

На вопрос, «**Как вы оцениваете роль субкультур?**» проголосовало 152 человека:

- в зависимости от вида субкультуры (39,9 %);
- однозначно позитивно (36,2 %);
- в зависимости от возраста (13,8 %);
- не оказывает никакого влияния (13,2 %);
- однозначно негативно (2 %).

Судя по этим данным можно сделать следующий вывод: большинство молодых людей имеют представление о субкультурах, с учетом всех их особенностей, следовательно, могут судить об их деятельности. И чуть меньшее количество молодежи испытывают явные симпатии к субкультурам.

На вопрос, «**К какой субкультуре вы себя причисляете?**» — 171 респондент ответили:

- эмо (25,1 %);
- панки (18,1 %);
- готы (13,5 %);
- хиппи (5,3 %).

38 % опрошенных, указали, что принадлежат к другим субкультурным сообществам. Среди них были такие как: треш, ска, неформалы, стрейт-эйдж, рос сог, анимешник, бывший панк и неформал.

Следовательно, все опрошенные являются представителями тех или иных субкультур, отдаются предпочтения таким направлениям как ска, треш, отаку, затем эмо, панки готы, хиппи.

На вопрос анкеты «**Если бы вы могли создать свою собственную культуру, то какой бы она была (отличительные признаки, идеология, правила и нормы)?**» — ответили два человека.

Субкультура одного из них носила бы название — «псих-культура». «Внешний вид ее участников не имел бы ярко-выраженных отличительных черт. Правила: нет правил! Единственное — не следуй за толпой однообразных людей, будь обычным психом, который никому ничего не должен, эгоистом. В «псих-культуру» могут входить люди любой национальности. Главный девиз: трава, хаос, секс без обязательств». *Наталья В.*

Здесь можно провести четкую параллель и разглядеть связь с контркультурой, название говорит само за себя [2, с. 315].

Цитируем второй ответ: «Я бы исключил из субкультур всех позеров (молодых людей, причисляющих себя к некоторой субкультуре и способных лишь перенять её внешние отличительные признаки), которые только позорят эмо, гот и треш культуры. Они портят их все! Начиная от внешнего вида и заканчивая манерой поведения. Из-за таких людей неформальные культуры теряют свои краски и перестают быть собой». *Даниил Т.*

Возьмем, к примеру, субкультуру эмо. В настоящее время из-за широкой популяризации этой субкультуры многие забывают о ее истинном значении и фокусируют внимание только на внешнем виде. Вследствие этого произошло разделение среди её представителей: истинные эмо называют себя «тру» (от англ. true — правда, настоящее), а тех, кто отдаёт предпочтение популярности и моде, а не музыке — называют «позерами» (англ. poseur — подражатель). Конфликт между «подражателями» и истинными представителями субкультуры эмо перерос в явление так называемых «антиэмо». Они в свою очередь преследуют «позеров» и отрезают им чёлки — характерную черту внешнего вида эмо-кидов.

Заключение: Подводя итог данного научного исследования, хочется отметить, что на сегодняшний день в России, в связи со сменой политической и экономической ориентации государства, основные традиционные агенты социализации находятся в кризисе, а, следовательно, обществу необходимы новые источники ценностей, норм и морали, одним из которых для молодежи является субкультура.

Проведенный анализ данного исследования позволяет сделать вывод, что по специфике выделяют: просоциальные молодежные группы (не несут угрозу обществу), асоциальные (несут критику устоям общества, но это противостояние не носит крайнего характера) и антисоциальные (подвергают критике общественные порядки пытаются сломать). А так же выделить функции, которые выполняет молодежная субкультура, а именно: творческая (помощь молодому человеку в самореализации), инструментальная (улучшение своего имиджа), компенсаторная (компенсация личной независимости). Как правило, желание принадлежать к какой-либо субкультуре с возрастом исчезает, а, следовательно, к этому нужно относиться как к определенному этапу развития молодого человека. Следует отметить, что не все типы молодежной субкультуры положительно влияют на молодежь — некоторые типы молодежной субкультуры в России несут в себе элементы криминализации общества, менталитет западных стран, способствуют формированию ценности развлечений, вместо реализации себя как творческой личности. Эти воздействия в разной мере присущи тем или иным субкультурным феноменам. Некоторые из молодежных субкультур могут создавать платформу для развития негативных тенденций в молодежной среде.

Как показал проведённый опрос, осмысление и создание своей субкультурной идеологии не свойственно молодому поколению россиян. Для них субкультура — это мозаика социокультурных образований, фрагментарно рассеянная в молодежной среде, новые веяния Запада и продукт информационных технологий.

Подводя итог, хотим отметить, что молодежь — это движущая сила любого общества и его будущее. Молодежная субкультура, безусловно, важна для социума, играя немаловажную роль в социализации и становлении личности молодого человека. Она с одной стороны влияет положительно, когда дает толчок к саморазвитию и реализацию творческих способностей молодежи, а с другой, в некоторых случаях, может культивировать приоритет

потребления готовой продукции над креативом, а так же стимулировать девиантное поведение, в зависимости от своей направленности и идеологии [3, с. 180].

К сожалению, в российском обществе не уделяется должного внимания развитию и поощрению просоциальных субкультур и отсутствует усиленный контроль субкультур асоциального и антисоциального типов. Проблематика молодежной субкультуры и молодежных объединений достаточно нова для нашего общества, поэтому она еще носит более теоретический характер и требует глубокого осмысления сквозь призму не только культурологической науки, но и других сфер жизнедеятельности общества и социальных институтов.

Литература:

1. Карпиленя С. С. Молодежная субкультура как способ социализации молодежи в условиях модернизации общества: автореферат диссертации ... кандидата социологических наук: ФТОУ ВПО «Южный федеральный университет» / С. С. Карпиленя. — Ростов на Дону, 2009. — 34 с.
2. Гатиатуллина Э. Р. Феномен современной молодежной субкультуры // Актуальные социально-экономические и правовые проблемы развития России: Материалы X Международной научно-практической конференции. — М., МФЮА, 2012. — С. 312–317.
3. Гатиатуллина Э. Р. Проблемы изучения неформальных групп // Наука и устойчивое развитие: Сборник статей III Всероссийской научной конференции. — Нальчик: КБИГИ, 2009. — С. 197–203.
4. Гатиатуллина Э. Р. Маркерные составляющие готической субкультуры // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. — Нальчик, 2012. — Т. 14. — № 1. — С. 169–172.
5. Гатиатуллина Э. Р. Молодежные субкультуры как аспект российской трансформации // Вестник Российского философского общества. — М., 2010. — № 4 (56). — С. 178–179.
6. Гатиатуллина Э. Р. Основные философские категории // Молодой ученый. — Чита, 2011. — № 1 (24). — С. 117–118.

Понятие свободы в философии Э. Фромма и Ф. Ницше как проявление человеческой сущности

Гречкосей Руслан Николаевич, аспирант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

В статье освещено понимание Э. Фроммом и Ф. Ницше проблемы проявления человеческой сущности, отчуждения человека в обществе и определены пути ее преодоления. Рассмотрены типы свободы и механизмы бегства от свободы.

Ключевые слова: человек, свершенный человек, индивид, общество, негативная свобода, позитивная свобода, спонтанная активность, любовь.

In the article is exposed E. Fromm's and F. Nietzsche understanding of the problem of human's alienation in society and are provided the ways to overcome it. Philosophers considered types of freedom and mechanisms of escape from freedom.

Key words: man, the accomplishment of man, the individual, society, negative freedom, positive freedom, spontaneous activity, love.

Проблема сущности человека находится в центре философского учения о человеке. Человек представляет из себя многомерное существо, отмечают: Б. Галимов,

В. Кемеров, А. В. Лукьянов, Г. Маркузе, П. Сорокин, А. Печчеи и др. Значительный вклад в осмысление проблемы единения человечества на пути цивилизации и зна-

чения «свободы», развития отмечали: Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Д. Локк, И. Кант, И. Фихте, Ж. Ж. Руссо, Г. Гегель, Ф. Ницше, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Фромм и другие. Жизнедеятельность человека протекает в различных сферах его общественного и индивидуального бытия: политической, экономической, духовной, нравственной, эстетической, интимной и т.д. Фундаментальное качество человеческой личности как свободы.

В жизнедеятельности «свобода» как категория обнаруживает различные грани, проявляется как свобода слова, свобода творчества, свобода личности, свобода выбора, свобода вероисповедания и т.д. Иными словами, многогранность и вариативность общественных отношений обуславливают многообразие проявлений свободы, различные ее виды.

Для личности обладание свободой является главным условием ее функционирования и развития. Именно благодаря свободе личности человек приобретает способность не просто приспосабливаться к окружающей действительности, но и преобразовывать ее в соответствии со своими целями. Однако, абсолютной свободы личности нет и не может быть ни в каком обществе. Условия природного и социального бытия личности связаны с определенными рамками поведения и морали. «Мораль и ограничивает свободу воли, и определяет, формирует положительную свободу как способность самоутверждения истины, добра, красоты и вопреки обстоятельствам. Этим положительная свобода отличается от свободы произвола как вседозволенности» [4, с. 30]. Личность может обрести лишь относительную свободу, когда она познает условия своего бытия, и овладеть ими. Попытки осознания природы человека и смысла его жизни естественным образом приводят к понятию совершенного человека, воплощающего в себе «добродетеля». Совершенно очевидно, что каждая религия, каждое общество, каждая философская система имеют свой взгляд на эту проблему.

Человеческое существование есть бытие индивида как целостного существа во всём многообразии форм, видов и свойств его проявления. Проблема человеческого существования имеет не менее важное значение, чем проблема сущности человека. Своё наиболее полное выражение она нашла в философии существования или экзистенциализме. Человеческое существование трактуется здесь как человеческое бытие, соотносённое с трансцендентией, выходом человека за рамки индивидуально — реального, посюстороннего мира. Конечность существования человека задана и обнаруживается уже в том, что его существование рассматривается под углом зрения конечности, смертности. Отсюда существование — это всегда индивидуальное существование. Это существование, в котором хотя и живут вместе, но умирают в одиночку. Поэтому в экзистенциализме индивид и общество рассматривается как противоположные образования, находящиеся в постоянном и непримиримом конфликте. Индивид — это личность, общество — это безличность, так социальная сущность человека рассматривается здесь как

субъекта исторической деятельности и общения.

Человек обладает Свободой и в силу этого ответствен за свои действия. Но условия, в которых реализуется его свобода, подчинены законам внешней и его собственной природы. Достижение реальной свободы в процессе исторического развития осуществляется путем осознания и практического освоения, как внешнего мира, так и внутреннего путем раскрепощения человека, освобождения от всех видов духовного гнета. Таким образом, человек не вещь среди вещей, лишь включенных в систему природных и социальных детерминаций, он есть существо, способное, по И. Канту, начинать причинный ряд. Способен осуществлять то, что получило название детерминации из свободы. В качестве субъекта человек есть творец мира и самого себя, но не произвольно, а в определенных, заранее данных, наработанных историей и природой объективных обстоятельствах и условиях.

В условиях глобализации одна из важных проблем — это свобода человека. Ведь в условиях глобализации меняется понимание уровня и качества человеческой жизни в странах, активно включающихся в процесс глобализации, и странах, не нашедших себя в этом процессе или сознательно изолировавшихся. Сегодня остро стоит вопрос о понимании и обеспечении свободы человека как самореализация личности. Свобода — по словам Э. Фромма изолировала его. Эта изолированность определяет выбор: избавиться от свободы с помощью новой зависимости либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на индивидуальности и повторяемости каждого. «Страх перед свободой, стремление «бежать» от нее становятся главными характеристиками современной личности. Современный человек оказывается в таком положении, при котором у него отсутствуют не только цели, но и социальные потребности, средства для удовлетворения которых уже существуют» [11, с.15–24].

Свобода — одна из философских категорий, характеризующих человека как многомерного, что определяется возможностью личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего и внешнего принуждения. Произвольное ограничение свободы личности, жесткая регламентация ее сознания и поведения, низведения человека до роли простого «винтика» в социальных и технологических системах наносит ущерб как личности, так и обществу. Древние цивилизации имели традиционные ценности, в том числе и высшие. Но постепенно, к XX веку, была достигнута высокая степень абстракции ценностей жизни, определяющих ее смысл: абстракции, абстракции идеального типа общества, абстракции идеального Человека (группы, слоя, класса).

Известно, что Человек в момент рождения представляет собой в общем «*Tabula rasa*», на котором можно написать что угодно. Постепенно он может объявить себя в перспективе кем угодно, вплоть до «сверхчеловека» по Ф.Ницше [14]. Ф. Ницше выступал против господства разума над жизнью. Центральным понятием его учения

является понятие «жизнь», понимается и как биологическое явление, и как общественное, и как субъективное переживание. Основой любой жизни является «воля к власти», которая для человека выступает определяющим стимулом его деятельности и тем началом (инстинктивным), которому подчинен весь ход мирового процесса. «Воля к власти» опирается на «свободу воли» и эквивалентна здесь «свободе выбора», «решения» и т.д. Свобода, как и мораль в целом, обладают одной уникальной особенностью, которая, впрочем, очень характерна для пространства культуры. Э. Фромм отмечает, что человек одновременно осуществляет в своей жизни и эмпирическое — феноменальное, и сверхчувственное — ноуменальное. В человеке проявляется «стремление к благу»; «братству и любви», «вере и глубокой религиозности» [12]. Высшая форма «свободы воли» («позитивная свобода») состоит в нравственной автономии, самозаконодательстве разума.

Философия Ницше связана с проблемой свободы, определяя ее как проблему самотрансценденции человека — преодоления себя как фактической данности, прорыва в сферу возможного. «Та степень, в которой стала господствовать наука, указывает, насколько освободилось девятнадцатое столетие от власти идеалов. Известное «отсутствие потребностей», характеризующее нашу волю, впервые дало возможность развиваться научной любознательности и строгости — этому по преимуществу нашему виду добродетели...» [6]. Ф. Ницше также первым противопоставил негативной характеристике «свободы от» позитивную характеристику «свободы для» [14]. Он считал себя учеником А. Шопенгауэра и разделял его иррационалистические взгляды на мир, которые он понимал, как вечное становление, вечной поток, где всё возвращается на «круги своя». А. Шопенгауэр возвращается к Спинозовскому толкованию свободы воли как иллюзии человеческого рассудка: атрибут свободы приложим не к феноменальному действию, а к ноуменальному бытию (воле как вещи в себе) и практически сводится к верности своему умопостигаемому характеру. А. Шопенгауэр также высоко оценивала волю к власти. Воля — это «абсолютно свободное хотение» [13]. Свобода человека, которая заложена в потенции к воле, заключается в его способности определять направленность своего сознания. Человек часто не стремится жертвовать своей свободной волей, а наоборот, отрешается от всего, привносимого в сознание, методом сомнения, направляя волю на познание. Духовное в этом смысле заключается в осуществлении потенций свободной воли.

Отказу Шопенгауэра от «воли к жизни» Ницше противопоставил утверждение в жизни «воли к власти». От Шопенгауэра его отличает и то, что время он не считает формой, привносимой субъектом, а рассматривает его как характеристику самой воли. Соответственно и начало индивидуации коренится не в формах созерцания, как это было у Шопенгауэра, а в самой воле к власти. Как и Шопенгауэр, Ницше исходил из того, что в ос-

нове мира лежит бессознательная воля, дающая начало всему сущему. Исходя из этого, бессознательное в философии Ницше кладется в основу, как познавательных процессов, так и всей человеческой деятельности. Для объяснения всех проявлений жизнедеятельности людей он вводит понятие «воля к власти», трактуя ее в качестве природно данного, бессознательного инстинкта каждого человеческого существа. Сознание же вторично и вообще исчезает, уступив место автоматизму. Философия А. Шопенгауэра и Ф. Ницше оказала большое влияние на формирование психоанализа. Ф. Ницше, попытался предложить «переоценку ценностей» с точки зрения «воли к власти» как важнейшей ценности [5, с.3]. Если использовать глубокую мысль Ф. Ницше, сама постановка вопроса о том, каков мир и человек на самом деле. В основе представлений человека о себе и мире лежат фундаментальная темпоральная структура и цели доминирования, использования, удовлетворения желаний. Подчеркивая значение эмоционального, инстинктивного и бессознательного в жизни человека, Ф. Ницше отмечал, что не следует изолировать человека от его объективных связей, превращая в основу его существования иррационально-жизненное становление бытия, в результате чего во главу угла ставится жизнь, понимаемая или биологически, как стремящиеся к освобождению жизненные силы и порывы. На место хрестоматийного понятия «бытие» как основы и сущности всего существующего Ф. Ницше выдвигает термин «жизнь», с ее вечным движением и становлением. «Воля к власти», по Ф. Ницше, — это не только основной, но и единственный принцип всего совершающегося, то единое, что лежит в основе всего многообразного» [6]. Автор пишет: «Генрих Ибсен стал мне отчетливо понятен. При всем своем здоровом идеализме и «воле к истине» он не осмелился сбросить с себя оковы того морального иллюзионизма, который говорит «свобода» и не хочет признаться себе в том, что такое свобода: вторая ступень в метаморфозе «воли к власти» со стороны тех, кто лишен ее. На первой требуют справедливости от тех, в руках которых власть. На второй говорят «свобода», т.е. хотят «отделаться» от тех, в чьих руках власть. Натретьей говорят «равные права», т.е. хотят, пока сами еще не получили перевеса, воспрепятствовать и другим расти в могуществе» [6]. «Воля к власти» — это прежде всего критерий значимости любого из явлений общественной жизни. Именно в этой роли она выступает в ницшеанской концепции познания, истории, нравственности, трактовке судеб человечества. Право, воплощая общую, согласованную волю участников общественных отношений, способствует развитию частных интересов, является выразителем и определителем (масштабом) свободы личности в обществе, направлено на ликвидацию произвола («свобода от»), уничтожающего свободу («свободу для»).

Для XX столетия характерно осознание новой разновидности детерминизма — детерминации сознания и поведения объективными условиями существования, со-

циальным и культурным окружением, «общественным бытием» К. Маркс и «общественным бессознательным» Э. Фромм.

Э. Фромм — философ-исследователь, неотрейдицист затронувший вопросы о смысле человеческого бытия, о его моральных и нравственных нормах. Подвергнув критике ряд положений классического психоанализа в толковании внутри психических процессов, но оставив важнейшие его концепции (иррациональные мотивы человеческой деятельности, изначально присущие каждому индивиду и т.д.), представители неотрейдицизма исследовали межличностные отношения. В стремлении ответить на вопросы о человеческом существовании, о том, как человек должен жить и что должен делать. Исходным положением неотрейдицизма явился так называемый принцип приоритета социального (Э. Фромм). Истоками детерминизма (обусловленности) выступает не биологическая природа человека, а природа личности, которая формируется через систему межличностных отношений.

Отклоняя биологизаторскую концепцию человека с ее учением о либидо и сублимации, неотрейдицизм придерживается принципа, что «собственно человеческое начинается там, где оканчивается его природа». Психика человека рассматривается всего лишь как механизм адаптации личности к социальной среде, а всякое нарушение социальной идентичности воспринимается как патология. В психике нет ничего, кроме отношений к другим людям и объектам. Неотрейдицизм социологизирует психику и психологизирует социальное.

Это позволило Э. Фромму заметить радикальные изменения общества, которые возможны, но только с помощью психологического формирования личности, ориентированной на то, чтобы быть, а не на то, чтобы иметь. Ведь свобода ощущается индивидом прежде всего как личное чувство, как субъективное явление, заключающееся в возможности самостоятельно сделать выбор. На следующих ступенях свобода выбора переходит в свободу решения, а затем в свободу действия, свободу творчества и самовыражения. Основная концепция Э. Фромма, представителя американской линии франкфуртской школы, философа, психоаналитика, изложена в работах «Бегство от свободы», «Здоровое общество», «Современный человек и его будущее», «Иметь или быть» и др.

В своих исследованиях Э. Фромм так же как и Ф. Ницше диагностирует природу и общественную сущность человека, состояние современного индустриального общества, формирует идеал «здорового» общества и нормальной человеческой жизни. Однако, в противоположность классическим учениям психоанализа Э. Фромм стремится рассмотреть философско-этическую проблематику, не проводя демаркации между «природной» и «духовной» сферами человеческого бытия. Обращаясь к традиции гуманистических этиков прошлого, в частности к творчеству Спинозы и Аристотеля, а также к творческому наследию К. Маркса, Э. Фромм подчеркивает необходимость рассмотрения человека в его целостности, полагая

источниками норм этической регуляции внутреннюю природу самой личности.

Свобода — способность человека поступать соответствуя своим желаниям, интересам и целям на основе знания объективной действительности. Свобода — в самом общем смысле, наличие возможности выбора, вариантов событий. Отсутствие выбора вариантов равносильно отсутствию свободы. Ведь свобода является одним из проявлений случайности, управляемая свободой воли (преднамеренность воли, осознанная свобода) или стохастическим законом (непредсказуемость утечки события, неосознанная свобода). Все процессы, как физические, так и духовные, в трактовке Ф. Ницше являются частью мирового процесса, и одним из проявлений свободы — воли к власти. «Полное изменение смысла: воли налицо так мало, что самое слово становится свободным и может быть употреблено для обеспечения чего-либо другого. Дальнейшие теории: учение об объективности, о «бесстрастном» созерцании как единственном пути к истине, — также и к красоте (вера в «гений» для того, чтобы иметь право подчиняться); механичность, обезличивающая косность механического процесса; мнимый «натурализм», исключение наблюдающего, сулящего» [6]. Освоение же человеком мира природы осуществляется как в рациональной форме познания, научных гипотез, в других формах постижения природы и человека, которые представляют специфический вид по сравнению с рациональным познанием. Это философия, религия, литература, искусство и другие виды духовности человека. При этом следует иметь в виду, что субъективное идеальное не возникает из самого себя, а непосредственно связано с постижением объективного идеального, заложенного в природе.. Ф. Ницше провозглашает новый лозунг: «Жизнь есть воля к власти» [7]. Как и все философы жизни, Ф. Ницше — иррационалист, в силу того, что разум чужд жизни, он деформирует и умерщвляет ее, искажает показания органов чувств, которые, «никогда не лгут». Только в инстинкте, непосредственно выражен принцип всего существующего — воля к власти. Он считал, что физическое начало в человеке гораздо выше, чем духовное, ибо последнее, по его мнению, является только надстройкой над истинным фундаментом — жизнью тела, как непосредственным воплощением природной воли. Таким образом, в историческом контексте европейской культуры доминирующим оказывается аспект свободы, артикулируемый в постклассической философской традиции как свобода воли.

Мир, которым правит слепая, бессмысленная, инстинктивная воля к власти, развивается без направления, без цели, без законов, представляя собой хаос, слепую игру сил. Его невозможно познать и объяснить с помощью разума, поэтому научная истина о мире невозможна. Человек создает теории, являющиеся для него биологически полезным видом заблуждения, помогающие ему выдерживать жизнь в бессмысленном мире путем утверждения

своей воли к власти. Будучи сторонником социального неравенства, Ницше считал власть сильных над слабыми, которая должна реализовываться любой ценой с использованием любых, даже аморальных средств. Выступая против христианских ценностей, проповедующих сострадание и любовь к ближним, Ницше предложил заменить их безраздельной властью сильных, моралью господ, нравственным идеалом которой является образ «сверхчеловека». Главной ценностью идеала Ницше выступает «воля к власти любой ценой» [6].

Свобода воли является развитием понятия Свобода в контексте философии власти, определяющей последнюю именно как возможность внешнего целеполагания деятельности другого субъекта. Ф. Ницше считает всю историю морали — историей заблуждений относительно Свобода воли — фикцией, «заблуждение всего органического». Самоосуществление воли к власти предполагает ее очищение от моральных идей свободы и ответственности. Если внутренний мир индивида и его свобода опосредствуются социокультурными факторами и предметно-преобразующей деятельностью, положение об опосредовании (детерминизме) поведения человека напрямую связаны с признанием его свободы воли.

Таким образом, виды свободы можно разделить на три категории: — свобода воли человека — сознательная свобода выбора в жизни, частных жизненных решений, выбора жизненных приоритетов, организации своей жизни и т. п. Общественная свобода гражданина — права человека в обществе и государстве, регулируемая законами; Духовная свобода личности — христианское понимание свободы духа от рабства греха, гнева, нетерпения, осуждения, жадности, зависти, чрезмерных желаний плоти и т. п.

Анализируя психику и силу духа человека Э. Фромм видел свою задачу в осуществлении реформации психоанализа З. Фрейда и его последующего синтеза с философией марксизма. Полученный «синтез» обеспечил создание в рамках неофрейдизма своеобразной концепции отчужденного человека, живущего в постоянном страхе. Страх является питательной средой «универсального невроза». Такова плата человека за свободу от естественных связей с природой и другими людьми. В условиях персонификации общественных отношений происходит деперсонификация личности. Отчужденная личность теряет контакт с миром. Враждебность мира порождает страх. Отмечая, что ответной реакцией на страх является формирование защитных механизмов: преобразование невротического страха в рациональный страх перед внешней опасностью; подавление страха транквилизаторами, алкоголем, наркотиками; поиск любви и одобрения любой ценой; погоня за властью, престижем и обладанием; покорность или бегство от общества. Эти иррациональные формы защитной реакции не разрешают проблему «универсального невроза», а только усугубляют состояние отчужденного человека. Наступает одиночество как некое пустое и мертвое существование.

На современном этапе развития общества, ориентация на успешность действий становится приоритетной, создаются все более мощные и совершенные средства для достижения целей. Человек не может совладеть с миром, который есть создание его рук, и попадает под власть иррациональных проявлений бытия. Познавая законы мира, расширяя его границы для себя, человек утрачивает целостность восприятия «...современный человек готов пойти на любой риск, чтобы достичь какой-либо цели, но он чрезвычайно боится риска и ответственности поставить себе эту цель» [9, с. 32].

«Бегство от свободы» («Escape from Freedom», 1941) — работа Фромма, посвященная анализу «гуманистического психоанализа». Автор считает, что только психоанализ поможет индивиду обрести возможность осознать сущность неодолимого желания бежать от негативной свободы и уяснить свое стремление к позитивной свободе, сменить доминанту своего поведения «иметь» на «быть». Человеку нужна не социальная революция, а революция сознания, в ходе которой он преодолет отчуждение и обретет человеческое.

Э. Фромм утверждает, что помимо физиологически обусловленных потребностей («потребности самосохранения») человеку присущ ряд потребностей морального порядка: установление связи с окружающим миром и избавление от одиночества; сотрудничества с другими людьми в целях выживания и наличием самосознания — осознания себя как индивидуального, отделенного от природы и других людей существа [2].

Философ на протяжении всей своей жизни сохранил верность антропологической теме. Раскрывая узловые моменты этой темы — «природа и сущность человека, характер человеческой субъективности, становление человека» [10].

Возможность формулировать цели, использовать средства для их реализации отражает степень свободы человека. Чем больше позитивных целей и конструктивных средств, чем богаче деятельность человека, тем разнообразнее у него взаимодействия с другими людьми, тем более осознанно стремление к личной независимости и подлинной солидарности. Автора волновала не столько трагедия человеческого существования, сколько свобода творчества человека, его способность к проектированию и самопроектированию. Ведь степень свободы соответствует уровню развития деятельности, а преждевременное освобождение людей порождает чувство покинутости и одиночества.

Одновременно Э. Фромм выдвигает идею создания небольших общностей, в которых люди должны иметь свою собственную культуру, стиль жизни, манеру поведения. Сущность и место человека в мире в этих условиях связаны с миропроявлением, то есть проявлением в человеке и его деятельности исходного единства материального и идеального начал природы. В познавательном отношении, выражающем миропонимание, человек выступает как результат миропроявления, а не как субъект первич-

ного, исходного отношения «человек — природа», что обеспечивает мировоззренческий подход с объективных позиций.

Информационный человек — это не «киборг» и не «кибернетический человек» Э. Фромма, понятие которых связано «с выработкой машинного стиля мышления и общения и практическим уничтожением всего человеческого в человеке. Его становление — объективный процесс, основанный на объективном характере приращения разумности как развитию родового качества человека» [10, с.25].

В изначальной свободе — источник как греховности человека, так и его творчества: человек в сознательном и творческом усилии предотвращается от зла и определяется по отношению к добру. Это отмечено в классической философии: внутренняя свобода, т.е. добровольное и сознательное предпочтение человеком добра злу, есть главное, принципиальное условие совершенства, или полного добра. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. Главные идеи в философской системе Э. Фромма, о том, что человек перерастает свое первоначальное единство с природой и с остальными людьми, человек становится «индивидом». Это уничтожает его природу и индивидуальность. Свобода определяет человеческое существование как таковое, причем понятие свободы прогрессирует вместе со степенью осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа. Связь, с природой Э. Фромм называет «первичными узам», противопоставляя их тем новым связям, которые появляются после освобождения от первичных уз. Информационную основу имеет как живое вообще, так и человек и его сознание. Развитие человека, его мозга и сознания, связано с накоплением и изменением генетической информации.

Философ анализирует два аспекта процесса растущей индивидуализации: развитие и интеграция физической, эмоциональной и интеллектуальной сфер — развитие личности, обусловленное в основном социальными условиями. Растущее одиночество, сопутствующее освобождению от первичных уз, обеспечивавших ранее фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение полной безопасности. Таким образом, современное общественное мировоззрение должно исходить из приоритета человека, а не общества. Подход, основанный на идее развивающегося человека, представляет собой принципиально новую стратегию общественного развития, исходящую из господства разума, а не силы, и не может определяться той или иной формой присвоения.

Разрыв между процессом индивидуализации, который происходит автоматически и процессом развития лич-

ности, который сдерживается рядом психосоциальных причин, приводит, по Фромму, к сильному чувству изоляции, которое запускает в работу психические механизмы, названные автором механизмами бегства. Таким образом, человеческое существование и свобода неразделимы с самого начала, понимая под свободой негативную свободу от инстинктивной предопределенности действий. По Э. Фромму, именно биологическое несовершенство человека привело к появлению цивилизации. Деятельность человека в ее самом общем значении представляет собой самопознание природы, что выделяет в ее структуре, в качестве определяющей, познавательную сторону. Информационная эпоха и информационная природа человека выражаются понятием «человек информационный», или «человек познающий». «Последнее более точно характеризует человека с точки зрения характера его деятельности, а первое — с точки зрения его природы» [9, с.150].

Один из механизмов бегства от свободы — отказ от своей личности и связь ее с какой-либо внешней силой для получения силы, не достигающей индивиду. «Жизнью ими воспринимается как огромная неуправляемая машина, с которой они не в силах совладать. В более тяжелых случаях наблюдается увлечение самокритикой, самоистязание (физическое или моральное), желание болеть и другое стремление нанести себе вред» [9, с.155].

Состояние позитивной свободы, в котором индивид существует как независимая личность, но не изолированная, а соединенная с миром, возможно, по Э. Фромму, через реализацию своей личности. Самореализация достигается путем активного проявления всех эмоциональных возможностей.

Спонтанная активность — это свободная деятельность личности. Предпосылкой спонтанности является ликвидация разрыва между разумом и натурой. По мнению Э. Фромма, «примером спонтанной деятельности являются художники и дети» [10, с. 90]. Секрет того, что проблеме свободы решает спонтанная деятельность, в любви и труде. Единство телесности и духовности человека отражает единство материального и идеального начал природы. Любовь, является добровольным союзом на основе сохранения собственной личности. Труд — творчество с целью избавления от одиночества. Основное противоречие, присущее свободе, — рождение индивидуальности и боль одиночества — разрешается спонтанностью всей жизни человека. При всякой спонтанной деятельности индивид сливается с миром, но его личность при этом становится сильнее, поскольку она деятельна [10]. Вместо развития духовности человека, имеющей безграничные возможности, общество материальных ценностей пытается смоделировать лишь познавательную способность человека, заменить человеческий интеллект искусственным, а его духовность отсечь как нечто второстепенное, а то и вовсе ненужное. В этом и состоит главная причина кризиса, поставившего под угрозу само существование человечества. Остаются без внимания такие эк-

зистенциалы, как Страсть, Страх, Вера, Любовь, Ненависть, Эрос, Тоска и др., Следовательно — духовность и человек в целом. Путь решения проблем, по мнению Э. Фромма, заключается в сохранении достижений современной демократии и ее прогрессе в направлении развития свободы, инициативы и спонтанности индивида; причем не только в личных целях, но прежде всего в его труде.

Проблема свободы в истории философии в концепциях Ф. Ницше и Э. Фромма осложняется тем, что они, как и многие мыслители пытались вывести из сущности свободы долг человека, стремились или вообще не употреблять понятие свободы, или употреблять, ограничив его определенным образом. Но обязанность никогда не может вытекать из самой свободы, а лишь из этических соображений. Будучи неограниченным по своей сути, свобода как раз должна подразумевать религию, этику, труд, любовь, чтобы сделать людей ответственными за все, что они делают и позволяют делать другим. Таким образом, особую актуальность приобретает проблема приведения в соответствие целей, выдвигаемых людьми. Несоответствие целей и средств, целей и результатов требует качественного изменения процессов целеполагания. Это станет возможным тогда, когда человек преодолеет отчужденные формы собственного бытия, обретет целостность в восприятии мира. Необходимо обеспечение целостности не путем элиминирования разнообразия и сведения множе-

ственности к единой закономерности, а через стремление к высшей цели, абсолюту. Ведь в ряду человеческих сущностных сил особое место занимает свобода. В концепции Э. Фромма Свобода является пространством реализации личности, а человек — как существо, прежде всего экзистенциальное, самореализация которого связана с любовью. Без нее человек не может реализовать намеченные цели, свои способности. Потребность в свободе заложена в человеке, она имманентна любому виду его деятельности, связана с самой сутью природы человека как существа, свободно выбирающего между различными альтернативами.

В мире, где существует множество целей и вариантов действий, именно стремление к абсолюту поможет вернуться от идеалов выбора к идеалу образа. Поиск абсолютных высших ценностей, на основе которых человек мог бы строить свое существование, реализовать себя, является условием выхода из ситуации, при которой человек утрачивает свои сущностные характеристики. Смысловая целостность личности станет возможной тогда, когда процессы целеполагания будут основываться на единстве истины, добра и красоты, сочетая истинностное знание и высшие нравственные ценности. Утверждение человека как субъекта свободного целеполагания возможно при условии выхода в трансцендентное бытие, которое находит отражение в абсолютности личностного бытия.

Литература:

1. Иванова М. В. Экзистенциальная антропология Эриха Фромма. Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер.: Философия. — СПб. 1992. — С. 15–24
2. История философии энциклопедия/Сост. и гл. Науч. редактор А. А. Грицанов — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002 эл. ресурс. <http://psylib.ukrweb.net/books/gritz01/index.html>
3. Марков Б. В. Ницше в России и на Западе. // От Гегеля к Ницше, революционный перелом в мышлении XIX века. СПб: Владимир Даль. — 2002.
4. Матвеев П. Е. Этика. Основы общей теории морали: Курс лекций. Ч. 1 / Владим. гос. ун-т. — Владимир, 2002. — 51 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — с. 3–251
6. Ницше Ф. Воля к власти. // ПСС. — М., 1910. Т. 9. эл. ресурс <http://philosophy.ru/library/nietzsche/volya.html>
7. Радеев А. Е. Эстетика силы в философии Ницше — М, 1999. — с. 65–67
8. Свобода воли // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2003. — 1280 с. — (Мир энциклопедий).
9. Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 268.
10. Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу // Филос. науки. — М., 1990. — № 8. — С. 88–95.
11. Фромм Э. Человек для себя — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 157.
12. Фромм Э. Психоанализ и религия. В кн.: Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1987. — С. 217.
13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представления. — М., 1993. — Т. 1–2.
14. Young Julian, Friedrich Nietzsche: A Philosophical Biography. — Cambridge: Cambridge University Press. 2010. — P. 124

Воззрения Василия Великого относительно прекрасного

Давыдов Алексей Юрьевич, аспирант

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Эстетика Отцов Церкви, или патристическая эстетика является главным направлением Византийской эстетики, которое начало формироваться еще в II–III вв. на основе греко-римской и древнееврейской эстетик в русле новой христианской идеологии и в основном сложилась к V в. Большой вклад в ее развитие внесли Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Псевдо-Дионисий Ареопагит. Византийская эстетика создала самобытную систему эстетических категорий и понятий, отличную от античной, хотя и опирающуюся на нее. Если для античности основополагающими были такие категории, как прекрасное, мера, гармония, мимесис (подражание), то византийская эстетика выдвинула в качестве главных категорий символ, образ, свет, канон, уподобление (отображение). Идеал — это Бог. Он — источник красоты, превосходящий все прекрасное. Как отмечает один из главных отечественных специалистов в области эстетики, проф. В. В. Бычков, эстетические взгляды Отцов Церкви занимают важное место в истории средиземноморско-европейской эстетики. Они представляют собой переходное звено от античной эстетики к средневековой. И, что является наиболее важным, это звено является ключевым, т.к. «именно у Отцов Церкви II–IX вв. (и даже несколько уже — II–VI вв.) сформировалось то эстетическое сознание и многие из тех представлений и категорий, которые легли затем в основу средневековой (как западной, так и византийской) эстетики, определили во многом ее своеобразие» [2]. Проф. В. В. Бычков подчеркивает острую необходимость в систематическом научном изучении феномена *aesthetica patrum*, т.к. «без основательного знания этого звена многие аспекты средневековой (да и возрожденческой) эстетики предстают в неясном свете, сдвигаются акценты и ракурсы в изучении тех или иных собственно средневековых художественно-эстетических феноменов, т.е. в целом искажается общая картина развития эстетики на протяжении многих столетий» [2]. Проф. В. В. Бычков в монографии «AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви» обращает внимание на то, что Отцы Церкви, естественно не знали ни о какой эстетике и не писали никаких специальных трактатов на эту тему. Но, не смотря на это, они были «полноценными» и «добросовестными» носителями эстетического сознания своего времени, которое наиболее полно воплотилось именно в их трудах, посвященных самой разнообразной богословской проблематике [2].

Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской (330–379), как и большинство Отцов Церкви, не был «писателем по призванию», поскольку его литературная деятельность определялась преимуще-

ственно «практическими» интересами. Однако Василий Великий оставил после себя достаточно обширное литературное наследие, но не посвящал специальных трактатов вопросам прекрасного или, если говорить на современном языке, эстетической проблематике.

Прекрасное в понимании Василия Великого — это то, что создано Богом. Епископ Сильвестр (Малеванский) в своей работе «Опыт православного догматического богословия» отмечал: «Уже в первые три века с совершенной ясностью и определенностью проповедовалась в Церкви та истина, что мир произошел не сам собою, а Творец его есть Бог, Который создал его не как художник из готовой материи, а как истинный Творец, сильный производить все одною силою Своего хотения и всемогущества, силою, свойственною Ему одному как Богу» [4, с. 30].

В Беседах на Шестоднев Василий Великий пишет о сотворении мира, как о величайшем художественном произведении. Св. Василий показывает творческую Божественную силу, гармонический порядок и красоту в мире и говорит о том, что одно Моисеево повествование содержит Божественную истину, которая согласуется с разумом и научными данными, а что учение гностиков о сотворении мира — неразумные измышления. Архимандрит Киприан (Керн) в работе «Патрология» пишет о Василии Великом в связи с «Беседами на Шестоднев»: «Творение мира он объясняет словами Библии и противопоставляет это баснословию языческих поэтов. Он не дает построчного толкования Моисеева рассказа о творении мира, как это впоследствии будут делать авторы Шестодневок, но ограничивается его пересказом» [1, с. 145]. Св. Василий был первым в истории древнецерковной письменности автором, обратившимся к цельному и систематическому толкованию начальных стихов первой книги Ветхого Завета.

Василий Великий, говоря о начале сотворения мира, в Беседе 1. «В начале сотворил Бог небо и землю» сравнивает процесс создания мира с искусством. Святитель дает характеристику различных искусств: «Но из искусств одни называются творящими, другие состоящими то в действовании, то в умозрении. Концом искусств, состоящих в умозрении, служит самое действие ума; а концом искусств, состоящих в действовании, — самое движение тела, по прекращении которого ничего уже нет и не осталось для зрителей: так пляска или игра на свирели не дают ничего в произведении, но действие сие ограничивается только само собою» [5, с. 328]. Он подчеркивает, что Великий художник создал мир «искусством творящим», а не «умозрительным»: «А в искусствах творящих, и по прекращении действия дело на виду; таковы искусства: до-

мостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и сим подобные. Хотя художника и нет налицо, однако же искусства сии сами собою достаточно показывают художнический ум, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведение» [5, с. 328]. Идея творчества и Творца — Художника занимает очень важное место во взглядах Василия Великого. Он подчеркивает слова Моисея «в начале сотворил», чтобы еще больше обратить внимание на «искусство творящее»: «Посему и премудрый Моисей, желая показать, что мир есть художественное произведение, подлежащее созерцанию всякого, так что через него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребил о мире, но сказал: в начале сотворил. Не сделал, не произвел, но сотворил» [5, с.328]. Единство, соответствие отдельных составляющих и гармония всего мира являются основными моментами при определении прекрасного: «Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приравнивает ее части одну к другой, и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое» [5, с.329].

Святитель выделяет слова пророка Моисея «в начале сотворил Бог», объясняя, что Бог был «не причиною только бытия, но сотворил как благий — полезное, как премудрый — прекраснейшее, как могущественный — величайшее». Величие и красоту Творца можно попытаться постичь, взирая на красоту Вселенной: «...прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотою; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем наведение о Бесконечном, превышем всякого величия, и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение» [5, с. 334–335]. Василий Великий пишет: «И если видимое так прекрасно, то каково невидимое? Если величие неба превосходит меру человеческого разумения, то какой ум возможет исследовать природу Присносущего?» [10, с. 384].

Проф. В.В. Бычков, рассматривая красоту мира с точки зрения апологетов, пишет: «Красота мира, утверждает Септуагинта, важна не сама по себе. Своим бытием она указывает на своего Творца — Художника мира, который из нее и познается: «ибо из величия и красоты творения соответственно познается (созерцается) творец бытия». В этой краткой формуле заключена почти вся средневековая эстетика с ее важными категориями и понятиями: «красота» и «величие» мира, созерцательное познание через «аналогию» [3].

Василий Великий подходит к вопросу «созерцательного» познания Красоты и Величия Творца гораздо глубже. Он говорит о том, что человек должен подготовить себя, должен «...иметь уже в себе некоторое стремление к созерцанию предлагаемого и по мере сил участвовать со мною в подвиге, являясь не столько судиею, сколько сподвижником, чтобы не лишиться нам случая открыть истину и чтобы моя ошибка не сделалась общим вредом для слушающих» [10, с.383]. Здесь возникает не-

обходимость, «...чтобы любители великих зрелищ имели ум, не необученный к уразумению предлагаемого нам». Святитель ставит задачу — не просто созерцать мир, исходя из мирской мудрости, а руководствоваться высшей мудростью. А это предполагает определенный подвиг, аскезу созерцателя, а также его внутреннюю готовность усмотреть в красоте зримого мира его незримого Художника и Устроителя. Познание видимого бытия — это не только умственный и эстетический процесс, а нравственное усилие человека. Чтобы постичь Красоту и Величие Творца необходимо не только подготовить себя, но и быть достойным этого: «Итак, если ты когда-нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звезд, составляя себе понятие о Художнике всяческих, Кто сей испестривший небо сими цветами и почему в видимом мире более необходимого, нежели приятного; и опять, если во время дня трезвенным разумом изучал ты дивные чудеса, то пришел ты сюда готовым слушателем, достойным того, чтобы восполнить собою сие честное и блаженное поприще» [10, с.384]. Василий Великий подчеркивает, что только тот, кто этого достоин может понять и постичь «истинный Свет»: «Если сие подлежащее разрушению солнце так прекрасно, так велико, так быстро в своем движении и совершает чинные обращения, имеет величину соразмерную вселенной, и не выступает из своих отношений к целому, а по красоте своего естества составляет как бы светлое око, украшающее собою тварь; и если им не насыщается зрение, то каково по красоте Солнце правды? Если не видеть сего солнца — большая потеря для слепого, то какая утрата для грешника быть лишенным истинного Света?» [10, с. 384–385]

Говоря о возникновении света, Василий Великий приводит слова Писания: «И сказал Бог: да будет свет (Быт. 1:3)». Святитель пишет: «Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид» [6, с. 345]. Василий Великий очень интересно сравнивает красоту появления света с тем эффектом, который происходит, когда ныряльщик выпускает изо рта масло: «Как пускающие в глубину масло производят на том месте блеск, так и Творец всяческих, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света» [6, с.345–346]. Необходимо отметить, что масло, которое выпускает изо рта ныряльщик, освещает место, где он расположен. Так утверждает ученый Огер в «Избранных беседах и посланиях святого Василия». Василий Великий рассматривает красоту света не с точки зрения соразмерности частей, а по тому, как он действует на зрение. Он пишет: «Но если красота тела состоит во взаимной соразмерности частей и в наружной доброцветности, то как понятие красоты удерживает место в свете, который по природе прост и однороден?» [6, с. 346] Здесь Василий Великий сочетает две традиции в понимании красоты, идущие от античности: стоическую и неоплатоническую. От первой он заимствовал представление о красоте, как «взаимной соразмерности частей». От второй он наследовал представ-

ление о том, что прекрасны не только сложные, но и простые вещи, в которых не может быть пропорции. Так, можно говорить о пропорциях в свете, если иметь в виду не взаимоотношение его частей, но его отношение к органам зрения: «Не потому ли, что свету приписывается соразмерность не в отношении к собственным его частям, но в отношении к неболезненному и приятному действию на зрение? Так и золото прекрасно, хотя имеет привлекательность для взора и приятность не по соразмерности частей, но по одной доброцветности. И вечерняя звезда прекраснее всех звезд не потому, что соразмерны части, из которых она состоит, но потому, что лучи ее падают на глаза, не производя никакого болезненного ощущения и с приятностью. Сверх того Бог произносит теперь суд о красоте, без сомнения не имея в виду приятности для зрения, но предусматривая пользу света впоследствии, потому что глаза не судили еще о красоте света» [6 с.346].

Говоря о соразмерности, Василий Великий говорит и об искусстве творца, видевшего красоту каждого своего произведения порознь, а также и в целом: «Создаемое Богом не очам Божиим доставляет приятность; и одобрение красоты у Бога не таково, как у нас. Для Него прекрасно то, что совершенно по закону искусства и направлено к благопотребному концу. Посему-то Предположивший явственную цель создаваемого одобрял творимое по частям, сообразуясь со Своими художническими законами, поелику оно служило к достижению конца. Когда рука лежит сама по себе, а глаз особо, и каждый член статуи положен отдельно, тогда не для всякого покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своем месте, то красота соразмерности, часто и с первого взгляда, усматривается даже невеждою. Но художник и прежде сложения знает красоту каждой части и хвалит ее отдельно, возводя мысль свою к концу. Подобным художником, одобряющим каждое свое произведение порознь, изображается теперь и Бог. Но Он воспишет приличную похвалу и целому миру вместе взятому, когда будет он совершен» [7, с. 362].

В Беседе 2. «О том, что земля была невидима и неустроена (Быт. 1:2)» Василий Великий говорит о красоте Царствия Небесного: «если вход во Святая таков и преддверие храма так достоечно и величественно, таким избытком красоты осиявает наши очи и умы, то каково же Святая Святых?» [6, с.335] Святитель пишет о том, что должно было украсить землю по воле Божьей и сделать ее совершенной: «Совершенное устройство земли означает обилие ее произведений, прозябание всякого рода растений, появление высоких деревьев, и плодовых и неплодовых, доброцветность и благовоние цветов, и все то, что в скором времени должно было, по Божию повелению, произникнув на земле, украсить породившую все сие» [6, с. 336]. Василий Великий, основываясь на Писании, и говоря о «неустроенности» земли в самом начале ее создания, подчеркивает, что и небо «...не получило свойственного ему украшения, потому что не освещалось луною и солнцем, не венчалось сонмами звезд» [6, с.336]. Необходимо отметить, что подобные выражения встречаются

также у Платона («Тимей»,) и у Плотина («Эннеады»). Самым великолепным зрелищем Василий Великий считал Природу, созданную Богом, а зрителем — человека. Объясняя, почему земля была вначале невидима, он пишет об одной из причин так: «... потому что не было еще зрителя земли — человека» [6, с.336].

Украшая землю, Великий Художник использовал великолепную палитру красок и разнообразие ароматов: «Но сколько различий в цветах! Можешь видеть на лугах, что одна и та же вода в одном цветке румяна, в другом багрова, в этом голуба, а в этом бела. И опять, еще больше разности представляет она в запахах, нежели сколько имеет разнообразия в цветах» [9, с. 382]. Искусство Великого Художника не перестают восхищать Василия Великого не только великолепием красок, но и совершенством формы: «Одна травка или одна былинка достаточна занять всю мысль твою рассмотрением искусства, с каким она произведена, как например, стебель пшеницы опоясывается коленцами, чтобы они, подобно связкам, удобно поддерживали тяжесть колосьев, когда исполненные плодами клонятся к земле. Посему стебель у овса совершенно пуст, так как вершина его ничем не обременена; и стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалище, чтобы не могло быть похищено птицами, и длинными осями, подобными иглам, предотвратила вред от мелких животных. Что мне сказать? И о чем умолчать? В богатых сокровищницах творения трудно найти предпочтительное прочему, а если оставим что без внимания, урон будет несносен» [9, с.375]. Восхищаясь красотой природы, Василий Великий описывает море. Необходимо отметить, что само описание не только великолепно по стилю, но познавательно с точки зрения естествознания: «Итак, море прекрасно пред Богом, потому что влага из него идет по земным глубинам; оно прекрасно также и потому, что служит приемником рек, принимает в себя отовсюду потоки и не выступает из своих пределов. Прекрасно и потому, что служит началом и источником воздушных вод, когда нагревается лучами солнечными, и отлагает от себя, посредством испарения, тонкие частицы воды, которые, будучи привлечены в горное пространство и потом охлаждены, как возвысившиеся далее нежели куда простираются лучи, отражаемые земною поверхностью, при возрастающем холоде, также и от тени облаков, делаются дождем и утучняют землю» [8, с. 370].

Природа — это не только красота и совершенство, но постоянное напоминание о Боге: «Мне желательно тверже укоренить в тебе удивление к твари, чтобы ты, где ни находишься и какой род растений ни встречаешь, всегда возобновлял в себе ясное воспоминание о Творце». Говоря о красоте цветка, Василий Великий сравнивает ее с человеческой жизнью, говорит об «уподоблении человеческой славы самому слабому цветку»: «Посему, во-первых, когда видишь на траве зелень и цвет, приведи себе на мысль человеческое естество, припоминая изображение мудрого Исаии: всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой (Ис. 40:6). Кратковре-

менность жизни, непродолжительность радостей и веселий человеческого благоденствия нашли себе у Пророка самое приличное уподобление. Сегодня цветет телесно, утучнен от наслаждений, сообразно с цветущим возрастом имеет свежую доброцветность, бодр, развязен, неупорядочен в стремлении; а наутро он же самый жалок или увянув от времени, или ослабев от болезни» [9, с.373]. Прекрасная виноградная лоза — это напоминание о человеческих душах: «Он хочет также, чтобы мы, как бы некоторыми завивками, соплетались с ближними объятиями любви и упокоевались в них, и, всегда стремясь к горнему, как вьющиеся виноградные ветви старались уравниваться с вершинами самых высоких. Он требует еще, чтобы мы терпели, когда окапывают нас. А душа окапывается чрез отложение мирских забот, которые составляют бремя для наших сердец» [9, с. 378].

Красота природы — это не только великолепие красок и совершенство формы, но и, что является очень важным для Василия Великого, это достойные примеры для подражания. Так, пчела — это пример мудрости и трудолюбия. «Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не делая вреда и не портя чужого плода, составляет соты». Ласточка — пример терпения доброты и оптимизма, которая «не сетует на свою нищету, и хотя бы и ничего не оставалось в доме». Василий Великий пишет: «Научись из сего по причине нищеты не приниматься за худые дела, и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который, даруя столько ласточке, тем больше подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца» [11, с.413]. Муравей — это образец трудолюбия, который «делает сие не с небрежением, но прилагает мудрую заботливость, чтобы пищи достало сколько можно на большее время» [12, с. 422]. Говоря о поведении аистов (буселей), Василий Великий отмечает: «А заботливость буселей о состарившихся достаточна к тому, чтобы и наших детей, если только захотят внимать сему, сделать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нет человека столь скудного благоразумием, чтобы не почел он себе за стыд быть в добродетели ниже бессловесных птиц» [11, с. 413]. Собака является примером преданности и бескорыстной любви, а также «помнит милости». Василий Великий призывает присматриваться к поведению животных и брать с них пример. «Естественные добродетели» есть не только у животных, но и у человека: «И в нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе. Никакая наука не учит нас ненавидеть болезнь, но сами собою имеем отвращение ко всему, что причиняет нам скорбь: так и в душе есть какое-то не учением приобретенное уклонение от зла. Всякое же зло есть душевный недуг, а добродетель соответствует здравью» [12, с. 423]. Василий Великий еще раз подчеркивает Величие Творца: «Но Даровавший нам разумение, чтобы и из малейших творений познавать великую мудрость Художника, да подаст силы из великих тварей приобрести еще большие понятия о Творце — хотя в срав-

нении с Создателем и солнце и луна не более муравья и мошки» [10, с. 398].

Красоте самого человека, в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать, Василий Великий практически не уделяет внимания. Красота человека для него — это красота души. В беседе 2 «О человеке» св. Василий пишет, что Бог создал человека совершенным с точки зрения строения. Великий Художник продумал все детали своего произведения, вплоть до ресниц, назначение которых Василий Великий очень художественно описывает. Бог «вылепил человека, и Его творческая сила, начиная изнутри, расположила в строгом порядке все внутренние органы» [14, с. 457]. Но творение Бога отличается от творения скульптора: «Но лепка статуи и отливка гипса воспроизводят только внешнюю сторону. Ты, наверное, заметил, что всякая статуя выражает характерные черты. Статуя воина выражает храбрость; бронзовая фигура, которой придана форма женщины, передает женственность; или же статуя выражает что-то иное, насколько искусство способно через подражание воспроизводить характерные черты нрава» [14, с.457]. Но сама форма тела человека, вертикальное положение туловища, расположение глаз, т.е. «сама эта лепка поучает тебя цели, ради которой ты рожден. Ты родился, чтобы взирать Бога, а не ползать по земле; не наслаждаться удовольствиями скотов, а готовить себя к Царству Небесному» [14, с.458]. Василий Великий подчеркивает, что Бог сотворил человека способным уподобляться Богу. Цель человека — стать истинным христианином. А для этого надо трудиться, «чтобы мы не были инертными вещами, подобно портретам, созданным рукой художника, чтобы плоды нашего уподобления не принесли похвалы кому-нибудь другому. В самом деле, когда видишь портрет, в точности передающий модель, то не портрету воздаешь хвалу, а художником восхищаешься. Итак, чтобы восхищение относилось ко мне, а не к кому-то другому, Он предоставил мне самому позаботиться о достижении подобия Божьего. Ведь, «по образу» я обладаю бытием существа разумного, «по подобию» же я делаюсь, становясь христианином» [13, с. 442].

Красота человека — это его стремление к нравственному совершенству, к свершению добрых дел. Говоря о красоте души, Василий Великий в беседе на двадцать девятый псалом рассматривает умозрительные и неумозрительные добродетели: «Трудившиеся над исследованием учения о добродетели говорили, что одни добродетели составляются из умозрения, а другие неумозрительны: так благоразумие составляется из умозрений при рассуждении о добре и зле; целомудрие — из умозрений о том, что должно избирать и чего избегать; справедливость — из умозрений об усвояемом и неусвояемом; мужество — из умозрений о страшном и нестрашном» [15, с. 513]. Красота и сила души — это неумозрительные добродетели, следующие за теми, которые из умозрений. Василий Великий пишет: «некоторые из мудрых красоту находили в соразмерности и стройности душевных умозрений, а крепость усматривали в окончательном про-

изведении положенного в нас добродетелями умозрительными. Впрочем, чтобы в душе были красота и сила производить должное, для сего имеем мы нужду в Божией благодати» [15, с. 513]. Осуждая человеческие пороки, Василий Великий дает им определение: «Но как за умозрительными добродетелями следуют неумозрительные, красота и сила; так есть и пороки неумозрительные, безобразие и бессилие. Ибо что неблагообразнее и отвратительнее души, преданной страстям?» [15, с. 513]. Отчуждение от Бога ведет к «смущению» — «безобразию и бессилию души», т.е. тому, что противоположно красоте, изяществу и силе.

Поведение человека накладывает отпечаток и на его внешность: «Посмотри на гневного и на примечаемую в нем дикость! Рассмотрни скорбящего, унижение и упадок его души! А кто подпал сладострастию и чревоугодию, кто вне себя от страха, на того согласится ли кто и смотреть? В них душевное расположение выступает на самые оконечности тела; равно как и следы душевной красоты бывают видимы во внешности святого мужа. И так нам должно заботиться о сей красоте, чтобы Жених-Слово, встретив нас, сказал: вся добра еси ближняя моя, и порока несть в тебе (Песн. 4, 7)» [15, с. 514].

Истинная красота — это красота Бога. Стремление человека сделаться причастным к постижению истинной красоты Творца прочно взаимосвязана с внутренней работой, с очищением души: «Прекрасна всякая душа, в которой созерцается соразмерность свойственных ей сил; но истинная и вожденнейшая красота, созерцаемая только имеющими очищенный ум, принадлежит Божью и блаженному естеству. Кто внимательно устремляет взор на сияние и изящество сей Красоты, тот заимствует от Нее нечто, как бы от красильного раствора, на собственное свое лице наводя какие-то цветные лучи. Почему и Моисей, соделавшись участником оной Красоты во время собеседования с Богом, имел прославленное лицо» [15, с. 513].

В беседе на сорок четвертый псалом Василий Великий, объясняя слова «красен добротой» пишет о духовной красоте Бога: «Посему красным добротой Пророк называет Господа, прикинув в Его Божество, потому что воспеваает не красоту Его плоти». Далее он поясняет: «... явню, что Пророк, созерцая светозарность Господа, и объятый ее сиянием, душевно уязвленный сею добротой, подвижся божественною любовью к мысленной красоте» [16, с. 559–560].

В письмо 233 «К Амфилохию, вопрошавшему» Василий Великий говорит о деятельности ума, о способности распознать добро и зло: «Ум есть нечто прекрасное и в нем имеем (то), что делает нас по образцу Творца» [18, с. 813]. Деятельность ума есть также нечто прекрасное, что стремится к истине. Стремление к истине

помогает распознать добро и зло. В творении «Толкование на пророка Исаяю» св. Василий пишет: «Мудростью называют знание вещей божественных и человеческих и их причин. А поскольку Христос есть истинная премудрость, то усовершенствовавшегося через общение со Христом, поскольку Христос есть Премудрость, именуем мудрым» [17, с. 749]. Стремление человека познать истину должно основываться на истинной вере: «А кто не верует в Господа, тот не близок к природе истинной Красоты и не пускается в умозрение о Ней. Ибо не в стройности членов и не в благообразной доброцветности, чрез что-либо приятное для телесного чувства, но единой мыслью, до преизбытка очищенной, и только в Божием естестве познается собственно прекрасное, согласно с псалмом, в котором сказано: красотою Твоею и добротой Твоею (Пс. 44, 5). Посему кто оком своим не приемлет молниеносных блистаний Божией красоты, тот глаголет доброе лукавое; а тем самым, что отрицает сие, очевидным образом соглашается на противное. Ибо если Господь есть свет, то противник, очевидно, тьма. Если природа истины сладостна, то ложь, очевидно, горька. Итак, самым отречением от Бога дается согласие на противоположное» [17, с. 748]. Человек, погрязший в плотских страстях, легких удовольствиях, забывший про заповеди, выбирает жизнь во грехе и считает порок чем-то добрым. Необходимо быть мудрым, иметь душу «доблестно настроенную» уметь распознать однородное и различить противоположное.

Василий Великий дает определение прекрасному души и безобразному: «Таким же образом надобно рассуждать и о прекрасном, что истинно прекрасное есть соразмерность в душе, доблестно настроенной. Ибо добродетель есть какая-то середина и соразмерность; а излишек и недостаток, в ту или другую сторону выступающий из пределов добродетели, есть уже неумеренность и безобразие. Так, мужество есть середина, излишек его — дерзость, а недостаток его — робость. Следовательно, красота души есть соразмерность в добродетели, а безобразие — нарушение меры вследствие порока. Посему пророческое слово называет жалкими тех, которые избирают порок, как нечто доброе, и избегают добродетели, как лукавства» [17, с. 747].

Что же касается отношения Василия Великого к прекрасному в искусстве и науках, то красота интересовала его только с точки зрения пользы для души. Красота музыки, поэзии, философии, должна служить нравственному совершенству, очищению души, добродетелям.

Отношение Святителя Василия Великого к миру, а в данном случае ко всему прекрасному, определялось его неизблемой христианской позицией. «Василий не был таким человеком, который делал бы что-либо наполовину. Когда он предался Богу, то предался Ему всецело» [19, с. 9].

Литература:

1. Архимандрит Киприан (Керн). Патрология. М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. т. 1. 184 с.

2. Бычков В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. Введение: [Электронный ресурс]// Бычков В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви. М.: Ладомир, 1995. 593 с. URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/yeh/kov_01.htm (дата обращения 15.09.2013)
3. Бычков В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. Гл. IV. Новая эстетическая проблематика. I. Творение как творчество: [Электронный ресурс]// Бычков В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви. М.: Ладомир, 1995. 593 с. URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/yeh/kov_16.htm (дата обращения 15.09.2013)
4. Епископ Сильвестр (Малеванский). Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов): В 5 т. С.-П.: Общество памяти игуменни Таисии, 2008. т.3. 546 с.
5. Святитель Василий Великий. Беседа 1. «В начале сотворил Бог небо и землю». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
6. Святитель Василий Великий. Беседа 2. «О том, что земля была невидима и неустроенна». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
7. Святитель Василий Великий. Беседа 3. «О тверди». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
8. Святитель Василий Великий. Беседа 4. «О собрании вод». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
9. Святитель Василий Великий. Беседа 5. «О прозябениях земли». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
10. Святитель Василий Великий. Беседа 6. «О сотворении небесных светил». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
11. Святитель Василий Великий. Беседа 8. «О птицах». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
12. Святитель Василий Великий. Беседа 9. «О животных». Беседы на Шестоднев.// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
13. Святитель Василий Великий. Беседа 1. «О сотворении человека по Образу».// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
14. Святитель Василий Великий. Беседа 2. «О человеке».// Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
15. Святитель Василий Великий. Беседа на двадцать девятый псалом. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
16. Святитель Василий Великий. Беседа на сорок четвертый псалом. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
17. Святитель Василий Великий. Толкование на пророка Исаяю. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
18. Святитель Василий Великий. Письмо 233 «К Амфилохию, вопрошавшему». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.2. 1230 с.
19. Фаррар Ф. В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви/ Пер. с англ. Лопухина А. П.: В 2 т. М.: Сретенский монастырь, 2001. т.2. 613 с.

Человек в условиях изменяющейся реальности

Отраднава Ольга Анатольевна, кандидат философских наук, доцент
Астраханский государственный университет

Введение

Современная цивилизация представляет собой особый тип социального развития, при котором общество вступает в фазу непрерывной модуляции, все динамические процессы ускоряются. В условиях бесконечно преобразуемой действительности создаваемая человеком реальность, которая фактически является антропологическим ответом на объективный мир, переживает этап постоянных трансформаций, переходит от измененной или изменяемой к изменяющейся реальности. В этом ключе усложняется социализация, адаптация человека к окружающей его реальности и, в конечном итоге, само определение человека, понимание личности и отношение к ней.

Под современным обществом в данной работе мы будем понимать сложный социально-исторический организм, характеризующийся глобализацией, информатизацией, технологизацией и определяющий облик современного человека.

Глобализация — идея интеграции всего мира для создания унитарного общемирового пространства, коэнувшаяся всех сфер культуры и общества на основе демократии, гражданственности, либерализма, мультикультурализма, экологизации, сегодня фактически стала новой формой объективной реальности, которая создает новые условия для понимания человека, высвобождающегося из конкретных пространственно-временных рамок, вступающего на рельсы социально-исторического релятивизма.

Информатизация — трансфер информационных технологий на общество и его структурные элементы, распространение принципов кибернетики в социальной и культурной областях, повышение зависимости человека от информации, которая становится новой субстанциональной единицей, детерминирующей современную культуру. Процесс информатизации оказывает влияние и на понимание человека, осуществляемое в русле кибернетики, как создающего, сохраняющего и управляющего информационными потоками.

Технологизация — проникновение технологического подхода в социокультурные сферы человеческого бытия, в мышление, приращение к специфическому личностному началу технологического элемента, что безусловно отражается и на определении человека, который сам становится результатом технологического развития.

Исходя из перечисленных нами особенностей современного общества, мы можем выделить несколько новых

подходов к пониманию человека: глобализационный, информационный и технологический.

Данная статья посвящена исследованию глобализационного подхода к пониманию современного человека.

Глобализационный подход к пониманию человека

Термин глобализация появляется в 1983 г. в сфере экономической теории, постепенно внедряется и обогащается возможностями применения и в 90-е гг. распространяется в различные области знания, в том числе и социально-философское. Определение глобализации усложняется множеством процессов, включаемых в это понятие. Так, Э. Гидденс связывает глобализацию с действиями во всех сферах современного общества, которые создают «глобальное космополитическое общество» [5, с. 35]. Отечественный исследователь глобализационных процессов В.М. Межуев определяет глобализацию как «усиливающуюся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения» [9]. Для А.С. Панарина глобализация — это «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими от их неупорядоченных внешних воздействий» [10, с. 183]. Эти и другие дефиниции показывают, что философская рефлексия глобализации содержит различные векторы осмысления и может рассматриваться с позиции экономики, политики, культуры, этнологии, коммуникации, экологии и др., сохраняя идею единства, взаимозависимости, интеграции общества. Такая разнонаправленность глобализационных элементов позволяет нам говорить о мейнстриме глобализации и ее проникновении во все компоненты социальной структуры: в экономике глобализация представляет собой процесс построения единой общемировой экономической системы, основанной на рыночных отношениях; в политике глобализация ставит задачи демократизации всего мира, формирования международного права; в культуре глобализация проявляется в форме мультикультурализма, толерантности; технологическая глобализация создает информационные сети, охватывающие все население земного шара, включающие его в глобальный коммуникационный процесс; с антропологической точки зрения гло-

бализация заявляет о всеобщей гуманизации, равенстве всех людей и стирании различий между ними.

Роль глобализации в существовании и развитии общества и человека оценивается не однозначно — с одной стороны можно выделить реализм, представленный как глобализм и антиглобализм, а с другой — скептицизм. Рассмотрим особенности этих подходов:

— реализм рассматривает глобализацию как неизменный атрибут постиндустриальной действительности, фазу современного развития общества, основанного на экономическом развитии (И. Валлерстайн, Д. Бхагвати и др.), межкультурном взаимодействии (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Р. Робинсон, А. Аппадурраи, З. Бауман, У. Бек, Э. Гидденс, В.

Межуев и др.), технологиях и информации (М. Кастельс и др.). В книге З. Баумана «глобализация — это неизбежная фатальность нашего мира, необратимый процесс; кроме того, процесс, в равной степени и равным образом затрагивающий каждого человека. Нас всех «глобализуют» — а быть «глобализуемым» означает в общем одно и то же для всех, кто подвергается этому воздействию» [1, с.7]. У. Бек пишет о том, что «глобальность и глобализация не являются ни стратегически раздутым фантомом, <...> ни понятиями, дающими хорошие основания требовать и навязывать всем подчинение новым природным законам мирового рынка» [2, с.223], подчеркивая, тем самым ее фактичность, детерминирующую современную действительность. Реализм, убежденный в реальности глобализационных изменений общества, разделяется на глобализм, позитивно оценивающий эти изменения, и антиглобализм, пессимистично рассматривающий глобализацию. Глобалисты — К. Омаэ, Т. Фридмен, Дж. Бхагвати, Дж. Розенау, Э. Гидденс, Р. Фолк — говорят о снижении роли национального управления в государстве и возвышении глобального саморегулирования мирового сообщества, что требует адаптации государственных и национальных суверенитетов к взаимозависимому сосуществованию. К. Омаэ называет современное национальное государство «ностальгической фикцией», оно экономически не эффективно и вынуждено подчиняться логике мировой экономики [13]. Антиглобализм связывает глобализацию с американской гегемонией, экспансией доллара на весь мир, «вестернизацией», «макдональдизацией» и другими формами порабощения мира ведущими державами (П. Бьюкенен, Дж. Ритцер, С. Жижек, Г.П. Мартин, Н. Хомски, Х. Шуманн, С. Джордж, Н. Кляйн, М. Хардт, А. Негри, П. Херст, А. Панарин, Ф. Юрлов, и др.) Так, в работе А. Панарина «Искушение глобализмом» глобализация характеризуется как новейшая форма нигилизма, ищущая себе алиби в так называемых объективных тенденциях [11, с.5]. П. Бьюкенен в книге «Смерть Запада» называет глобализацию «проектом правящей элиты», архитекторы которого не известны (что не мешает их ненавидеть) [4]. Дж. Ритцер пишет: ««Макдональдс», не говоря о прочих макдональдизированных системах, породил новое глобальное

мышление. Многие люди вполне отдадут себе отчет в том, что являются частью разрастающегося макдональдизированного мира, и осознание этого приносит им удовольствие». Здесь глобализация предстает как проект, подготовленный Западом для подчинения мира собственным ценностям и идеалам.

Представители данного направления критически осмысливают происходящие в современном мире процессы, выявляют проблемы и опасности глобальной реальности, исходя из различных аспектов, однако всех их объединяет понимание глобализации как объективных условий формирования и развития человека и социума. Человек в этом ключе представляется не как субъект, изменяющий действительность, а как объект воздействия действительности, изменяемый ею;

— скептицизм рассматривает глобализацию как мифологему, имеющую связь с реальностью, но фактически не привносящую в мировое развитие сколько-нибудь значительных изменений, поскольку все «глобализационные процессы», характеризующиеся как современные, можно было наблюдать и раньше. Такого взгляда придерживается, например, Б. Линдси, который в своей книге «Глобализация: повторение пройденного», сопровождаемой обширным эмпирическим материалом, пишет: «Слово «глобализация» вошло в моду совсем недавно, но выражаемая им концепция стара. Дело в том, что глобализация, хоть и под другими именами, уже столетие назад была в полном разгаре. И ее достижения были замечательными даже по нынешним меркам» [8, с. 104]. В рамках этого подхода глобализация понимается в экономическом контексте, как налаживание международных торговых связей, создание свободного рынка и транснациональных корпораций; глобализация не является феноменом современности, а имеет исторические корни.

Несмотря на разные векторы, оценивающие глобализацию как сугубо современный или исторически модифицируемый процесс, безусловным остается факт влияния глобализации на современное общество и человека. Какими же трансформации в понимании человека в современной культуре? Рассмотрим влияние глобализации на современного человека через гендерную составляющую.

Гендер и глобализация

В условиях современности гендер претерпевает многосторонние изменения, обусловленные различными факторами, в том числе и глобализацией, которая укрупняет понимание гендера и его роли в жизни человека, объединяя культурно-социальную, психологическую и физиологическую составляющие. Глобализируются современные формы гендерных взаимоотношений, становясь интернациональными, компьютеризированными, гибкими, демократичными.

Одной из таких форм является «гендерный либерализм», предполагающий многозначный, гибкий подход, с одной стороны, в понимании самого гендера, пола и сек-

суальности, а с другой — в выборе партнера, который может не только различаться по полу, но и вообще не зависеть от него (например, транссексуалы или бисексуалы, не отдающие предпочтения в отношениях какому-либо определенному полу). Кроме того, «гендерный либерализм» проявляет себя в изменчивости ценностного отношения к полу, который, наряду с традиционным пониманием, где пол является главным критерием в выборе партнера, воспринимается как причина ограниченности человеческой сущности. В результате такого восприятия гендера стирается грань, разделяющая мужчину и женщину, размываются традиционные стереотипы поведения, манеры одеваться, образа жизни, креативности полов, происходит становление гендера не как природной принадлежности индивида к определенному полу, со всеми сопутствующими психологическими характеристиками, но как свойства личности, формируемого ей самой в течение жизни и современный человек имеет возможность изменения природного пола в зависимости от собственных желаний, убеждений.

Следствием «гендерного либерализма» является легитимация в современном обществе однополых отношений, браков, на фоне которой формируются «лесбигей»-движения со своей субкультурой и этикой, позиционирующие себя как новое прогрессивное общество, раздвигающее рамки традиционности и догматизма, привлекая тем самым в свои ряды большое количество молодежи.

Другим фактором, характеризующим глобализационную трансформацию гендера, является сетевое общение, в первую очередь связанное с сетью Интернет, многообразии и доступности информации в которой увлекает пользователя, заставляя все больше времени проводить в сети, вовлекая его в новую предпочтительную реальность, в которую допускается лишь желаемое и изгоняется все другое. Боязнь противоположного пола, неуверенность в себе, психологический дискомфорт сами собой уходят на задний план в виртуальной реальности, где «Я» выстраивается не в зависимости от возможностей личности, а детерминируется лишь желаниями и фантазией.

В Интернете в широком доступе находятся сайты, блоги, страницы, чаты, связанные с сексуальной тематикой. По данным И.С. Кона, примерно 30% всех пользователей глобальной сети (что составляет более 300 млн. человек) используют ее в сексуальных целях [7, с. 182]. Виртуальный секс — особая глобализированная форма контакта в сети, связанная с визуально-информативным воздействием на пользователя, результатом которого становится сексуальное удовлетворение. Особенностью таких отношений является отсутствие телесного общения, обязательств, безграничность фантазий и т.д. «Виртуальные отношения» освобождают от комплексов стыда, страхов, неуверенности в себе, условностей, преодолевают социальные, моральные, половые ограничения, давая возможность быть тем, кем хочется быть, полностью реализуясь в искусственном образе.

Отсутствие телесного, вербального, физического контакта дает возможность сознательного контроля информации об индивиде, предоставляемой собеседнику. В этом смысле виртуальные отношения являются эмерджентными, не зависящими от истинной сущности личностей партнеров. Еще одной характерной чертой виртуальных контактов становится идеализация собственного образа, представляемого в Сети. Эту идеализацию нельзя однозначно определить как ложь, однако она затрудняет процесс адекватного понимания партнера, что лишает взаимоотношения жизнеспособности в реальном мире. Исследователи бытия человека в мире цифровых технологий К. Керделлан и Г. Грезийон так говорят о виртуальных взаимоотношениях: «...люди считают, что продвинулись дальше и постигли истинную суть их собеседника. Но это лишь иллюзия. Все, что люди пишут о себе он-лайн, отражает их собственное мнение о них самих. <...> Они руководствуются логикой желанности, которая заставляет их идеализировать себя. Речь идет не о сознательном вранье. Это свободное толкование реальности...» [6, с. 104]. Соответственно, подобные отношения можно определить как иллюзию, фантазм, возникающий в совокупности непреодолимого желания духовных отношений и воображаемого партнера, который пишет своему собеседнику то, что ему хочется прочесть. Проблему одиночества любовь в Сети также не способна решить, поскольку она создает лишь воображаемое присутствие и иллюзию близости, рассеивающуюся в реальном времени (проблемы несоответствия реального и виртуального в любви ярко иллюстрирует ставший бестселлером 2008 года роман Я. Вишневского «Одиночество в сети»).

Влияние глобализации на гендерные отношения можно отметить и в теории андрогинности — объединении мужского и женского в одно целое, стирании психологических гендерных отличий, сохраняющихся лишь в рамках физиологии.

Концепция социальной андрогинности была предложена С. Бем [3] в 70-е годы XX в. в качестве решения проблемы психического здоровья человечества, ведущего открытую половую конфронтацию и вызвала огромный интерес и сочувствие в обществе. Стали активно развиваться концепции социально-культурной детерминации поло-ролевого поведения, считающие, что черты характера у человека обусловлены не его биологической принадлежностью к определенному полу, а особенностями его социализации. Общество предпринимает попытку преодоления феминно-маскулинной демаркации.

Другой теорией, характеризующей влияние глобализации на гендер, отметим теорию Дж. Батлер, которая заимствует у Дж. Остина термин «перформативность», применяя его в отношении гендера. Перформативность гендера отрицает андрогинность как обусловленность формирования гендерной позиции исключительно социокультурными факторами, исключая физиологический детерминизм. Дж. Батлер предлагает процессуальность гендерного самоопределения, гендер — есть результат

многократных перформативных действий, обусловленных культурным контекстом, она находится на рубеже половой и культурной предопределенности и произвольности: «Парадоксальным образом переосмысление идентичности как следствия, то есть как произведенного или порожденного открывает возможности «действий», которые незаметно перекрываются, если типы идентичности рассматриваются как предзаданные и неизменные. Если идентичность понимается как следствие, то это означает, что она не является ни фатально предопределенной, ни совершенно искусственной и произвольной» [12, с. 147].

Здесь мы видим глобальный подход к определению самого гендера, которое учитывает большинство факторов и привносит гибкость в понимание гендера и пола.

Мы рассмотрели влияние глобализационного подхода на гендерную составляющую человека и выявили новые формы понимания гендера — андрогинную и перформативную, измененные формы гендерных взаимоотношений — либеральную и виртуальную. Это свидетельствует о включенности глобализации в жизнь человека, ее влиянии (прямом или косвенном) на гендерную идентификацию личности и взаимоотношения людей в обществе.

Литература:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 188 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма, ответы на глобализацию. М., 2001.
3. Бем. С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — 336 с.
4. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада М., 2003. — 444 с.
5. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004., с. 35
6. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых / пер. с фр. А. Луцанова. Екатеринбург, 2006. С. 104.
7. Кон И. С. Сексология. М., 2004. — с. 182
8. Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Линдси Бринк. Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 104
9. Межуев В. М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. № 3. 2000. С. 102–115.
10. Панарин, А. С. Глобализация // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом М., 2003.
12. Butler Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990, p. 147
13. Ohmae K. The end of the nation state: The rise of regional economies. — L.: Harper Collins, 1995. — X, 214 p.

Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории

Суховская Дарья Николаевна, аспирант
Пятигорский государственный лингвистический университет

Пространство — философская категория, отражающая свойства материальных явлений: где-то находится, как-то располагаться, обладать какой-то формой, выражающая способ существования материи. В XXI веке актуальность приобретает новый социально-философский феномен — формирование креативного пространства городов. Вопросы креативного управления городами и креативной организации городской среды впервые рассматриваются в книге английского исследователя Ч. Лэндри «Креативный город» [1]. Ч. Лэндри считает, что интерес девелоперского сообщества к созданию так называемых «креативных пространств» — проектов, рассчи-

танных на привлечение творческого сообщества и реализацию на своих территориях всевозможных арт-замыслов в условиях глобализации современного общества постоянно возрастает.

Креативные пространства городских поселений — это публично доступные места города, где люди могут свободно самовыражаться, обмениваться идеями, демонстрировать другим результаты своего творчества и коммуницировать с другими не в роли потребителя товаров или работника компании, а в роли создателя, разработчика, творца уникального продукта своей личности. Креативное пространство дает возможности для творческой

самореализации с учетом индивидуальных способностей и увлечений горожанина. По большому счету, креативное пространство — это свобода любых проявлений личности, идущих из индивидуального творческого посыла и формирующих интересы и свой личный «вкус жизни».

С появлением технологии культуры современных коммуникаций и таких феноменов, как стартап-культура (культура, строящаяся либо на основе новых инновационных идей, либо на основе только что появившихся технологий [2]) стало возможным опираться не на статистику, а на конкретные инициативы сообществ и малых групп по локальной реорганизации среды. Таким образом, «креативный город» становится гораздо более разнообразным и содержит в себе пространства, реализующие и развивающие потенциал самых разных социальных групп, исходя из этого, «креативное пространство» можно определить как инфраструктуру, где можно проводить или посещать мероприятия, найти сторонников, сотрудников, подрядчиков, а также партнеров для реализации инновационных социально-значимых проектов или коммерческих стартапов.

Креативное пространство является демократичной средой для общения, совместной работы, максимальной самореализации и высокого заработка специалистов креативных профессий [3]. На наш взгляд, в современной России к представителям креативных профессий (креативного класса) можно отнести тех, кто в рамках профессиональной или социальной деятельности является создателем инноваций, генератором развития, создает и развивает «точки роста». Подобными представителями креативного класса в современной России являются научные деятели, занимающиеся исследованиями в области отраслевой и фундаментальной науки, ученые занимающиеся разработкой и реализацией высокотехнологичных изобретений, представители созданного с нуля, а также венчурного бизнеса, а также представители интеллигенции, работающие в сфере формирования духовной и информационной реальности.

В свою очередь представители «рутинных» профессий также могут быть составным элементом креативного класса, при условии, что они склонны к внедрению инноваций и усовершенствований в пределах своей профессиональной деятельности, особое место среди них принадлежит бюрократам-инноваторам [4, с. 35–36].

Рассматривая необходимость создания креативных пространств в городской среде следует выделить несколько основных целей их функционирования:

1) Обеспечение творческой молодежи (креативному классу) среды, богатой возможностями для обучения, самообучения, обмена навыками, экспериментирования и реализации собственного видения города, мира.

2) Направление накопленной энергии дискомфорта и творческого поиска, противоречия между искомым и существующим настоящим на реализацию сценариев будущего на нескольких отдельно взятых экспериментальных площадках.

3) Трансляция наиболее успешных решений конкретных задач (в сфере IT, живописи, управления ресурсами или градостроительства), апробированных в «креативных пространствах» в большую по масштабу среду района, города, республики.

4) Восполнение рабочих мест в традиционной промышленности: порядка 30 % трудоспособного населения в развитых городах мира занято в творческих профессиях.

5) Вывод депрессивных городских районов из депрессивного положения.

6) Повышение туристической привлекательности города (например, Манчестер, Барселона или Нант, предлагают своим гостям возможность окунуться в атмосферу современной творческой жизни). На наш взгляд, наличие в городе креативного кластера позитивно влияет на такую экономически измеряемую характеристику как его привлекательность для туристов [5, с. 45]. К примеру, американский Даллас, не отличающийся богатой архитектурой, обзавелся районом художников и дизайнеров — Бишоп-Арт-Дистрикт [6, с. 2]. Оригинально разрисованные стены зданий, множество художественных мастерских и мини-галерей, а также огромное количество ресторанов и магазинчиков в эклектичном стиле оказались хорошей аттракцией для гостей города.

По словам Тоби Хаям, основателя Creative Space Management, «в креативном пространстве должны быть все необходимые для комфортной работы условия, такие как кафе и удобные стулья, это понятно, но самое важное — культура, вернее, дух сотрудничества, его тоже можно спроектировать» [7, с. 35–36], по мнению автора, поддержание и развитие творческой активности возможно при условии проектирования «духа сотрудничества», который в полной мере позволят создать современные многоструктурные креативные городские пространства, такие как лофты, зоны коворкинга и арт-территории, арт-кварталы, дизайнерские ритейл-стрит, центры современного искусства.

Рассмотрим составные формы существования креативного пространства современного города:

Лофт — тип жилища, переоборудованное под жильё помещение заброшенной фабрики, другого здания промышленного назначения.

Зоны коворкинга (англ. co-working — совместно работающие) — отдельное пространство для совместной работы, в основе которого лежит модель работы, в которой участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. В частности, коворкинг популярен среди фрилансеров, удаленных сотрудников, переводчиков, программистов, дизайнеров и начинающих предпринимателей. Коворкинг занимает промежуточное место между работой из дома и использованием отдельного офиса.

Арт-пространство — бывшие промышленные пространства с их огромными площадями и высокими потолками использующиеся не только для жилья, но и для организации многофункциональных культурных цен-

тров с выставочными залами, кафе, ресторанами, офисами, концертными площадками. Примерами европейских арт-пространств, существующих в формате культурных центров, сдающих часть своих помещений под офисы, шоу-румы, рестораны, ателье, танцевальные студии и т. д., являются CABLE FACTORY в Хельсинки, MELKWEG в Амстердаме, TEA FACTORY в Лондоне, SUPERSTUDIO в Милане, лофт-проект «Этажи», лофт Rizzordi Art Foundation и креативное пространство «Ткачи» в Санкт-Петербурге, Винзавод, ArtPlay, Flacon, Даниловская мануфактура и Красный октябрь в Москве, «Лофт» в Екатеринбурге. Каждый из этих и многих других проектов представляет собой переоборудованное дизайнерами и архитекторами индустриальное пространство.

Арт-квартал — это часть города, ориентированная отвечающая следующим критериям: относительная компактность размещения и пешеходная доступность всех объектов, обеспечивающих разнообразное и насыщенное событиями времяпрепровождение. Он должен быть комфортным, эстетичным и аутентичным местом, где приятно и интересно проводить время. Представителям творческих индустрий арт-кварталы предоставляют возможность работать, экспонировать и продавать результаты своего труда. Инвесторам, удачно вписавшим в структуру квартала бутики дизайнерских марок, кафе, бары и т. п. Примером арт-квартала может служить Куин-Стрит Арт-Дистрикт в Торонто — периферийная улица, в последние годы «оккупированная» молодыми галереями.

Дизайнерские ритейл-стрит — Street retail — разновидность торговой недвижимости, представляющая собой

торговые помещения, расположенные на первых этажах зданий, имеющие отдельный вход и собственные витрины.

Центры современного искусства — музейно-выставочная и научно-исследовательская организация, деятельность которой направлена на развитие современного отечественного искусства в контексте мирового художественного процесса, формирование и реализацию программ и проектов в области современного искусства, архитектуры и дизайна в стране и за рубежом.

Современный город характеризуется как мобильное, разнонаправленное и постоянно трансформирующееся социальное пространство и процессы, протекающие в нем. По определению Британского департамента культуры, медиа и спорта, ставшему на сегодняшний день каноническим, творческие городские пространства — места осуществления деятельности, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая может создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

Глобализирующийся мир постоянно трансформируется и изменяется, а традиционные российские учреждения культуры — не способны своевременно реагировать на происходящие изменения, поэтому они вызывают все меньший интерес у аудитории и у создателей объектов культуры. Необходимо разработать новый тип институций, которые могли бы отвечать запросам аудитории. Выходом из этой ситуации становится создание креативных городских пространств — соединения динамики бизнеса и потенциала деятелей культуры в одном индустриальном пространстве.

Литература:

1. Landry C., Bianchini F. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovation. — 2000. — NY. — P. 45–48.
2. The Ultimate Guide to a Startup Company Culture [Электронный ресурс]. — URL: <http://startupmanagement.org/2013/07/03/ultimate-guide-to-a-startup-company-culture/> (дата обращения 11.07.2013).
3. Первый объект креативной экономики на Юге России [Электронный ресурс]. — URL: <http://creativespace.pro/> (дата обращения 18.08.2013).
4. Суховская Д. Н. Концепция креативного класса в глобализирующемся обществе // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. — 2013. — Т. 25. — № 2. — С. 34–37.
5. Sukhovskaya D. N. Creative XXI Century City Space Formation: Social and Philosophical Aspect // «European Applied Sciences». — 2013. — № 7. — P. 45–49.
6. The Bishop Arts District [Электронный ресурс]. — URL: <http://bishopartsdistrict.weebly.com/> (дата обращения 20.08.2013).
7. Хаям Т. Сессия «Творческие пространства для творческих предпринимателей» [Электронный ресурс]. — URL: ww.creativeindustries.ru/rus/news/Creative-spaces (дата обращения 21.08.2013).

ПРОЧЕЕ

Les groupes vulnérables dans la République de Bulgarie — caractéristiques essentielles

Велковска Гена Цветкова, доктор по Економика, доцент;
Тракийски университет (г. Стара Загора, България)

Introduction

Au cours des dernières années, dans la théorie et dans la pratique d'un certain nombre de domaines de recherche (politique sociale, la démographie, le développement humain, la politique de population, la sécurité sociale, la politique de santé, etc) ont la notion de «groupes vulnérables». Sauf lui, la citoyenneté et de concepts connexes ont gagnés, tels que les «groupes sociaux» et «groupes défavorisés». Le concept même de «groupes vulnérables» indique que ce sont les communautés démographiques qui ne peuvent pas atteindre 100% socialisation pour de nombreuses raisons. Leur vulnérabilité a différents paramètres — l'ethnicité et de l'identité, du handicap, les paramètres d'âge, existant en dessous de la pauvreté absolue, l'instabilité économique en raison du chômage de longue durée, etc. Le groupe des personnes vulnérables rarement attribué également les orphelins de l'âge nubile, mais situé dans l'isolement social, les personnes souffrant d'addictions (les toxicomanes et les alcooliques), qui, bien que libéré de la dépendance ne sont pas acceptées par la société — il reste réservée. La même chose est vraie pour les personnes séropositives que groupe restreint et fermé s'isoler du monde extérieur et commencer à vivre dans leur groupe mini marginal.

Les groupes vulnérables font également partie des immigrants et des réfugiés que la société rejette ou accepte généralement difficile. A savoir les immigrants et les réfugiés sont ces groupes qui montrent habituellement les plus marginalisés de la société.

Regardement de phénomène démographique «vieillesse» du 21e siècle avec des qualifications conduisent à plus large éventail de groupes vulnérables et l'inclusion de ces groupes de personnes de plus de 60 ans. En règle générale, la majorité des personnes âgées ne sont pas seulement plus économiquement inactive, mais aussi avoir un certain degré de handicap (permanent ou partiel), les rendant participants inégales dans le marché du travail. En outre handicap qui se produit dans certaines de ces personnes subordonne sociale en termes de leur service coexister et de survie, et par conséquent vulnérable.

Le processus de vieillissement est caractéristique de la plupart des pays de l'Union européenne. Avec une part relativement proche de la population âgée de 65 ans et plus (17,0 à 18,0%) que la Bulgarie, l'Autriche, la Belgique, la Suède, l'Estonie, la Lettonie, le Portugal, la Finlande et l'Espagne. Supérieur est la part en Allemagne — 20,6%, Italie — 20,3%, et la Grèce — 19,3%. Dans d'autres pays, la part de la population adulte est inférieure à 17,0% (www.nsi.bg)

De toutes ces considérations, il faut souligner que la communauté démographique vulnérable aux termes structurels internes, notamment les sous-groupes démographiques suivants (avec quelques réserves):

1. Personnes handicapées

Selon certains auteurs, le handicap est un phénomène social. C'est un système de processus et phénomènes qui donnent lieu à de nombreuses et diverses difficultés.

Handicap lui-même est considéré avant tout comme un fait social, forment un statut social spécifique comme un conflit de personnalité avec de multiples et diverses barrières sociales. En d'autres termes, le handicap est le fondement, la caractéristique principale fonction qui constitue l'un des plus nombreux — chez les hommes ou femmes, jeunes ou âgées, les catégories sociales — que des personnes handicapées. Handicapées parallèles ne font pas partie homogène de la société. Catégorie sociale est désactivé ou construit à partir de nombreuses communautés sociales, les grands et les petits groupes sociaux différents — parfois diamétralement opposés, souvent personnifiée — problèmes et besoins. Dans le même temps, les personnes souffrant de différents handicaps, leurs groupes sociaux et collectivités sont reliées (à l'intérieur, dans la catégorie sociale) en général s'appliquer à tous les signes, les indicateurs et les caractéristiques. Ainsi, le terme «handicapé» (respectivement «handicap») est un terme générique pour une catégorie sociale. Cela implique l'existence de multiples concepts d'espèces qui reflètent un ou l'autre type spécifique d'invalidité et de diverses personnes à mobilité réduite — comme

les personnes handicapées et les personnes ayant une déficience mentale.

Du point de vue du degré de vulnérabilité, le degré d'invalidité, la mesure de la possibilité de surmonter le handicap ou entièrement dans une certaine mesure, il existe diverses classifications de handicap. En termes de relations handicapées — groupe social — la société doit être considérée avant tout sur la capacité ou l'incapacité de la personne handicapée ou une personne handicapée ne peut pas perdre des occasions d'appartenance sociale. Depuis le handicap est, par-dessus tout, la nature biologique médicale, ce qui précède est difficile à prédire. En général, cependant, les gens atteints de troubles de la capacité pour un service personnalisé et de mener une vie pleine avec le temps cercle étroit des contacts sociaux et souvent rejetées ou l'auto-isolement. Par conséquent, un cours de conduite commun de la part de ces autorités étatiques et municipales qui s'occupent des problèmes des personnes handicapées est la ligne d'intégration des personnes handicapées à intégration dans la société, le groupe et éviter l'isolement.

2. Alcooliques, des toxicomanes et des séropositifs

Selon le projet de stratégie nationale de la santé de la République de Bulgarie pour la période 2014–2020, toutes les 8 bulgare potable alcool fort chaque jour et chaque 4 — tous les deux jours. Du point de vue de la psychiatrie, l'alcoolisme est considéré comme une addiction, une maladie chronique, à partir de laquelle la Bulgarie a subi 300.000 personnes.

Statistiques officielles des Alcooliques anonymes états que plus de 80 000 personnes sont alcooliques en Bulgarie. Outre cela, un autre demi-million de citoyens abuser régulièrement. Globalement, le nombre d'alcooliques 2.000.000 personnes.

Le nombre de toxicomanes dans le pays est de 300.000 personnes. Le plus petit groupe de consommateurs d'héroïne — environ 30–40 mille hommes. Selon les données officielles, 100 à 120000 personnes en Bulgarie prendre de l'amphétamine. Les experts ont indiqué que 4–5% des crimes commis en Bulgarie avec dépendances. Bulgarie exploite un bureau de l'Agence américaine des médicaments dans le pays des Balkans (DEA), après ceux de la Grèce et de la Turquie, et 85e globalement dans le monde.

Selon le ministère de la Santé pour la période 1986–13.08.2013 année, le nombre total de personnes infectées par le HIV en Bulgarie s'élève à 1753 personnes. Depuis le début de l'année enregistré 129 nouveaux cas d'infection par le HIV. Au cours des dernières années, le nombre des tendances des nouveaux hommes séropositifs est presque 3 fois plus élevé que le nombre de nouvelles femmes séropositives. En 2013, dans le pays, le nombre de nouveaux hommes séropositifs est de 97 et les femmes séropositives — 26. De nouveaux cas sont concentrés principalement dans les grandes régions du pays, à savoir: la ville de Sofia, Plovdiv et Varna. Pendant la période 2004–2011, la tendance va dans le sens d'augmenter l'infection à HIV parmi les consommateurs de

drogues injectables en 2011 ans, ils ont 32% du nombre total de personnes nouvellement inscrites. Les données montrent que, en 2012, leur part a diminué à 25,4%. En 2012, cependant, il ya eu une augmentation de la prévalence du HIV parmi les autres groupes vulnérables — les hommes qui ont des rapports sexuels avec des hommes. Traitement des personnes séropositives dans le pays sont financés par le Fonds mondial de lutte contre le sida. Le traitement est effectué dans cinq centre spécialisé pour les cliniques infectieuses à Sofia, Plovdiv, Varna, Pleven et Stara Zagora.

3. Immigrants et Réfugié

Les statistiques montrent que dans l'Union européenne comme des étrangers vivant sur 34,3 millions de personnes. Les Européens qui ont choisi de vivre dans un autre pays de l'UE sont plus de 13 millions de personnes et 20,7 millions sont des immigrants en provenance de pays extérieurs à l'Union européenne. Selon Eurostat, en Bulgarie il ya 42.000 étrangers, soit 0,6% de la population de la Bulgarie. Bulgarie a le pourcentage le troisième plus bas des étrangers (immigrés) qui ont choisi de vivre en elle. Parmi les 42.000 personnes vivant dans le pays comme des immigrants, 11.000 étaient originaires — État de l'Union. Le plus grand groupe de Russes comme des immigrants — environ 12 mille personnes.

Les données montrent que, au cours de l'année 01.01.1993–31.08.2013 année, 24.284 personnes ont cherché protection en Bulgarie. De ce nombre, 1 549 personnes du statut de «réfugié» en 5414 est un statut humanitaire et 6726 vu refuser le statut de réfugié. Au cours de la même période de 361 personnes ont mis fin au statut de «réfugié». Le pic de la vague de réfugiés en Bulgarie en 2001–2002 après les attentats de New York, Etats-Unis, sur 11.09.2001 année.

Selon l'Office européen des statistiques (Eurostat) en 2012, le territoire des demandeurs de l'Union européenne ont demandé à environ 332.000 personnes. De ce nombre, plus de 100.000 ont été accordés protection. Près de 50.000 personnes en 2012 ont reçu le statut de «réfugié» dans l'Union européenne, 36.000 personnes est une protection et 14.000 autorisation de séjour pour des raisons humanitaires.

Conformément à l'art. 20 de l'Asile des réfugiés ne sont pas autorisés restriction des droits ou privilèges des étrangers cherchant ou ayant reçu une protection en Bulgarie fondée sur la race, l'origine ethnique, le sexe, l'origine, la religion, l'appartenance politique, personnel et statut social ou de fortune.

Un étranger qui s'est vu accorder le statut de «réfugié» en supposant que les droits et obligations des citoyens bulgares, à l'exception: le droit de participer aux élections étatiques et les autorités locales, nationales et les référendums locaux et de participer à la création et à adhérer à des partis politiques, à occuper une position qui est requis par la loi nationalité bulgare d'être un militaire, et d'autres restrictions expressément prévues par la loi.

Étranger avec un statut humanitaire auront, dans les droits et obligations d'un étranger avec un permis de séjour permanent en République de Bulgarie.

Un étranger qui, conformément aux termes et dispositions de la loi sur l'asile et des réfugiés a accordé l'asile, le statut de réfugié, le statut humanitaire ou de protection temporaire peut demander à rejoindre sa famille en Bulgarie. Un étranger qui s'est vu accorder le statut de réfugié ou le statut humanitaire, qui est logé dans le centre d'enregistrement et de réception doit quitter le bâtiment de l'auberge où placé que seuls les étrangers le même sera logé dans la procédure d'octroi de la protection.

4. Population adulte

Selon les données de l'INS, la population de la République de Bulgarie le 31.12.2012 s'élève à 7.284.552 personnes. De cet ensemble démographique, de l'âge, chez les personnes de plus de 60 action de base des personnes entre 60 et 64 ans — 524 797 personnes, soit 7,20 %. La deuxième est la tranche d'âge entre 65–69 ans — 445 750 personnes, soit 6,12 %. Personnes âgées de 70 à 74 ans étaient 342 073 personnes, soit 4,70 %. Le nombre de personnes âgées de 75–79 ans, 295 148 personnes, soit 4,05 %. Entre 80 et il ya 84 ans, le nombre de personnes est 196 114 personnes, soit 2,69 %. Les personnes qui sont âgés entre 85 et 89 ans représentent 90 822 personnes, soit 1,25 %. Entre 90 et 94 années ont été 23 132 personnes, soit 0,32 %. 2106 est le nombre de ceux âgés entre 95 et 99 ans, soit 0,03 %. Ceux numérotés 100 et plus 326 ou 0,004 %. En résumé, nous insistons sur le fait que le nombre absolu des Bulgares dans la tranche d'âge de

60 à 100 année + est 1920268. Cela représente 26,36 % de la population totale, ce qui signifie que la population adulte en Bulgarie (plus de 60 ans) que le quart de la population.

Conclusion

Charte sociale européenne, à laquelle la Bulgarie est partie, proclame un certain nombre de textes spécifiques piliers de la protection sociale des citoyens des signataires de la Charte. Outre les textes relatifs au droit à la vie, le travail, les droits de licenciement illégal, etc. l'accent et la protection sociale des citoyens et les conditions de vie dans lesquelles ils vivent. A partir de la droite à chaque citoyen de bénéficier de toutes les mesures lui permettant d'atteindre le meilleur état de santé possible, charte sociale sont mis textes:

- Tous les travailleurs et leurs ayants droit ont droit à la sécurité sociale.
- Toute personne qui ne dispose pas de ressources suffisantes a droit ou l'assistance sociale et médicale.
- Chacun a le droit aux services de services sociaux.
- Les personnes handicapées ont droit à l'autonomie, l'intégration sociale et la participation à la vie communautaire.
- Chacun a le droit au logement.

Protection des groupes vulnérables dans la République de Bulgarie ne diffère pas de la protection sociale des autres membres de la société. Protection des personnes handicapées et de la politique sociale pour leur soutien et leur intégration sociale sont des inclusions dans un certain nombre de lois de la République de Bulgarie, y compris la Constitution de la République de Bulgarie.

References:

1. Charte Sociale Europeen
2. Constitution de la Republique de Bulgarie
3. Strategie de Santé Nationale (2014–2020)
4. www.nsi.bg
5. www.lex.bg
6. www.ec.europa.eu/eurostat

Условия совершения преступлений из хулиганских побуждений

Еркубаева Анастасия Юрьевна, старший лейтенант полиции, адъюнкт
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва)

Согласно справедливому утверждению Ч. Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем карать за них» [4, с. 230]. Для того чтобы предупреждать преступления прежде всего необходимо выявить причины и условия, способствующие их совершению.

Важным условием успешной борьбы с хулиганством является глубокое изучение личности хулигана, знание

его социальных, правовых, социально-демографических, нравственно-психологических свойств личности. «Понять человека и его поведение, в том числе и преступное, невозможно без углубленного изучения его социально-демографических, нравственных и психологических характеристик» [1, с. 366]. Исследование этих данных имеет важное значение для выявления причин и условий, спо-

собствующих хулиганским проявлениям и разработке мер по их устранению, предупреждению.

К оценке личности хулигана можно подходить с двух диаметрально противоположных позиций: либо считая его человеком, от природы обладающим преступными свойствами, с предрасположением к совершению общественно опасных поступков (агрессивностью, жестокостью, корыстными свойствами и т. д.), — тогда хулиган не что иное, как «преступная личность», либо подходя к хулигану как социальному существу, приспособленному к жизни в обществе и «не запрограммированному» природой на вражду, на антагонизм с обществом и посягательства на его устои, тогда, хулиган будет рассматриваться как личность, которая в конечном счете под воздействием социальных условий совершила преступление или стала на путь совершения преступлений.

Анализ многочисленных и разнообразных хулиганских проявлений приводит нас к выводу о существовании системно-интегрированных факторов, обуславливающих хулиганское поведение. В связи с этим бессмысленным является старый спор о первичности биологического или социального.

Антиобщественное поведение формируется при помощи совокупности таких факторов как воспитание, круг общения, семейные традиции, уровень образования, материальное и социальное положение в обществе и другие социальные факторы, усиленные индивидуально-биологическими особенностями человека. Но для того чтобы одни факторы пришли во взаимодействие с другими, нужен некий связующий элемент — психика человека. Следовательно, нельзя говорить о том или ином отдельно взятом факторе как о первопричине преступления. Для успешной борьбы и предотвращения рассматриваемой категории преступлений нужно учитывать все возможные факторы, влияющие на возникновение этого явления.

Определяющим моментом, безусловно, необходимым для эффективной борьбы с хулиганскими побуждениями является изучение обстоятельств, лежащих в основе грубых нарушений общественного порядка. Для более полного уяснения всего комплекса обстоятельств, детерминирующих совершение рассматриваемого вида преступления, необходимо разделять их на условия, способствующие совершению хулиганства, и непосредственные причины, обуславливающие грубые нарушения общественного порядка.

Непосредственными причинами, способствующими совершению преступлений, в науке принято, называть совокупность явлений обладающих сложной структурой, которая охватывает различные уровни и периоды.

Мы согласны с утверждением С. В. Борисова — «непосредственной причиной хулиганских побуждений следует признать негативные составляющие мотивационной сферы виновных лиц, заключающиеся в неприятии большинства общепризнанных правовых, моральных и иных ценностей; деформированной потребности в самоутверждении, агрессивности и отсутствии внутренних ба-

рьеров на пути совершения хулиганских действий» [5, с. 108].

На наш взгляд, все внешние обстоятельства, влияющие на формирование указанных побуждений, а так же определяющие благоприятную обстановку совершения хулиганства необходимо относить не к причинам, а к условиям его совершения.

Под условиями совершения преступления понимаются совокупность обстоятельств, наличие которых создает благоприятную для совершения преступления обстановку. Применительно к хулиганским действиям они подразделяются на ряд групп. В первую очередь к обстоятельствам, способствующим совершению хулиганских действий, следует отнести слабую работу досуговых центров, учебно-воспитательных учреждений. Ведь многие лица, не находя иных способов занять свободное время, идут на поиски «приключений», острых ощущений, что нередко приводит к учинению драк, дебошей, беспричинных нападений на граждан. На это обстоятельство еще в начале нашего века обращал внимание В. В. Скидан, который писал: «Избыток, энергии, удали, при условии бесцельной праздности, свободы, времени, которое нечем заполнить, при крайней неразвитости интеллекта — все это толкает рассматриваемых нами индивидов на выше перечисленные эксцессы».

Серьезной проблемой нашего общества является воспитание молодежи в духе уважения к закону, привитие должного уровня культуры. Практически не ведется на сегодняшний день воспитательная работа в школах, высших и средних специальных учебных заведениях, трудовых коллективах учреждений и предприятий. М. А. Ефимов отмечает, что во многом причины хулиганства и сопутствующих ему насильственных преступлений заключаются, прежде всего, в низком уровне сознания и культуры определенной части людей.

По-прежнему удручающим остается состояние правовой культуры населения. Нередко в общественном сознании не только не осуждаются факты совершения хулиганств, но зачастую грубое нарушение общественного порядка считаются проявлением «удали», «доблести». Во многих, случаях недооценивается степень общественной опасности хулиганства, снисходительное отношение к лицам, их совершившим. В силу этого значительное число фактов грубого нарушения общественного порядка остается неизвестным для правоохранительных органов, ввиду отсутствия заявлений. Повсеместно отмечается крайне слабая активность населения по оказанию помощи в раскрытии и расследовании дел подобной категории. Это способствует появлению у нарушителей порядка чувства безнаказанности и, как следствие, совершению ими новых, порой еще более опасных преступлений.

Существенным образом на создание благоприятного фона для совершения грубых нарушений общественного порядка влияют недостатки в деятельности правоохранительных органов, в частности полиции, прокуратуры, суда. Среди условий, способствующих хулиганству в общест-

венных местах можно выделить слабую организацию правоохранительных органов по охране общественного порядка, недостаточное внимание, городских организаций к вопросам планировки и освещения улиц и площадей и т. д.

Так же к условиям совершения хулиганских действий относятся недостаточная численность и оснащенность патрульных нарядов, их бессистемная расстановка, отсутствие гибкости при руководстве такими нарядами, недостаточная осведомленность сотрудников об оперативной обстановке, о причинах и условиях совершения преступлений данной категории, а так же о способах их выявления и возможных мерах их нейтрализации. Кроме того, срок проверки по заявлениям и сообщениям граждан о преступлениях из хулиганских побуждений безосновательно затягивается, как впрочем, и расследование таких уголовных дел [5, с. 109].

Недостаточно своевременное реагирование на факты совершения хулиганских действий, необоснованная снисходительность к нарушителям, существенные пробелы в деятельности по охране общественного порядка в ряде случаев порождают у некоторых лиц чувство безнаказанности и вседозволенности.

Одним из условий, способствующих проявлению хулиганства, служат недостатки, имеющиеся в деятельности правоохранительных органов по охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями и преступностью. К числу таких недостатков можно отнести порой формальное отношение работников полиции к разрешению заявлений и сообщений граждан о нанесении им побоев, телесных повреждений, уничтожении имущества и угрозах со стороны лиц систематически нарушающих общественный порядок. Немаловажным фактором является привлечение к работе по пресечению и предупреждению бытового хулиганства сотрудников, не имеющих практического опыта, специальных навыков работы в конфликтных ситуациях, что приводит к нарушению законности и жалобам со стороны населения, а так же к неполноте расследования и сбора сведений, характеризующих личность хулигана. Как следствие — даже по делам, дошедшим до суда, нередко выносятся необоснованные приговоры [6, с. 74–75].

Причинами совершения хулиганских действий, как и всей преступности в целом, являются обстоятельства, связанные с недостаточной штатной численностью полиции и перегрузками в работе, применением устаревших технологий охраны общественного порядка, обусловленными низким уровнем материально-технического обеспечения ОВД, недостатками организации взаимодействия с общественными формированиями. В ряде подразделений еще живо стремление к поддержанию показателя мнимого благополучия в работе путем сокращения числа нераскрытых преступлений за счет их укрывания, регистрации только наиболее тяжких посягательств, необоснованных переквалификаций нераскрытых преступлений по статьям с менее строгими санкциями.

Основными причинами совершения хулиганства, на сегодняшний день можно признать проблемы, связанные с социально-бытовыми условиями жизни нашего общества.

Причинами совершения хулиганских действий выступают обстоятельства и явления, сложившиеся в обществе, которые детерминируют собой становление антисоциальных установок. Существовая объективно, именно они служат основой совершения хулиганских действий. Неуважение к обществу как таковому не может возникнуть и существовать само по себе, оно всегда связано с отмеченными факторами и является их следствием. В силу этого причинами хулиганства становятся именно социальные условия, порождающие, в конечном счете, отрицательные установки и как конечный результат — совершение преступления.

Существенным фактором, влияющим на динамику хулиганских проявлений, стали в настоящее время пробелы воспитания детей в семье, ведь семья является первичной ячейкой, где начинается формирование личности и воспитание человека. Здесь ребенку прививаются основные моральные требования, правила приличия, формируются главные черты характера, которые затем развиваются в процессе жизни. Человек, усвоивший с детских лет правила морали, менее подвержен отрицательным влияниям других лиц. Но при этом родители сами должны иметь представление о полезности и необходимости моральных требований и запретов и уметь донести их до сознания ребенка. Мы не можем не согласиться с теми исследователями, которые подчеркивают особенность воспитания детей в неполных семьях, где дети воспитываются одними матерями. Отсутствие отца в семье ранит детскую душу, у него вырабатывается негативное отношение к окружающим, он заиклевается на своих негативных переживаниях.

Обида «на весь мир» — вполне криминогенное состояние индивидуального сознания. Так, по данным В. Т. Калмыкова каждый шестой несовершеннолетний осужденный за хулиганство в 1970 — е гг., воспитывался без отца [7]. На сегодняшний день данные показатели возрастают.

Если в семье процветает грубость, бескультурье, эгоизм, жестокость и алкоголизм, велика вероятность формирования озлобления, культа силы и вседозволенности в сознании будущих преступников для достижения любых целей, в том числе самых низменных, самых позорных с точки зрения большинства членов общества. В семьях преступников обычно наблюдается неблагоприятный морально-психологический климат, обостряющийся педагогической неграмотностью членов семьи, низким уровнем их правовой и нравственной культуры [3, с. 5].

Важной причиной является крайне слабая воспитательная работа в школе из-за низкого уровня материально-технической базы, нерегулярно выплачиваемой низкой зарплатой учителей, сомнительных реформ учебных программ с непредвиденными последствиями,

а так же отсутствием современной правовой пропаганды среди учащихся, что отрицательно влияет на процесс формирования личности. Из СМИ и специальной литературы видно, что школа фактически превратилась в «штамповочную машину», которая, закрывая глаза на низкий образовательный и культурный уровень большой массы выпускников, выдает аттестаты, снимая с себя груз ответственности. [9, с. 37].

Объективные духовные трудности и потери общество понесло в результате борьбы с религией. Религия — это не только вера в Бога, загробную жизнь и т.д., это еще и набор нравственных постулатов, принципов и норм, имеющих общечеловеческое значение. Мы считаем, что вера и связанные с ней нравственные нормы способны многих удержать от аморальных поступков, и в целом религия может существенно способствовать снижению напряженности в обществе [2, с. 142].

Это в свою очередь способствует становлению антиобщественных взглядов, привычек и установок, которые, как известно, играют доминирующую роль в поведении человека. У подрастающего поколения нередко отсутствуют элементарные представления о добре и зле, базовые моральные нормы. «На криминализацию детей, — пишет Калмыков В.Т. — влияет, конечно, и ослабление воспитательной функции школы, и семейное неблагополучие, порожденное экономическим кризисом, и разрушение системы социализации подрастающего поколения в целом».

Помимо выше сказанного, одной из основных причин, лежащих в основе хулиганства, является алкоголизм. Потребление спиртного в чрезмерных дозах влечет за собой ослабление уровня сознания человека, существенное снижение самоконтроля, оказывая весьма пагубное воздействие на его психику. Состояние опьянения, указывает Н.Г. Иванов, увеличивает психическую и двигательную активность человека, затрудняет концентрацию внимания, происходит переоценка своих возможностей, снижается самокритика. В состоянии опьянения растормаживаются инстинкты и проявляются скрытые особенности личности и переживания, контролируемые в трезвом состоянии (ревность, тщеславие, обиды и т.п.).

Механизм влияния алкоголя проявляется в том, что у лица, находящегося в состоянии опьянения, существенно ослаблен самоконтроль, что обуславливает легкий выбор антиобщественных форм, поведения, тогда как в трезвом виде решиться на грубое нарушение порядка более трудно. Наряду с этим состояние веселья, безалаберности, эйфории создают своеобразный «фон», способствующий совершению бездумных выходок, перерастающих в хулиганство, но воспринимаемых пьяными как озорство.

Помимо этого, как отмечалось выше, алкогольное опьянение вызывает неадекватные реакции на внешние раздражители, что в ряде случаев способствует возникновению и развитию ничем не обусловленных конфликтов (например, бурная реакция в ответ на отказ дать закутить).

Наряду с пьянством все возрастающее влияние среди причин хулиганства приобретают в наши дни такие явления, как наркомания и токсикомания. Указанным заболеваниям присущи все моменты негативного влияния на организм и психику человека, свойственные алкоголю, В то же время их отрицательное воздействие особенно ярко проявляется в период абстиненции, так называемой ломки, т.е. состояния наркотического голодания организма, во время которого человек испытывает особенные психические и физические страдания. В таком состоянии лицо легко решается на совершение преступлений, в особенности хулиганства, вымещая, таким образом, на окружающих свою неудовлетворенность окружающим миром.

Алкоголизация и наркотизация приводят к деградации личности, утере высших ценностей, примитивизации потребностей, кроме того, их следствием является также разрыв с семьей и трудовым коллективом. Алкоголики и наркоманы обычно нигде не работают, а для того, чтобы добыть средства для покупки спиртных напитков и наркотиков, совершают как имущественные преступления (как правило, не представляющие большой общественной опасности), так и тяжкие насильственные преступления.

Огромное значение в детерминации хулиганских действий имеют низкое правосознание, низкая правовая культура и низкий уровень правового воспитания населения. Определенная категория граждан, не знающих о праве на необходимую оборону закрепленном в УК РФ, старается не вмешиваться и не пресекать хулиганские проявления, опасаясь за себя, что создает благоприятную обстановку для хулиганов. В.Н. Кудрявцев заметил, что «если хулиган видит беззащитность потерпевшего и безразличие со стороны окружающих граждан, он не только получает объективную возможность продолжать хулиганские действия, но и приобретает субъективную уверенность в своей безнаказанности и окончательно распоясывается» [8].

Низкая же правовая культура проявляется в том, что сами правонарушители не вполне адекватно оценивают свои действия с правовой точки зрения и считают, что в их действиях нет ничего противозаконного.

Совершение хулиганских действий зависит не только от ряда социальных причин и условий, рассмотренных выше, но и само порождает новые антиобщественные акты, т.е. происходит процесс самодетерминации хулиганства.

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов выделяют, по меньшей мере, четыре формы проявления самодетерминации. Первая форма проявляется в том, что одно удачно совершенное и нераскрытое преступление часто порождает другое. Именно на этой основе существует профессиональная и рецидивная преступность, деятели которой превращают совершение преступлений в постоянный промысел, в образ жизни. Вторая форма самодетерминации проявляется в совершении «вспомогательных», «подсобных» преступлений, которые затем неминуемо влекут за собой основные. Третья форма самодетерминации связана с организованной преступно-

стью. Однажды созданное преступное сообщество порождает целый «букет» различных преступных действий. Наконец, четвертая форма самодетерминации преступности проявляется через психологию населения. Если преступность высока, а преступления часто безнаказанны (как это имеет место в нашей деятельности), возникает особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий, а также представление о слабости, ничтожности законов. Это так назы-

ваемая аномия или безнормативность в поведении граждан, при которой они не верят в нормы права и морали и легко склоняются к противоправному, в том числе и преступному, поведению, ориентируясь на безвластие и слабую эффективность правоохранительной системы. Таким образом, уже само расширение преступности вызывает ее дальнейший рост; она становится, к сожалению, достаточно привычной формой существования в обществе.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Личность преступника. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. — С.366.
2. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения. М., 1992. — С. 142.
3. Бааль Е. Г. Современные тенденции преступности среди несовершеннолетних и молодежи (Основные криминологические показатели, причинный комплекс, проблемы профилактики). М., 1992. — с. 5.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М.: Фирма «Стелс», 1995. — С. 230.
5. Борисов С. В. Общественная опасность хулиганства и его предупреждение. Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел.. — М., 2006. — С. 108, 109
6. Векленко С. В. Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством. Омск: ЮИ МВД, 1998. — С. 74–75.
7. Калмыков В. Т. Хулиганство и меры борьбы с ним. Минск, 1979.
8. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступлений. — М., 1960.
9. Хренов А. В. Криминологические аспекты преступлений, предусмотренных статьей 213 УК РФ. Российский следователь № 7. 2004. — С. 37

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 10 (57) / 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Насимов М.О.

Ответственный редактор:

Кайнова Г.А.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (*Армения*)

Арошидзе П. Л. (*Грузия*)

Атаев З. В. (*Россия*)

Велковска Г. Ц. (*Болгария*)

Гайич Т. (*Сербия*)

Данатаров А. (*Туркменистан*)

Ешиев А. М. (*Кыргызстан*)

Игисинов Н. С. (*Казахстан*)

Лю Цзюань (*Китай*)

Нагервадзе М. А. (*Грузия*)

Прокопьев Н. Я. (*Россия*)

Прокофьева М. А. (*Казахстан*)

Ребезов М. Б. (*Россия*)

Хоналиев Н. Х. (*Таджикистан*)

Хоссейни А. (*Иран*)

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.